

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№ 2

Scientific quarterly

Moscow 2023

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 2

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2023

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф. (председатель)*

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*, Е.В. Барышева, *д-р ист. наук*

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*

доктор Гудрун Ершов (*Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия*)

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук*, В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*, В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*

Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*, А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*

С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*, О.В. Павленко, *канд. ист. наук, проф.*

Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*, И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*

А.А. Столяров, *д-р филос. наук, доц.*, П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., д-р ист. наук, доц.*

И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*

Ю.Г. Бит-Юнан, *д-р филол. наук, доц.*

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*

Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*

И.С. Курилович, *канд. филос. наук, ст. науч. сотр.*

Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*

Н.А. Филин, *д-р ист. наук, доц.*

Ответственные за выпуск

И.Н. Косиченко, *канд. ист. наук*

Е.А. Долгова, *д-р ист. наук, доц.*

Содержание

Латинская Америка: грани социально-политического развития

И.Н. Косиченко

К выходу третьей латиноамериканской рубрики 9

А.В. Емцова

Региональная идентичность элит Новой Испании XVII в.
в творчестве Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгоры 11

Н.С. Климов

Особенности монетарной политики и денежного обращения
на неиспанских Антильских островах в XVII–XIX вв. 22

В.Ю. Ляпин

Освальдианство в творчестве тропикалистов-музыкантов
периода военной диктатуры (1967–1968 гг.) 32

М.А. Копейкин

Становление режима Эрика Гейри на Гренаде 40

Ученые и научные коллективы

Н.В. Быстрый

Академическая повседневность профессорско-
преподавательской корпорации Московской
духовной академии в 1898–1905 гг. 54

В.Д. Евплов

К истории археографической деятельности
И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого:
документальный обзор 61

А.А. Киричек

Наука о политике и для политики: профессионализация
американской политической науки в начале XX в. 73

Политическое в культуре

С.В. Буслаева

Проблема «искусства в производстве»
в интеллектуальном творчестве Б.И. Арватова 83

А.В. Волкова

Архитектура и власть: трансформация жилищной
политики 1920–1930-х гг. 92

К.С. Шевякова

Культурные аспекты советской дипломатии в Венесуэле
(на материалах миссии Ф.А. Требина, 1946–1952 гг.) 101

Издательский портфель

Н.В. Годова

Дискурсивное слово «ну» 108

Кафедра

И.Н. Косиченко

Методические рекомендации к построению дисциплины
«История Латинской Америки в колониальную эпоху» 116

Abstracts 133

Сведения об авторах 140

Contents

Latin America: issues of social and political history

Ivan N. Kosichenko

To the release of the third Latin American heading 9

Anastasiya V. Emtsova

The regional identity of the elites of 17th century New Spain
in the work of Carlos de Sigüenza y Góngora 11

Nikolai S. Klimov

Features of monetary policy and circulation
in the non-Spanish Antilles in the XVII–XIX centuries 22

Veniamin Yu. Lyapin

Oswaldianism in the work of the tpopicalista musicians
during the military dictatorship period (1967–1968) 32

Mikhail A. Kopeikin

The emergence of Eric Gairy's regime on Grenada 40

Researchers and research teams

Nikolaj V. Bystryj

Academical everyday life of the professorial corporation
of the Moscow theological academy in 1898–1905 54

Vyacheslav D. Evplov

On the history of archaeological activity of I.L. Mayakovsky
and M.S. Vishnevsky: a documentary review 61

Anastasiya A. Kirichek

Science of and for politics: the professionalization
of American political science in the early XX century 73

Links between politics and culture

Sofiya V. Buslaeva

The problem of “art in production”
in the intellectual activities of B.I. Arvatov 83

Anastasiya V. Volkova

Architecture and power: the Transformation
of housing policy in the 1920s and 1930s 92

Kseniya S. Shevyakova

Cultural aspects of Soviet diplomacy in Venezuela
(on the materials of Foma A. Trebin’s mission, 1946–1952) 101

Plots

Nataliya V. Godova

The discourse marker “nu” 108

Department

Ivan N. Kosichenko

The history of colonial Latin America:
classroom discussion plans and methodological guidelines 116

Abstracts 133

Data about authors 142

Латинская Америка: границы социально-политического развития

И.Н. Косиченко

К выходу третьей латиноамериканской рубрики

Журнал «Гуманитарный акцент» рад представить вниманию читателя третью латиноамериканскую рубрику, в которую вошли публикации молодых исследователей студентов учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, посвященные различным проблемам социальной, экономической и политической истории региона. Магистральной темой рубрики является социально-экономическое и политическое развитие стран региона. В каждой из них, одновременно схожих и разнообразных, динамика процесса развития общества и государства была своей. В рамках данного выпуска будут рассмотрены такие темы, как формирование региональной идентичности в интеллектуальной и творческой среде, формирование базиса региональных экономических систем и опыт построения постколониальных государств. Обширность тем обусловила и широту хронологических рамок: от XVII до XX в. География исследований также обширна и включает в себя Мексику, Бразилию и страны Карибского бассейна.

Рубрику откроет статья А.В. Емцовой «Региональная идентичность элит Новой Испании XVII в. в творчестве Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгоры». Главный вопрос автора – в чем искали опору своей самобытности потомки испанских завоевателей? К каким аспектам культуры, мифам и политическим стереотипам они обращались в попытках утвердить свою отличность от Испании и одновременно равенство с ней? Благодаря анализу трудов одного из ведущих ученых мужей Мексики XVII в. автору удастся выявить основные черты той модели самоидентификации, которую пытались выработать в своей интеллектуальной деятельности наследники Кортеса и Монтесумы – представители новоиспанской аристократии.

Продолжает рубрику статья Н.С. Климова «Особенности монетарной политики и денежного обращения на неиспанских Антильских островах в XVII–XIX вв.», поднимающая важную тему в истории ре-

гиона – роль испанской монетарной системы в торговых отношениях за пределами формальных владений кастильской короны. Объемы производства серебряной монеты в Перу и Новой Испании и абсолютное доминирование Испанской Америки в добыче этого драгоценного металла в мире в рассматриваемый период сделали «песо в восемь реалов» универсальным платежным средством от Дальнего Востока до Балтики. Карибский бассейн, как наиболее интегрированная в международную торговлю область латиноамериканского региона, стал полем валютных экспериментов со стороны североевропейских держав, пытавшихся поставить под контроль или ограничить хождение испанской монеты на своей территории.

Работа В.Ю. Ляпина «Освальдианство в творчестве тропикалистов-музыкантов периода военной диктатуры (1967–1968 гг.)» возвращает рубрику к проблеме региональной и национальной идентичности, теперь – в Бразилии второй половины XX в. В рассматриваемый период бразильская творческая интеллигенция оказывается под давлением с двух сторон: военная диктатура, не всегда приветствующая новые формы самовыражения, в том числе по социально-политическим вопросам, и доминирование североамериканской культуры массового потребления, захватившей Бразилию своими смыслами, образами и ценностями. В статье анализируется влияние концепции «культурного каннибализма» О. ди Андради на развитие бразильской массовой культуры во второй половине 1960-х гг. и поиск бразильскими музыкантами способов выражения бразильской национальной культуры в глобализирующемся мире.

Завершает рубрику еще одна статья, посвященная событиям второй половины XX в., – работа М.А. Копейкина «Становление режима Эрика Гейри на Гренаде». Автор рассматривает социально-экономические и политические аспекты формирования режима личной власти в особых для региона условиях. На фоне двух десятков государств, обретших политическую независимость еще в начале XIX в., Гренада, формально ставшая суверенным государством лишь в 1974 г., выделялась тем, что построение достаточно типичного для региона авторитарного режима там началось еще до обретения независимости, в процессе реформирования системы колониальной администрации Британской империи, начавшемся после Второй мировой войны.

Большая часть представленных в рубрике статей является результатом развития научно-исследовательской работы студентов Мезоамериканского центра за 2022 г., продолжающих и дополняющих предыдущие исследования авторов и коллег. Хотелось бы отметить важность расширения географии и хронологических рамок исследований, позволившую закрыть новые, не всегда освещенные в отечественной и зарубежной научной литературе по проблемам истории Латинской Америки и стран Карибского бассейна, исследовательские вопросы.

УДК 821(72)
ББК 83.3(7Мек)

А.В. Емцова

Региональная идентичность элит Новой Испании XVII в. в творчестве Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгоры

В статье рассматриваются ключевые точки проявления региональной идентичности, выделенные в трудах новоиспанского писателя Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгоры. Исследование опирается на опубликованные художественные и исторические повествовательные источники, к числу которых относятся поэмы, хроники и трактаты. К корпусу произведений, в которых нашла выражение идея формирования новоиспанской региональной самобытности, относятся такие работы Гонгоры, как поэма *Primavera Indiana*, хроники *Glorias de Querétaro* и *Parayso Occidental*, а также трактат *Teatro de las virtudes políticas que constituyen a un príncipe*. В ходе исследования в качестве ключевых точек новоиспанской региональной идентичности были выявлены территориальная, религиозная и политическая аффилиация автора, каждая из которых воплощалась в национальных символах. На основе этих ключевых точек можно говорить об артикуляции креольской региональной идентичности, которая представляла собой возникшее у родившихся в Америке испанцев стремление к самоидентификации, осознание себя как отдельной общности с собственной культурой, территорией, прошлым, а также желание отстаивать интересы этой общности. Посредством обоснования принадлежности коренных народов к христианской истории через генеалогию Нептуна, иллюстрации добродетелей ацтекских правителей и доиспанских жриц, а также явления Девы Марии Гваделупской Сигуэнса-и-Гонгора заложил основы формирования и развития того, что он считал собственным историческим наследием.

Ключевые слова: креолы, идентичность, Новая Испания, национализм, Мексика, патриотизм, иезуиты, Сигуэнса-и-Гонгора

Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора – новоиспанский писатель, исследователь доколумбовой истории, преподаватель математики и астрологии. Он родился в 1645 г. в Мехико, в Новой Испании, где и умер в 1700 г. Именно в новоиспанской интеллектуальной сфере писатели

© Емцова А.В., 2023

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Латинская Америка XVII–XX вв.: социально-экономическая история» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

были одними из первых, кто стремился сформировать собственную идентичность и заложил ее основы посредством создания исторического нарратива, способствовавшего легитимации региональной культурной идентичности. К. Сигуэнса-и-Гонгора утверждал о существовании «креольской нации», уходящей корнями в доиспанскую мексиканскую цивилизацию, что в итоге стало одним из решающих элементов в формировании идеологии борьбы за независимость Мексики. Французский историк Ж. Лафайе писал о том, что именно Сигуэнса-и-Гонгора сыграл ключевую роль в духовной революции, поскольку именно с его исследований истории доколумбовой Америки и публикации его первой работы *Primavera Indiana*¹ началась «мексиканизация» Новой Испании, охватившая все креольское население.

Тема становления мексиканской нации остается одной из ключевых тем мексиканской историографии. Основными авторами, изучавшими такие явления, как креольский патриотизм и мексиканский национализм, являются мексиканские историки Хименес Морено и Э. Флорескано, британские Д. Брейдинг и А. Макфарлейн, французский Ж. Лафайе и др. В отечественной историографии мексиканский национализм обычно затрагивают в контексте Войны за независимость, а политическая философия Новой Испании XVII в. в рамках процесса формирования креольского патриотизма выходит за рамки проблематики отечественных исследователей. Отдельно стоит отметить вклад, внесенный В.Б. Земсковым в изучение латиноамериканской и, в частности, новоиспанской литературы раннеколониального и позднеколониального периодов, которая является неотъемлемой составной частью новоиспанской политической мысли.

Зарубежная историография, включающая в себя такие явления, как мексиканский национализм и креольский патриотизм, охватывает большее количество работ. В рамках исследований эти два взаимосвязанных явления и процесс их трансформации рассматриваются как продолжительный исторический процесс, определявшийся рядом социокультурных и политических факторов. Часть авторов связывают формирование новоиспанской идентичности с «обездоленностью» креола как наследника конкистадоров и энкомендеро, выразившейся в неравенстве возможностей социально-политического роста у креолов и уроженцев Испании в первые десятилетия XVII в. Другие видят объяснение в появлении концепции «мексиканского превосходства», которая воплотилась в создании истории, узаконивавшей новоиспанскую культурную идентичность. Большинство авторов согласны в том, что в качестве символического и практического комплекса кре-

¹ *Sigüenza y Góngora C. Primavera Indiana poema sacro – histórico... // Glorias de Querétaro en la nueva congregación eclesiástica de María Santísima de Guadalupe... México: Vda. de Bernardo Calderón. 1680. P. 81–108.*

ольский патриотизм является прямым предшественником мексиканского национализма – идеологии борьбы за независимость Мексики.

Среди исследователей, выделяющих идею «божественного избрания» Новой Испании, стоит отметить мексиканского историка Хименеса Морено [Moreno 1958]. Автор придерживается мнения о том, что Сигуэнса-и-Гонгора положил начало использованию персонажей из доиспанской истории в новоиспанской политико-культурной сфере, поместив их на триумфальных арках, приветствовавших прибытие нового вице-короля в 1680 г., вместо традиционных фигур из классической европейской мифологии. По его мнению, это было одним из ключевых событий, сигнализовавших о том, что индейское прошлое завоевало креольское сознание.

Еще одной важной работой по исследованию мексиканского национализма является “Los orígenes del nacionalismo mexicano” [Brading 1973], автором которой является британский историк Д. Брэдинг. По его мнению, первые ростки креольского патриотизма относятся к рубежу XVI–XVII вв., когда родившиеся в Новом Свете потомки испанских конкистадоров столкнулись с тем, что корона отказалась от идеи создать наследственное дворянство в заморских владениях через институт энкоменды. Креол, оказавшийся таким образом «обездоленным наследником», начал искать собственные основы идентичности, которые связывали бы его с родной землей.

Среди приверженцев идеи «райского предназначения» Америки необходимо выделить Ж. Лафайе [Lafaye 1985], который утверждает, что Сигуэнса-и-Гонгора сыграл ключевую роль в духовной революции, поскольку именно с его исследований истории древней Мексики в 1668 г. и публикации *Primavera Indiana* началась «мексиканизация» Новой Испании, охватившая все креольское население. Мексиканское превосходство, идея, формально принадлежащая Карлосу де Сигуэнса-и-Гонгоре, должна была стать одной из доминирующих идей в мексиканской религиозно-патриотической идентичности в XVIII в.

Также среди исследователей креольского патриотизма стоит упомянуть мексиканского историка Э. Флорескано и его работу “Historia de las historias de la nación mexicana” [Florescano 2002]. Флорескано отмечает, что в колониальные времена сосуществовали «различные интерпретации прошлого», каждая из которых была ограничена «узким корпоративным видением»; это были «самозабвенные дискурсы, игнорирующие память другого». Поэтому, заключает он, «не было условий для того, чтобы представить себе историю, охватывающую всех» жителей Новой Испании. Такой нарратив должен был стать творением «креольского патриотизма». Согласно Энрике Флорескано, креольский патриотизм выражался в: 1) «узах идентичности» с территорией Новой Испании, 2) «спасении древнего прошлого коренного населения» и 3) «создании символов, воплощающих патриотические ценности».

В поисках своей идентичности креол не мог идентифицировать себя с испанцем, с которым он разделял вероисповедание, язык и этнические характеристики, но от которого он был идейно и политически отделен фактом своего рождения в Америке. Он также не мог идентифицировать себя с коренными жителями, с которыми, несмотря на то что их объединяло рождение на одной земле, различий у него было еще больше. Это породило в креольской среде потребность в легитимации, в признании своей культуры. Поэтому они начали формировать свою собственную идентичность, создавать свою собственную историю, т. е. начали строить фундамент, который придал бы им единство и обосновал их претензии на власть в Америке. Креолы чувствовали необходимость максимально идеализировать среду, которую они воспринимали как свою, в вечном споре с «гачупином» и его неизбежным присутствием на американских землях.

Первой и одной из наиболее известных работ, принадлежащих перу Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгора, является поэма *Primavera Indiana*². В этом произведении сочетаются персонажи греко-римской мифологии, библейские аллюзии, исторические события и аллегии. Наряду со значением, которое автор придает греко-латинской мысли, также прослеживается интерес к возвеличиванию истории, мифологии и религии Новой Испании. Ярким примером является противопоставление протестантской ереси Северной Европы: Германии, Франции и Англии, изначальной «чистоте» Мексики, которая, согласно тому, что пишет Гонгора, отказалась от своих древних варварских обрядов в пользу католической веры. Рассматривая поэму *Primavera Indiana*, стоит подробнее остановиться на ее названии. Необходимо отметить, что слово «весна» часто ассоциируется с Девой Марией Гваделупской как символом религиозного «начала» Мексики, определяемого ее явлением. Так, “*primavera*” относится как к Деве Марии, так и к духовному «расцвету» Мексики после ее явления, т. е. процветанию, которым мексиканская нация была вознаграждена за свои добродетели и заслуги, что находилось в рамках миллениаристского дискурса [Sabat de Rivers 1998, p. 284]. Таким образом, Сигуэнса-и-Гонгора, писатель и ученый из столицы вице-королевства, привязывает свою поэму к индейской культуре с креольской точки зрения, и с самого начала он стремится придать своей родине географическую и историческую реальность. Кроме того, Гонгора на практике реализует процесс территориализации, что выражается в том, что он был первым, кто составил полную карту Новой Испании, предварительно изучив ее прошлое во всех аспектах³.

² Ibid.

³ Real Academia de la Historia [сайт]. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/8234/carlos-de-siguenza-y-gongora> (дата обращения 22.04.2022).

Автор рассматривает события, происходившие до явления Девы Марии, и через них создает узнаваемую и «грандиозную» историческую реальность докортезианского прошлого: «Десять лет попиралась гордость мексиканской империи...»⁴, что, по-видимому, относится ко времени, прошедшему с момента завоевания Теночтитлана Эрнаном Кортесом, принесшим христианство, и, как следствие, «радостного» отказа мексиканского народа от «неблагодарной религии», до момента явления Девы Марии в 1531 г., что сделало Мехико «главой Нового Света». Гваделупанская тема, начиная с явления Девы Марии в 1531 г., стала, как известно, одной из опорных точек в формировании мексиканской культурной и политической идентичности и еще до публикации в 1648 г. работы Мигеля Санчеса *Imagen de la Virgen María Madre de Dios de Guadalupe milagrosamente aparecida en México*⁵ она получает распространение в литературе. Таким образом, текст *Primavera Indiana*, как и другие, появившиеся позже, является частью группы текстов, посвященных теме Мексики как избранной Богом земли в Америке.

Для того чтобы подчеркнуть разницу между Новой и Старой Испанией, Гонгора делает акцент на уникальности природы своей родины. Он превозносит плоды земли, красоту ландшафта, роскошь городов и изобилие драгоценных металлов, обширность ее территории и невообразимое разнообразие ее климата. *Glorias de Querétaro* является типичным представителем жанра креольской хроники [Glantz 1996], а также ярким примером, демонстрирующим «чуждость» окружающей автора среды⁶. Свою работу Гонгора открывает темой описания природы и физических характеристик города. Можно заметить, что Гонгора не только описывает пространство, но и, определяя его географическое местоположение, предлагает оригинальные ассоциации, например, составляет «гороскоп» города, с помощью которого объясняет благотворность его климата: «Знак Стрельца, дом и радость благосклонного Юпитера, имеющие особое влияние на этой территории, являются достаточными причинами его восхитительного изобилия»⁷.

Сигуэнса-и-Гонгора также неоднократно подчеркивает уникальные географические и природные особенности Мехико:

...поистине славный город, который заслуживает того, чтобы слава о нем дошла до самых отдаленных пределов вселенной, не столько из-за восхитительного расположения, несравненной красоты его просторных улиц, богатства и доблести его древних королей, совершенства его госу-

⁴ Ibid. P. 84.

⁵ Sánchez M. La maravillosa aparición de Santa María de Guadalupe: o sea La Virgen Mexicana. México, 1853. 226 p.

⁶ Sigüenza y Góngora C. *Glorias de Querétaro en la nueva congregación Eclesiástica de María Santísima de Guadalupe*. P. 2.

⁷ Ibid.

дарственных учреждений, тех качеств, которыми Небо наделило его прославленных детей, и тех привилегий, которые со времен христианизации сделали его столицей и метрополией Америки...⁸

Автор называет город «самым цветущим фруктовым садом...»⁹. Эта идея города, с его щедрым климатом и изобилием плодов, как замены не только земного, но и божественного Эдема, повторяется на протяжении всего текста как *locus amoenus* [Arriaga 2000, p. 33], полного красоты, который напоминает о литературном приеме культовой идеализации природы, но выходит за рамки материального и становится подлинным раем, что подчеркивается постоянным присутствием Девы Марии Гваделупской, избравшей Мехико местом своего явления. Согласно провиденциалистской исторической концепции того времени, нация не могла считаться «законной», если она не принадлежала к христианскому миру; именно на этой основе католик Сигуэнса-и-Гонгора восхваляет Кортеса как представителя «истинной» религии, привнесенной им в Мексику, отбрасывая «неблагодарную религию», которая удерживала ее на задворках истории, но которую он, однако, признает заслуживающей внимания.

Не менее интересная хроника, написанная о послушницах Королевского монастыря Хесус Мария – *Parayso Occidental*¹⁰. Название монастырской хроники уже указывает на то, что ее повествование будет иметь две основные линии, одна из которых – идея нового рая; другая – поиск креольской религиозной идентичности. Марго Гланц замечает символическое измерение в названии монастыря: «Иисус» – новый Адам, а «Мария» – новая Ева [Glantz 1996]. Таким образом, в Америке был создан новый рай, в котором должны воспитываться «цветы», т. е. добродетели. Так родился новый рай, восстановленный, противоположный тому, который был потерян по вине Евы. Сигуэнса-и-Гонгора развивает идею нового Эдемского сада, расположенного на Западе. Он не только является местом богатства и плодородия, но и поражает читателя своим духовным изобилием. Монахини, аллегорические лилии, символы целомудрия, привлекают особое внимание своей добродетелью. Говоря о Марине де ла Крус, Гонгора описывает закрытый стенами фруктовый сад как воплощение образа приятного, красивого и безмятежного места и аллегории добродетельной жизни¹¹.

Более того, отождествление рая с Новой Испанией является выражением креольской гордости. По мнению историка Антонио Рубиала

⁸ *Sigüenza y Góngora C. Parayso Occidental (edición facsimilar). México: UNAM, 1995. P. 47–48.*

⁹ *Ibid. P. 16.*

¹⁰ *Sigüenza y Góngora C. Parayso Occidental.*

¹¹ *Ibid. P. 80–82.*

Гарсии, святость – это элемент, благодаря которому жители Новой Испании могли испытывать чувство принадлежности к определенной политической и культурной общности в рамках испанской монархии: «Святость представляла собой для новоиспанцев эпохи барокко средство выражения социальных стремлений и патриотических чувств...» [Rubial 2004, p. 122].

Поиск креольской святости связан с определенным этапом в духовной истории Новой Испании:

К XVII в. новоиспанская церковь рассматривала себя как избранное христианство, как народ, который продемонстрировал божественный замысел с помощью чудес и святых образов, сделавших его территорию священной [Rubial 1999, p. 61].

В этом смысле Сигуэнса-и-Гонгора воплощает этот этап в своем историко-агиографическом произведении. Его монахини – пример многочисленных добродетельных дев, родившихся в Новой Испании. Среди них можно упомянуть Марию де Сан-Николас, родиной которой был Мехико «и чьими родителями были Алонсо де Лоса и Каталина Гальегас, влиятельные и богатые люди, чистые по крови и общепризнанной добродетели»¹². Другие – Исабель де Сан-Хосеф и Мария де ла Консепсьон, родившиеся «в самом богатом королевстве Мичоакан».

Доиспанские жрицы были предшественницами христианских монахинь и предвестницами их будущей славы:

Если среди язычников... ложным богам служили с такой строгостью, то как может быть недопустимым по закону благодати то, что делают непорочные монахини, чтобы сделать подарок Господу?¹³.

Таким образом, автор связывает доиспанское прошлое, в котором процветали добродетели языческих жриц, с современной ему Новой Испанией. Он принимает его как свое собственное, поскольку в языческих ритуалах, какими бы варварскими они ни были, прослеживался проблеск истинной веры. Этот образ еще больше усиливает креольский патриотизм, поскольку он включает в западную концепцию земного и сверхъестественного рая веру и добродетель доиспанских служительниц языческих культов. Таким образом, в *Parayso Occidental* Сигуэнса-и-Гонгора объединил различные идеи: это воссозданный Эдем, в котором живут почтенные монахини, являющиеся новыми Евами; это место, где небесный рай аллегориче-

¹² Ibid. P. 162.

¹³ Ibid. P. 30.

ски проявляется через добродетель и видения монахинь на территории Новой Испании.

*Teatro de las virtudes políticas que constituyen a un príncipe*¹⁴ является одним из наиболее ценных в рамках данного исследования произведений Сигуэнса-и-Гонгора, поскольку в этом трактате автор выступает в защиту испано-американской элиты от культурной и политической гегемонии Испании. Гонгора посредством триумфальной арки, посвященной вице-королю Томасу де ла Серда, стремился создать династический нарратив о мексиканских правителях, чтобы оценить и понять прошлое Мексики. В *Teatro de virtudes políticas* происходит реабилитация ацтекской политической традиции, которая ранее отвергалась католическими институтами как языческая и варварская древность, где едва ли могла существовать добродетель. В то же время Сигуэнса-и-Гонгора отвергает классические европейские модели как единственный авторитет и пример для подражания и дополняет их своим видением докортезианской истории.

Первая особенность, выделяющаяся в трактате Гонгора, – это историзация генезиса Нового Света. Он связывает его с генезисом Старого Света, с общим предком – Нептуном¹⁵. Важность, которую он видит в подходе к фигуре Нептуна, заключается в том, что Нептун наделяется историческим содержанием путем выведения его из греко-римской мифологии и помещения в Священное Писание: «Нептун – не притворный бог благородства, а сын Мицраима, внук Каина, правнук Ноя и прародитель западных индейцев». Затем он обосновывает историческое существование Нептуна, говоря:

...Нептун был не выдуманным царем или сказочным божеством, а реальной личностью, жившей при обстоятельствах столь замечательных, как то, что он был прародителем американских индейцев...¹⁶

Эта историзация реабилитирует и возвеличивает добродетель ацтеков и нарушает иерархию, навязанную испанцами. Это отвечает практике возвеличивания американских индейцев, создания для них такой же генеалогии, как и для любого европейского народа. Кульминацией становится установление связи индейской культуры с египетской через сопоставление их религиозных верований, календаря, письменности, архитектуры и политического режима. Кроме того, в данном трактате наряду с религиозной прослеживается политическая идентичность. Сигуэнса-и-Гонгора дистанцируется от общих целей

¹⁴ *Sigüenza y Góngora C. Teatro de virtudes políticas que constituyen a un príncipe. Biblioteca virtual universal. México, 2003. P. 138.*

¹⁵ *Ibid.* P. 19.

¹⁶ *Ibid.*

триумфальной арки, поскольку они были устроены так, чтобы восхвалять приходящую власть, сравнивая ее с какой-либо фигурой классической мифологии. Здесь, помимо отсутствия сравнений с классической античностью, добродетели ацтекских правителей приводятся в качестве примера для подражания вице-королю.

Однако он признавал невозможность использования исключительно докортезианской символики в оформлении арки:

Если моя идея в формальном устройстве арки, которую я описываю здесь как необычную, может быть оценена так, как если бы я отошел от хорошо проторенных путей древних, это означало бы приближение к пропасти и риску... У американцев было принято украшать мифологическими идеями из лживых басен большинство возведенных триумфальных порталов¹⁷.

Таким образом, он смог, во-первых, предложить нарратив о происхождении древних мексиканцев от египтян, а во-вторых, обосновать преемственность между древней мексиканской историей и современной христианской историей, а также представить собственное видение организации политической системы в Новой Испании. По словам Кюгельгена, никто из авторов до Сигуэнса и Гонгоры не стремится доказать, что доиспанское прошлое столь же достойно, как и европейское, и что оно может быть включено во всеобщую историю [Kügelgen 2008, p. 112].

Что касается индейцев, хотя он и восхваляет их в *Teatro de virtudes políticas*, это было направлено скорее на доиспанскую индейскую элиту Америки, то есть на более привилегированную и богатейшую часть населения. Все эти похвалы и восхищение древними индейцами резко контрастируют с его описаниями коренных народов, которые являлись его современниками. Индейцы,

...которые, не имея никакой другой одежды, кроме той, которую позволяло приличие... наводили ужас на всех своим грохотом и лязгом, а играя с луками и дубинами, вызывали страх варварскими образцами своих нерегулярных и страшных драк...¹⁸

В этом отрывке мы видим, как индеец перестает быть тем почти святым существом, которое Сигуэнса описывает в других текстах, а ключевым различием между добродетельными государями Теночтитлана и современными ему грязными индейцами была сословная принадлежность.

¹⁷ Ibid. P. 10.

¹⁸ Sigüenza y Góngora C. Glorias de Querétaro. P. 7.

Творчество Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгора было связано с тремя составляющими новоиспанской идентичности: религия, история и территория. Каждая из этих характеристик воплощалась в национальных символах. Например, в *Glorias de Querétaro*, *Primavera Indiana* и *Parayso Occidental* речь идет о религиозном самосознании, в основе которого – чувство родства автора с избранной богом Мексикой. Автор считает Мексику частью общехристианской ойкумены, подтверждая это явлением Девы Марии Гваделупской и примерами добродетельного образа жизни доиспанских жриц, чьими преемницами стали христианские монахини. Божественное избрание территории, которую Гонгора считает своей родиной, предопределило «чудесную» американскую реальность, ее уникальные природные богатства, географическое местоположение и плодородие земли. В *Teatro de virtudes políticas* религиозное самосознание выражается в том, что Гонгора обосновал принадлежность американских индейцев к христианской истории через генеалогию Нептуна, потомками которого он считал ацтеков. Кроме того, обращение к истории доиспанской знати позволяет установить духовную связь между элитой ацтекской империи и новоиспанскими креолами. Являясь наследниками доиспанской знати, креольская аристократия обретает всю полноту прав на власть в Мексике.

Подводя итоги, можно заключить, что Сигуэнса-и-Гонгора в своих работах стремился максимально идеализировать среду, в которой он жил с самого рождения, и обосновать право на признание собственной культуры, отделимой от испанской, но сравнимой с ней. Автор считает Мексику частью общехристианской ойкумены, подтверждая это явлением Девы Марии Гваделупской и примерами добродетельного образа жизни доиспанских жриц, чьими преемницами стали христианские монахини. Сигуэнса-и-Гонгора находит зачатки «истинной» религии в языческих верованиях населения доиспанской Мексики. Божественное избрание территории, которую Гонгора считает своей родиной, предопределило «чудесную» американскую реальность, ее уникальные природные богатства, географическое местоположение и плодородие земли. В этом смысле в глубоко религиозном обществе явление Девы Марии Гваделупской было ярким обоснованием претензий на богоизбранность Мексики, которая, таким образом, обретала право быть встроеной в библейскую историю наравне с великими державами Старого Света.

Гонгора посредством своей научной и литературной деятельности показал, что такое для него родина. И хотя ему не удалось полностью избавиться от европейского взгляда в силу окружавшей его культурной парадигмы, его попытки вписать доиспанское прошлое в контекст всемирной христианской истории были лишены простого подражания европейской культуре или заимствованию из нее, под-

тверждение чему можно найти в его работах. Так или иначе, творчество писателя Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгора сыграло важную роль в процессе восприятия креолами того, что они считали собственным историческим наследием.

Литература

- Андерсон 2006 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Arriaga 2000 – *Arriaga M.* Las Glorias de Querétaro como “relación” de fiesta y su percepción del paraíso. México: Universidad Nacional Autónoma de México Instituto de Investigaciones Históricas, 2000. P. 21–34. URL: http://www.historicas.unam.mx/publicaciones/publicadigital/libros/371_01/ (дата обращения 10.04.2022).
- Brading 1973 – *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México: Secretaría de Educación Pública, 1973. 223 p.
- Florescano 2002 – *Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México: Taurus, 2002. 530 p.
- Glantz 1996 – *Glantz M.* Un paraíso occidental: el huerto cerrado de la virginidad. La genealogía del paraíso y el patriotismo criollo. México: Universidad Iberoamericana, 1996. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/parayso-sic-occidental-plantado-y-cultivado-por-la-liberal-benefica-mano-de-los-muy-catholicos-y-p-0/html/df6aee15-5433-49d2-b803-11325ae65235_444.html#I_4_ (дата обращения 22.04.2022).
- Kügelgen 2008 – *Kügelgen H.* La línea prehispánica. Carlos de Sigüenza y Góngora y su Theatro de virtudes políticas que constituyen a un príncipe // Dossier Virreinos / Ed. by M. Reinoso, L. Walde. México, 2008. 112 p.
- Lafaye 1985 – *Lafaye J.* Quetzalcóatl y Guadalupe: la formación de la conciencia nacional en México / Lafaye, Jacques. México: Fondo de Cultura económica, 1985. 206 p.
- Moreno 1958 – *Moreno J.* Estudios de historia colonial. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1958. 128 p.
- Rubial 2004 – *Rubial A.* Santos para pensar. Enfoques y materiales para el estudio de la hagiografía novohispana. Prolija Memoria, 2004. P. 121–146.
- Rubial 1999 – *Rubial A.* Hagiografía y conciencia criolla alrededor de los venerables no canonizados de Nueva España. México: Fondo de cultura y económica, 1999. 323 p.
- Sabat de Rivers 1998 – *Sabat de Rivers G.* Hacia una Edición de Primavera Indiana de Carlos de Sigüenza y Góngora // Calíope: Journal of the Society for Renaissance and Baroque Hispanic Poetry. 1998. Vol. 4. № 1. URL: <https://muse.jhu.edu/article/672088> (дата обращения 05.05.2022).

Н.С. Климов

Особенности монетарной политики и денежного обращения на неиспанских Антильских островах в XVII–XIX вв.

Статья посвящена изучению экономической политики крупных европейских держав в контексте регулирования денежных отношений и монетного обращения на Антильских островах. Поднимается вопрос о значимости испанской валюты в денежной массе колоний, не принадлежавших Испании, но использовавших песо в качестве платежного средства. Именно этот критерий и является ключевым в данном исследовании, не охватывающем весь регион в целом, а ограниченном лишь неиспанскими островами. Изучение механизмов денежного регулирования в таких значимых владениях Испании, как Куба, Эспаньола и Пуэрто-Рико, а также влияние британской и французской валюты на их денежное обращение, пожалуй, является темой для отдельного исследования.

В данной работе рассматриваются в том числе взаимоотношения местной колониальной администрации с центральной властью метрополий, а также экономические практики и уловки, к которым прибегали губернаторы колоний с целью увеличения притока валюты на подконтрольные им территории. Нумизматический материал позволяет оценить реальное воплощение монетарной политики империй, местных законодательных инициатив и обнаружить локальные денежные производства, не имевшие законного статуса, но вызванные острой потребностью в разменной монете. В ходе исследования прослеживаются тенденции развития товарно-денежных отношений и тесное взаимодействие островных колоний различных европейских государств между собой. Не остаются в стороне и проявления внешнеэкономических и политических факторов, неизбежно влиявших на денежное обращение и экономическое благосостояние Антильских островов. На примерах конкретных экономических мер и долговременной монетарной политики прослеживаются различные модели развития колоний.

Ключевые слова: Вест-Индии, Карибский регион, монетарная политика, денежное обращение, история денег

© Климов Н.С., 2023

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Латинская Америка XVII–XX вв.: социально-экономическая история» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Антильские острова были первым регионом Нового Света, открывшимся взору европейцев. Одержав первенство в освоении и использовании материковых ресурсов, в частности полезных ископаемых, Испанская империя стала крупнейшим добытчиком серебра и производителем денег, получивших признание на международном рынке и пользовавшихся огромным спросом.

Карибский регион, находившийся на пересечении крупных торговых путей между Америкой и Европой, пропускал через себя огромные денежные потоки, представленные в основном испанской валютой. Однако с появлением на Антильских островах других европейских держав, Испания потеряла монополию в этом регионе, а появление в нем колоний иных государств привело к насаждению собственных денежных систем, что в итоге создало многообразную и запутанную картину денежного обращения, завязанного на тесном контакте с испанскими Индиями.

Первые нормативные акты, касающиеся курса валют на Антильских островах, принимались на местном уровне и носили локальный характер, а стоимость одних и тех же денег, главным образом песо¹, сильно варьировалась в большую сторону с целью привлечения в регион наличности.

Одним из первых регулятивных документов был акт о Барбадос 1669 г., устанавливавший стоимость иностранных валют, главным образом – испанской². За ним последовали схожие акты на других островах. Стоимость испанского песо составляла 6 шиллингов, а перуанского – 5 шилл.³, при цене металла по весу ок. 4,5 шилл.⁴ Вслед за этим, Ямайка была вынуждена также установить стоимость песо в 5 шилл. для выравнивания курса, поскольку места, где деньги стоили дороже, сразу становились более привлекательными для торговли и обмена валюты. Первый акт, касающийся оборота серебряных и золотых монет, был издан в 1671 г.⁵

Местное саморегулирование оставалось в силе ввиду малого денежного оборота: в то время большинство торговых операций все еще производились в форме бартера⁶. Подобная практика завышения цен металлической валюты существенно вредила экономике метро-

¹ «Песо» – широко распространенное название монеты номиналом 8 реалов, ставшее в дальнейшем официальным названием валюты стран – бывших испанских владений (“Peso de a ocho” – исп., “piece of eight/dollar” – англ., не путать с долларом США).

² Oldmixon J. The British Empire in America. London, 1741. P. 31.

³ Chalmers R. A history of currency in the British colonies. London, 1893. P. 64.

⁴ Ibid. P. 414.

⁵ Ibid. P. 98.

⁶ Ibid. P. 5, 100.

полии, в связи с чем возникла необходимость урегулирования этого вопроса на общегосударственном уровне. В связи с этим в Англии в 1704 г. королева Анна издала акт, предписывавший прием монет строго по стоимости металла в них без наценки⁷. Закон предусматривал контроль стоимости курса только в отношении серебряных монет, но не касаясь золотых, что в дальнейшем сыграло значительную роль в денежном обращении, сместив акцент: большее предпочтение начало отдаваться золотым монетам Испании и Португалии, в отношении обращения которых местная администрация имела полный карт-бланш.

Привилегии в использовании получили и легковесные монеты «пистарины» или «легкие песеты» – испанские монеты номиналом в 2 реала с уменьшенной на 20% массой. Их использование наравне с обычными полновесными монетами в международной торговле было ограничено в связи с массовыми случаями мошенничества, и такие деньги оказались выведены из широкого обращения. На Антильских островах они нашли применение как мелкие разменные деньги, а их сходство по весу с британским шиллингом позволило беспрепятственно использовать их в рамках закона.

В отношении золотых монет наблюдались различные практики самостоятельного регулирования их стоимости и установления собственных стандартов. На Бермудских островах местной администрацией в 1707 г. был установлен золотой стандарт вместо серебряного, установленного королевскими законами о внешней торговле. Это, однако, не противоречило закону об обменном курсе, и в колонии были установлены свои расценки на золотые монеты⁸. Унция золота приравнивалась к пяти фунтам стерлингов, что для того времени было средней рыночной ценой, хотя цена металла не превышала 4 фунтов⁹. Подобные случаи были достаточно нередкими, поскольку позволяли осуществлять самостоятельное регулирование денежной системы на местном уровне, в то время как откровенное игнорирование закона или попытки его обхождения преследовались британской администрацией.

Золотые монеты, в первую очередь португальские рейсы, также называвшиеся «жоаннес», составляли значительную часть валютной массы в крупных сделках. Однако со временем новые деньги стали «портиться», т. е. иметь меньшую чистоту или массу. Ответом на это поначалу были лишь местные законодательные акты, устанавливавшие минимально допустимую массу золотых монет и закреплявшие их стоимость. Позднее в процесс регулирования денежного обра-

⁷ Ibid. P. 414.

⁸ Chalmers R. Op. cit. P. 154–155.

⁹ Подсчеты на основе таблиц: Ibid. P. 402–412.

ния в желтом металле включилась и британская корона – король Георг III в 1773 г. выпустил акт, обозначивший необходимость регулирования их стоимости.

В ответ последовал рост курса «старых», полновесных денег вместо понижения общей цены на золотые монеты и создание собственных стандартов, как, например, на о. Тобаго, где и без того «похудевшие» золотые португальские монеты стали обрезать с целью уменьшения их до определенного законодательно закрепленного веса, при этом их стоимость оставалась прежней¹⁰.

В 1791 г. Британский парламент рассмотрел вопрос торговли в Атлантике и направил губернатору Барбадоса рекомендацию с требованием снижения курса золотых монет в обороте ниже уровня стоимости металла, однако принятый в итоге указ предусматривал прием согласно последней, и ответных санкций, судя по всему, не последовало¹¹.

Помимо изменения технических характеристик монет, на денежном обращении сказывалось и изменение рыночной цены серебра и золота. Доминировавшие в торговле монеты Испании имели законодательно закрепленную цену 1 эскудо = 16 реалов, т. е. 1 г золота = 16 г серебра, в реальности же соотношение колебалось в пределах 14,5–15,5 [Garcia Martinez 1968, p. 353], что также заставляло местные власти на островах принимать стандарт одного из металлов или же испанский биметаллический стандарт. Так для недопущения завышения цены на золото на о. Антего (Антигуа) в 1766 г. был принят закон, устанавливавший золотой португальский жоаннес в качестве стандарта¹², а на Ямайке в начале XIX в. стоимость золотых испанских монет была поднята до их изначального курса.

К концу XVIII в. стоимость серебряного песо на Малых Антильских островах достигала 9 шилл.: цена постепенно повышалась на отдельных островах, а позже она росла и на остальных, поскольку такая конкуренция быстро вымывала валюту из региона с наименьшей стоимостью.

На острове Антигуа в это время наблюдался наиболее острый дефицит мелкой разменной монеты, в связи с чем местные власти направляли прошения о поставке монеты из метрополии или о разрешении на собственные чеканы, однако получали отказ. Решением стало повышение цены легковесных реалов (пистаринов) до 2 шилл. (при реальной стоимости в 1 шилл.) в 1817 г., что привело к насыщению денежной массы мелкой монетой и выведению из оборота других денег¹³.

¹⁰ Chalmers R. Op. cit. P. 94.

¹¹ Ibid. P. 53–54.

¹² Ibid. P. 73.

¹³ Chalmers R. Op. cit. P. 76.

С целью борьбы с распространенностью иностранной валюты в 1825 г. был издан указ об установлении стандарта Стерлинга во всех британских владениях, который стал новой проблемой местной администрации, поскольку предполагал слишком низкую стоимость для песо и других иностранных монет.

В ответ на указ, в соответствии с которым испанское песо должно было приниматься по заниженной цене, на Багамских островах в 1825 г. был принят акт, по которому 1 фунт Британии имел стоимость в 1 ф. 17 шилл., а соответственно и песо принимался по большему курсу¹⁴, что в сущности сохранило прежний обменный курс. Подобные акты в дальнейшем были приняты на Ямайке и Малых Антильских островах в 1838–1839 гг. При этом стоимость британской валюты пропорционально с остальными была превышена более чем в 2 раза.

Подобная мера вскоре была официально признана и предложена для вытеснения иностранной валюты: ее стоимость искусственно занижалась, а стоимость официальной – повышалась. Данное предложение было реализовано на Гренаде, что привело к насыщению острова британской монетой и исчезновению песо и жоаннесов из-за невыгодности их использования¹⁵. Однако другие колонии не спешили снижать стоимость небританских денег.

Попытки установления стандарта, отличного от Стерлинга, последовались британской администрацией. Когда губернатор Сент-Люсии в 1840 г. разрешил легально использовать французские монеты местных чеканов и установил официальный обменный курс, это вызвало недовольство метрополии, и указ был отменен, что вернуло британской валюте статус единственной законной на острове¹⁶. В дальнейшем подобных попыток не наблюдалось, и регулирование цен постепенно привело к выведению иностранных денег из региона.

Все же песо и особенно золотые монеты были платежным средством в крупных, в первую очередь внешнеторговых сделках. Мелкий внутренний обмен продолжал совершаться путем бартера или с помощью медных разменных монет, дефицит которых приводил к практике разрезания серебряных песо на мелкие части (см. рис. 1). Данное явление получило распространение на всех Карибских островах и вызывало осложнения при осуществлении привычных финансовых операций, так как это приводило к потере изначального вида монет, фальшивомонетчеству и махинациям с весом кусочков резаной монеты. Некоторые умельцы могли разрезать монету так, чтобы

¹⁴ Ibid. P. 56–57.

¹⁵ Ibid. P. 89.

¹⁶ Ibid. P. 91.

Рис. 1. Песо, разделенное на части.
Изображение взято из свободного
поиска в сети Интернет

Рис. 2. Монета Мартиники
с вырезанной центральной частью

получить из нее пять кусочков, которые по виду и стоимости соответствовали бы четвертой части¹⁷.

В связи с этим на Ямайке в 1758 г. все испанские монеты правильной формы стали помечаться специальной отметкой GR, и стоимость таких песо была поднята до 6 шилл. 8 пенсов¹⁸. Эта мера должна была сохранить «хорошие» деньги внутри острова, поскольку штамп призывал их к этой территории. Однако данная мера была неэффективной, поскольку отметка легко подделывалась, а монеты, поступавшие из-за рубежа, отдавались по повышенной цене, нанося вред экономике маленького острова. На некоторых островах вводились более изощренные способы маркировки монет: на Доминике из доллара, для приравнивания его веса к своему особому стандарту, вырезалась сердцевина и помечалась литерой «D»¹⁹, а на Мартинике из монет вырезалась центральная часть в виде сердца (см. рис. 2).

Маркировка целых монет или их частей стала массовой в начале XIX в. и практиковалась на всех Антильских островах. Усиление мер защиты и создание своих денежных стандартов приводило к сохранению денег внутри одной колонии. Впоследствии выведение таких денег из оборота оказалось длительным процессом и продолжалось до 1880-х гг., когда валюты метрополий стали доминировать в Карибском регионе.

¹⁷ Atkins J. Coins and Tokens of the Possessions and Colonies of the British Empire. London, 1889. P. 319.

¹⁸ Chalmers R. Op. cit. P. 102–103.

¹⁹ Ibid. P. 74–75.

Попытки внедрения специальной валюты для колоний, которые бы удовлетворяли внутреннюю потребность, в первую очередь, в разменной монете, разумеется, предпринимались. Первой эту проблему попыталась решить Франция, выпустившая с 1721 г. несколько партий серебряных низкопробных монет, однако эти деньги быстро вышли из обращения на подвластных ей островах, снова оставив колонию без наличной валюты.

В связи с этим в 1760 г. был законодательно установлен колониальный ливр²⁰ – денежная единица, схожая с ливром Франции, но имевшая бóльшую стоимость с целью привлечения валюты в регион. Эта же мера была впоследствии принята и на голландских островах, в частности Кюрасао. Местные единицы измерения и веса были меньше, чем в метрополии²¹, что привлекало торговцев, пополнявших денежную массу небольшой колонии. Для островных колоний этой страны также выпускались особые монеты, правда говорить об их достаточности в обращении нельзя.

В свою очередь, на датских Антильских островах была принята система мер метрополии. Для своих колоний Дания чеканила специальные медные и серебряные монеты. Первый чекан был сделан в 1740 г. и периодически возобновлялся²², что вкупе с небольшим размером колонии позволило постоянно обеспечивать ее валютой. В дальнейшем металлические деньги стали дополняться бумажными²³, что окончательно поставило точку на использовании песо или жоаннесов.

Наиболее же массовой и наиболее успешной в Карибском бассейне была французская чеканка монет-жетонов, получивших название «Стампи» (см. рис. 3). Эти мелкие медные деньги стали наиболее популярными в мелкотоварном обмене наряду с резаными песо, а их распространение за пределами французских территорий вызвало ряд ограничительных мер на Британских островах, которые заключались в том же маркировании денег или, гораздо реже, в их полном запрете²⁴.

Ситуация с собственными разменными монетами в обширных британских владениях практически никак не решалась: кратковременные выпуски медных пенсов для Вест-Индий не смогли решить проблему дефицита наличности, что привело к самостоятельным полуполюгальным чеканкам. К таковым можно отнести достаточно показа-

²⁰ Zay E. Histoire monétaire des Colonies francaises. Paris, 1892. P. 189.

²¹ Marien y Arróspide T.A. Tratado General de Monedas, Pesas, Medidas y Cambios de todas las naciones, reducidas a las que se usan en España. Madrid, 1789. P. 75.

²² Cuhaj G., Michael T., Miller H. Standard Catalog of World Coins 1701–1800. Iola, 2010. P. 163.

²³ Idem. Standard Catalog of World Coins 1801–2009. P. 278.

²⁴ Chalmers R. Op. cit. P. 95, 417.

Рис. 3. Французский “Stampee”

Рис. 4. “Т-bit” о-ва Тринидад. Изображения взяты из каталога Numista [Электронный ресурс]. URL: <https://en.numista.com/> (дата обращения 08.01.2023)

тельный барбадосский пенни, выпущенный по инициативе местного плантатора и циркулировавший на внутреннем рынке острова, или серебряные монеты, вырезанные из стандартных песо на Тринидаде (см. рис. 4). Эти округлые кусочки монеты со специальной отметкой «Т» составляли 1/9 массы целого песо и имели стоимость 1 шилл.²⁵, что было сделано специально для удобства денежных расчетов. Такая монета, в отличие от медной, имела определенный успех в том числе и благодаря тому, что была сделана из ценного металла. Прекращение ее использования было вызвано участившимися подделками, и в 1823 г. “Т-bits”²⁶, как их называли в то время, были запрещены, хоть впоследствии губернатор острова признал полезность и удобство этих денег.

Все же несмотря на более или менее успешное использование песо и других иностранных валют, антильские колонии были финансово уязвимы. Наиболее ярко это проявилось во время Войны за независимость Мексики, когда денежные поставки прекратились, а торговые связи нарушились. В 1820-е гг. Англия и Франция озаботились наращиванием поставок своей национальной валюты в антильские колонии. В то же время начал *de facto* закрепляться валютный стандарт метрополий. Так в 1825 г. был издан вышеупомянутый закон о стандарте Стерлинга в британских владениях, а с 1826 г. на территории французских владений указом короля франк вводился в качестве

²⁵ Ibid. P. 118.

²⁶ “Bit” – англоязычное название 1/8 части доллара/песо, т. е. 1 реала.

официальной валюты наравне с другими²⁷, а колониальный ливр был выведен из обращения.

Медленное вытеснение иностранных валют, обусловленное в том числе старой традицией использования песо в торговле, потребовало в 1838 г. дополнительного вмешательства в обменный курс испанской и новой мексиканской валюты, сделавшего их использование невыгодным на фоне британского фунта. Дальнейшие акты и постановления были направлены на обеспечение его устойчивости в качестве ключевой валюты, что наблюдалось и во французских колониях в отношении национальной валюты. Продолжались попытки полного перехода на валюты метрополий и вывода из оборота песо и других денег.

Подводя итоги, можно с уверенностью заявить о преобладании испанской валюты в торговых операциях и внутреннем обращении на Антильских островах. Массовость поставок, от которых напрямую зависела денежная масса колоний, а также негласно закрепившийся международный статус песо в региональной торговле обеспечили долгу «жизнь» серебряным монетам, которая фактически продолжалась вплоть до конца XIX в., когда из обращения в колониях были выведены последние остатки резаных и маркированных денег.

Безусловно, наблюдается финансовая зависимость островных колоний от внешнего источника валюты. Постоянный обмен лишил острова собственных денег для внутреннего обращения и не давал им сохраняться в замкнутом экономическом пространстве. Попытки закрепить денежную массу внутри колоний имели переменный успех, поскольку не предотвращали вывоза наличных денег с островов²⁸, а собственные локальные валюты не имели легального статуса²⁹.

Говоря о монетарной политике, можно выделить две в каком-то смысле противоборствующие тенденции. С одной стороны – стремление метрополий к унификации денежной системы и полного введения собственных валют, с другой – желание местных властей сохранить за собой право денежного регулирования и стремление получить прибыль на махинациях с ценами на монеты, что отчасти, конечно, можно оправдывать опасным положением подконтрольных им владений: либо колония получает прибыль и имеет солидный объем денег в обращении, либо остается на «задворках» большого Карибского региона.

По-другому же развивалась ситуация на датских Антильских островах, где постоянные поставки валюты привели к полному выведению из оборота песо намного раньше, чем это произошло в других

²⁷ *Chalmers R.* Op. cit. P. 23.

²⁸ *Ibid.* P. 103.

²⁹ *Ibid.* P. 417.

островных колониях, а изначально взятый Данией курс на тотальное обеспечение деньгами своих владений позднее стал общей тенденцией. Денежное самообеспечение в эпоху металлической валюты их драгоценных металлов было невозможно при отсутствии собственных ресурсов для чеканки монет.

Литература

Garcia Martines 1968 – *Garcia Martines B.* El sistema monetario de los últimos años del periodo novohispano // *Historia Mexicana*. 1968. Vol. 17. No 3 (67). P. 349–360.

УДК 78(81)
ББК 85.31(7Бра)

В.Ю. Ляпин

Освальдианство в творчестве тропикалистов-музыкантов периода военной диктатуры (1967–1968 гг.)

В конце 1960-х гг., под влиянием идеи «культурного каннибализма», а также в качестве реакции на внутривластную ситуацию, в бразильском музыкальном искусстве возникает движение тропикалии, возглавленное группой музыкантов из штата Баия. В творческом плане группа исполнителей была вдохновлена рядом зарубежных исполнителей, прежде всего англо-американских. Однако в плане идеологическом и философском колоссальное влияние на их творчество оказали произведения бразильского писателя-модерниста Освальда ди Андради, в особенности предложенная в его «Антропофагическом манифесте» концепция «культурного каннибализма». Анализ применения данной концепции на практике открывает дорогу к изучению путей формирования бразильской национальной идентичности в XX в. Данная статья посвящена анализу применения концепции «культурного каннибализма» из «Антропофагического манифеста» 1928 г. писателя Освальда ди Андради, а также выявлению роли указанной концепции в формировании национальной идентичности на примере ряда композиций музыкантов-тропикалистов. Источниковая база статьи состоит из манифестов О. ди Андради, текстов композиций, материалов интервью, а также мемуаров музыкантов-тропикалистов.

Ключевые слова: тропикализм, «культурный каннибализм», поп-музыка, национализм, первобытное мышление

В ходе развития бразильского музыкального искусства в 1950–1960-е гг., под влиянием политической обстановки в стране, а именно в результате прихода ко власти в 1964 г. военного правительства, проводившего жесткую внутреннюю политику, в 1967–1968 гг. возникает феномен тропикалии или тропикализма, представлявший собой социокультурное движение, проявившееся в рамках прежде

© Ляпин В.Ю., 2023

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Латинская Америка XVII–XX вв.: социально-экономическая история» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

всего музыкального искусства. Родоначальниками жанра следует назвать Каэтану Велозу и Жилберту Жила, которые представили на 3-м фестивале популярной музыки свой «универсальный звук», обозначающий появление нового стиля в музыкальном искусстве [Dunn, Veloso 1996, p. 116]. Это были композиции *Alegria*, *Alegria* и *Domingo no Parque*. Однако свое название данное направление получило уже после фестиваля, когда придуманный художником Элио Ойтисикой «тропикализм» превратился в «Тропикалию», что и стало названием одноименной композиции-манифеста 1968 г.¹ Поскольку стилистически она не выделялась на фоне ранее исполненной *Alegria*, *Alegria* (1967), которая также была выполнена с использованием искаженного звука электрогитар и изобиловала похожим комплексом символов и манерой повествования, свойственной тропикалистам, будет верно назвать именно 1967-й годом появления жанра.

Каэтану Велозу признавал влияние на свое творчество ряда американских и британских музыкальных исполнителей, однако наибольшее влияние на него оказали работы Освальда ди Андради – бразильского писателя-модерниста начала XX в. [Dunn, Veloso 1996, p. 118], опубликовавшего в 1928 г. свой знаменитый «Антропофагический манифест». Работа была написана в рамках дискуссии модернистов о бразильской национальной идентичности и путях развития национальной культуры. В своем манифесте Андради опирался на традиции индейского населения: в начале сочинения он ставит вопрос, используя игру слов на известную цитату Шекспира: “Tupi or not tupi, that is the question”². Особое внимание ди Андради обращает на практику каннибализма у коренных народов, на представление о поедании не просто плоти, но качеств съеденного, переводя это в пространство культуры, создав, таким образом, концепцию «культурного каннибализма». Одной из важнейших идей манифеста является протест «Против растительной элиты», и она стала основной мишенью тропикалистов: впитывающий, не рефлексирующий чужеродное влияние средний класс, неспособный воспринять идею прогресса³. Желанием прогресса будет обусловлено и провокационное поведение тропикалистов: отчасти использование символов американской культуры будет являться провокацией, одним из проявлений «насилия над культурой», по мнению Велозу, необходимого действия для обеспечения жизнедеятельности культуры (при этом ранее популярная в США босанова также являлась насилием над культурой, по мнению тропикалистов) [Dunn, Veloso 1996, p. 123].

¹ Veloso C. Verdade tropical. São Paulo: Companhia das Letras. 1997. P. 15.

² Andrade O. de. Manifesto antropófago // A utopia antropofágica. São Paulo: Globo, 2011. P. 67.

³ Ibid. P. 70.

Сам Велозу неоднократно признавал решающее влияние концепции ди Андради, а в одном из интервью 1968 г. охарактеризовал тропикализм как «неоантропофагизм»⁴.

В 1960-е гг. тропикалисты возрождают дискуссию 1920-х гг. о поиске бразильской национальной идентичности: это можно выделить в качестве лейтмотива движения. Тропикалисты складывают воедино культурные элементы различного происхождения, «поглощая» их – это, по словам Велозу, «агрессивный» культурный национализм. Тропикалисты показывали слушателю новую реальность выходя за рамки бразильских музыкальных инструментов и не ограничивались остросоциальной тематикой в своих текстах. Ди Андради писал о «впитывании священного врага и превращения его в тотем», что, помимо связи с традициями индейских народов Бразилии, отсылает к идеям Фрейда из работы «Тотем и табу»⁵.

«Культурный каннибализм» для тропикалистов был выходом из внутрибразильских культурных стереотипов о том, какой должна быть бразильская музыка, о так называемом хорошем поведении, соответственно данная теория являлась также и идеологическим оправданием к «поглощению» инокультурного музыкального опыта, инструментария, который в итоге служил для репрезентации действительной бразильской социальной реальности.

Антропофагический процесс в теории представлял собой подобие естественного отбора: за счет подражания и воспроизводства происходит трансформация инородных культурных элементов в соответствии с местными условиями и нуждами местной культуры. На практике – музыканты брали любые стилистические или семантические единицы, «ели» их и «переваривали» для того, чтобы создавать новое [Dunn, Veloso 1996, p. 125]. О тех же процессах писал Освальд ди Андради: о поглощении высоких технологий более развитых народов с целью переработать их путем самостоятельных достижений и создать новый законченный продукт, приправленный собственной культурой и экспортируемый⁶. Идея «культуры на экспорт» зародилась у ди Андради даже раньше концепции культурного каннибализма и была отражена в Манифесте поэзии Пау-Бразил, опубликованном 18 марта 1924 г.⁷ В данном манифесте писатель защищал новую бразильскую поэзию, создаваемую модернистами, поэзию экспортируемую, наде-

⁴ Campos A. de. Balanço da bossa e outras bossas. São Paulo: Editora Perspectiva, 1974. P. 262.

⁵ Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 51; Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005.

⁶ Campos A. de. Balanço da bossa e outras bossas. P. 60.

⁷ Andrade O. de. Manifesto da poesia Pau-Brasil // A utopia antropofágica. P. 41–44.

лял ее многими качествами и противопоставлял ее поэзии старой, импортированной. Одно из положений данного манифеста призывало бороться с копией за новое изобретение⁸. Однако о том, удалось ли тропикалистам создать нечто новое в своей сфере, мнения разнятся. Например, А. ди Кампус утверждает, что тропикалисты были не столь инновационными, как те же *The Beatles*⁹. В свою очередь исследователь Константинова пишет, что появление тропикалии было подлинной музыкальной революцией [Константинова 2019, с. 162].

Одна из первых двух представленных тропикалистами композиций – *Alegria, Alegria* (1967)¹⁰. Задумка Велозу при ее создании заключалась в том, чтобы выступить «оппонентом» произведения Ш. Буарки *A Banda*, победившему на предыдущем фестивале бразильской популярной музыки в 1966 г., поскольку композиция обращалась в прошлое, возрождала дух провинциального города 1930-х гг. [Rodriguez 2020, p. 5], при этом с музыкальной точки зрения, по словам Велозу, «пахла XVIII в.»¹¹ Тропикалисты желали оспорить «ретроградное движение» и принести на 3-й фестиваль революцию¹². В данной композиции встречаются отсылки к популярным голливудским актрисам, образы, относящиеся к бразильской политической реальности, международной обстановке, социальным веяниям. Между строк вставляется дерзкий для своего места и времени символ: кока-кола. По словам автора, это было вызвано желанием привнести на фестиваль революцию, также он неоднократно подчеркивает, что был первым, кто использовал данный символ¹³. С музыкальной точки зрения также был произведен прорыв на сцене бразильской популярной музыки: сочетание искаженной электрогитары и традиционных бразильских инструментов и ритмов.

Композицию-манифест *Tropicália* 1968 г. сам автор, в одном из интервью того же года, назвал важнейшей из своих работ¹⁴. По словам Аугусту ди Кампуса, бразильского поэта-конкретиста, она является подобием интеллектуального бриколлажа Леви-Стросса¹⁵. Действительно легко обнаруживается подход Велозу к конструированию реальности в своих текстах через рекомбинацию образов-символов, как определил модель бриколлажа А. Островский [Леви-Стросс

⁸ Ibid. P. 43.

⁹ Campos A. de. Balanço da bossa e outras bossas. P. 152.

¹⁰ Veloso C. Alegria, Alegria // Veloso. C. Philips: R 765.026. L., 1968. LP.

¹¹ Veloso C. Verdade Tropical. P. 119.

¹² Ibid. P. 112.

¹³ Ibid. P. 12, 113, 119.

¹⁴ Campos A. de. Balanço da bossa e outras bossas. P. 205; Veloso C. Tropicália //

Caetano Veloso.

¹⁵ Ibid. P. 163.

1999, с. 12]. По словам автора композиции, символы, которые он использовал, должны были раскрыть трагикомедию под названием «Бразилия»¹⁶. Поэтому в данном случае Велозу использует символы бразильской культуры, противопоставляя одни другим, и с помощью этого находит им место в национальной культуре, складывая различные аспекты бразильской культуры в единое целое. Использование подобных противоположностей должно было шокировать слушателя, заставить обратить внимание на социальные проблемы. Более того, Велозу «поглощает» поп-арт, принося его в свою музыку через добавление в свой текст образа Кармен Миранды, посредственной, по мнению бразильской общественности, голливудской актрисы, что позволяет ему сравнить себя с Энди Уорхоллом [Dunn, Veloso 1996, p. 131].

Прием тропикалистов по «перевариванию» (после «поглощения») состоит в том, чтобы взять культурный элемент с пейоративной коннотацией, привести его к «нейтральной точке» (элемент перестает быть объектом критики), перенести из его привычного контекста в иную среду (в данном случае на бразильскую культурную среду или же просто в «калейдоскоп» символов), дабы понять трагедию символа во взаимоотношении с человеком, трагедию человека, которая заключается в создании этого символа, чтобы в итоге возлюбить его и по-настоящему уважать, тем самым, через реабилитацию, ассимилировать, «переварить» его. Как бриколер обращается к своему инструментарию, которым в данном случае являются стилистические и семантические единицы, с целью узнать через некоторое подобие диалога (которым в данном случае выступает перемещение объектов в разные пространства), что значит каждый предмет и как его можно использовать [Леви-Стросс 1999, с. 128]. Тропикалисты тем самым «превращали Табу в тотем», если соотносить данный процесс с манифестом О. ди Андради¹⁷. Сам Андради поясняет в другом своем тексте: «Метафизическая операция, ведущая к антропофагическому ритуалу – это трансформация табу в тотем, в благоприятное состояние из противоположного в благоприятное»¹⁸.

Как было упомянуто ранее, модернисты опирались на традиции коренного населения Бразилии. В этой связи следует выделить одно из положений манифеста Андради: «У нас уже был сюрреалистичный язык», – далее автор цитирует стихотворение на языке ньеенгату¹⁹. Данный факт должен был в теории побудить тропикалистов использовать индейские языки в своих композициях, однако слу-

¹⁶ Veloso C. Verdade tropical. P. 135.

¹⁷ Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 69, 72.

¹⁸ Andrade O. de. A crise da filosofia messiânica // A utopia antropofágica. P. 101.

¹⁹ Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 49.

чаев употребления этих языков для написания текстов композиций не наблюдается. Вероятно, причиной этому послужила достаточно большая аудитория, которая не восприняла бы композиции на индейских языках, а также то, что сами музыканты были далеки от индейских традиций. При этом отсылки к афро-бразильским культурам встречаются повсеместно в творчестве музыкантов из Баии, центра афро-бразильской культуры. Тропикалисты с самого начала использовали традиционные инструменты, например беримбау в композиции *Domingo no Parque* (1967), совмещенную с оркестровым звучанием и соло на электрогитаре в конце композиции²⁰. Примером использования афро-бразильских элементов в текстуральной части может служить композиция *Batmacumba* (1968), основанная на синтезе, символа американской поп-культуры, героя комиксов Бэтмена, и макумбы, названия афро-бразильского культа и ритуала²¹. В произведении Ж. Беага встречается трактовка противостояния "iê-iê" (от англ. *yeah*) и "obá" (бразильского междометия), противопоставления американского и бразильского [Béhaque 1973, p. 218]. Однако следует отметить, что в некоторых версиях группы Os Mutantes, которые изначально исполнили эту композицию, она исполняется с "ê-ê". Такое сосуществование символов: из американской, импортированной поп-культуры и из культуры афро-бразильской – это то, что делает Бразилию Бразилией, все ею «съеденное», образует так называемое общее желе, по названию композиции, текст который был написан поэтом Торкуату Нету²². Данная композиция заслуживает отдельного внимания, поскольку имеет несколько отсылок на идеи антропофагизма. В тексте содержится прямая цитата манифеста: «Счастье – это выкидывание девяток» (*A alegria é a prova dos nove*)²³. Этим автор манифеста хотел сказать, что произведение, полученное в результате перемножения различных культур, называемое тропикалистами «общим желе», оно же бразильская культура, легко проверяется. Для произведения арифметического существует выкидывание девяток, для культурного – счастье, именно оно является доказательством верности бразильского произведения. Было бы уместно вспомнить слова Маяковского из его «Трагедии»: «Говорят, где-то – кажется, в Бразилии – есть один счастливый человек»²⁴. «В моих землях Солнце чище. А в Мангейре самая чистая самба. Пиндорама – страна будущего». Пиндорама – это

²⁰ Gil G. Domingo no Parque // Gilberto Gil. Philips: R 765 024 L. 1968. LP.

²¹ Gil G., Veloso C. Bat macumba // Tropicália: ou Panis et Circensis. Philips: R 765.040 L., 1968. LP.

²² Gil G., Neto T. Geléia Geral // Tropicália: ou Panis et Circensis.

²³ Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 51.

²⁴ Маяковский В.В. Трагедия: в двух действиях с прологом и эпилогом. М.: Тип. И.Н. Грызунов и К^о, 1914. С. 20.

тупиязычное название для Бразилии, означающее «Земля пальм», использованное также О. ди Андради²⁵. В припев же автор снова встраивает междометие *iê-iê*, помещая его в название традиционного праздника Бой-бумба (*Bumba Meu Voi*), получая: “*Bumba-iê-iê-boi*”, – однако внутри «общего желе» это – «один и тот же танец», – как гласит тот же припев. По мнению исследователя Ж. Беага, данная композиция является «гимном тропикализма» [Véhaque 1973, p. 219].

Подводя итог, следует сказать, что «культурный каннибализм», представленный в бразильской поп-культуре прежде всего музыкантами-тропикалистами, использовался ими в качестве инструмента для «перемалывания» существующих зарубежных и местных музыкальных форм и символов и применения их в бразильской культурной среде для составления из них новой целостной картины, так называемого «общего желе», в рамках поиска пути для бразильской культуры и для поиска бразильской идентичности. В подобных действиях тропикалисты видели движение культуры. Поэтому требовалось разрушить, по словам Каэтано Велозу, «охранительный», по словам исследователей – «непродуктивный буржуазный национализм» (иногда: «традиционализм») [Dunn, Veloso 1996, p. 117]²⁶. Непродуктивность его выражалась, помимо скованности определенными темами, образами и рамками поведения, в неверном толковании самой бразильской реальности (не только реальности в смысле «окружающая действительность», но и самой бразильской онтологии и идентичности (*brasilledade*). Поэтому для отображения своего видения происходящего тропикалисты использовали (осознанно или нет) техники интеллектуальной рефлексии, ассоциируемые с «до-логическим» (Л. Леви-Брюль) или «мифологическим» (К. Леви-Стросс) мышлением, которые были обретены ими через манифест О. ди Андради и высказанные в нем принципы развития культуры. К этому следует добавить слова самого ди Андради: «Никогда не примем рождение у нас логики»²⁷. Для осуществления этих мыслительных практик тропикалисты «поглощали» свой инструментарий из символов и музыкальных форм из иных культур, у которых уже был опыт использования этих «предметов», трансформируя их под бразильскую среду. «Поглощение» элементов иных культур также служило средству «создания нового», двигателя для выхода из упомянутой скованности культуры среднего класса и осуществления развития культуры через свободные эксперименты.

²⁵ *Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 51, 52.*

²⁶ *Ibid. P. 215, 219.*

²⁷ *Andrade O. de. Manifesto antropófago. P. 48.*

Литература

- Константинова 2019 – *Константинова Н.С.* Бразильская культура периода военной диктатуры // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2019. № 24. С. 161–172.
- Леви-Стросс 1999 – *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1999.
- Béhague 1973 – *Béhague G.* Bossa & Bossas: Recent Changes in Brazilian Urban Popular Music // *Ethnomusicology*. 1973. Vol. 17. No. 2. P. 209–233.
- Dunn Veloso 1996 – *Dunn C., Veloso C.* The Tropicalista Rebellion // *Transition*. 1996. No. 70. P. 116–138.
- Rodriguez 2020 – *Rodriguez L.D.* A “Era dos Festivais”: a consolidação da MPB e a oposição à Ditadura Militar (1965–1969) // *XIII Semana da História. Pátria amada Brasil? Biografias, trajetórias, perspectivas*. UFES, 2020. URL: <https://periodicos.ufes.br/semanadehistoria/article/view/33762> (дата обращения 23.01.2023).

УДК 323.27(729)
ББК 63.3(7Гре)

М.А. Копейкин

Становление режима Эрика Гейри на Гренаде

Установление и формирование диктаторских режимов в Латинской Америке в XX в. было отличительной чертой этого региона. Не обошла стороной эта особенность и Малые Антильские острова, где на о. Гренада был установлен диктаторский режим Э. Гейри. Цель данной работы – выявить причины прихода к власти Э. Гейри, влияние деятельности Гейри на развитие острова, характер его взаимоотношений с плантаторами и колониальной администрацией, охарактеризовать экономику Гренады в 1950–1970-х гг., а также определить некоторые причины, повлиявшие на дальнейшую судьбу режима.

Ключевые слова: Гренада, гейризм, Карибский бассейн, Гренадская революция

Латинская Америка и острова Карибского моря пережили в XX в. массу бурных событий, так или иначе повлиявших на историю региона. Особенностью политической истории Латинской Америки в этот период по праву считаются военные перевороты и режимы единоличной власти, устанавливаемые по их итогам. Военные режимы существовали как в Южной Америке (режим А. Пиночета в Чили, А. Стресснера в Парагвае), так и в Центральной (Анастасио Сомоса и его наследники в Никарагуа), а также на Больших Антильских островах (Трухильо в Доминиканской республике и Ф. Дювалье в Гаити). Существовал один из военных режимов в том числе и на Малых Антильских островах: режим Эрика Мэтью Гейри на Гренаде, существовавший с 1967 по 1979 г. В настоящей работе предпринята попытка определить причины установления режима и процесс его становления – с чем это было связано и как повлияло на дальнейшую историю острова.

К началу 1950-х гг. Гренада представляла из себя колонию с плантационной экономикой (главной статьёй экспорта был мускатный орех), низким уровнем жизни и технического прогресса [Payne 1984; Carew 1985]. Основная масса населения – сельскохозяйственные рабочие на плантациях крупных собственников и мелкое крестьянство – была опутана полуфеодальными отношениями зависимости по отношению к плантаторам [Smith 1965, p. 268–269, 271, 276, 280; Carew 1985, p. 191–193; Mandle 1985, p. 8–9]. Несмотря на благоприятную конъюнктуру в годы Второй мировой войны на рынках мускатного ореха и какао [Bodhoo 1984]¹, многие средние плантаторы, выплатив долги [Mandle 1985], начали продавать свою недвижимость и земельные участки, так как с 1945 г. на Гренаду начинается постоянный, хоть и небольшой, приток туристов и иностранных инвесторов. Новые собственники (из числа как местных жителей, так и иностранцев) не знали о существующих обязательствах между плантаторами (у которых они покупали землю и вместе с ней де-факто работающее на землях бывших плантаторов население, которое становилось работниками новых владельцев) и крестьянами, что еще больше запутывало и без того громоздкую систему зависимости [Smith 1964, p. 280–282]. Тем временем в 1940-х гг. в крупных городах на острове начали появляться профсоюзы городских рабочих, которые вскоре добиваются повышения заработных плат для этой категории трудящихся [Smith 1964, p. 282].

В 1949 г. на остров вернулся Эрик Гейри и вскоре начал свой политический путь. Путь можно разделить на два этапа: 1951–1962 и 1967–1979 гг. Этапы прихода Э. Гейри к власти разделены на основе отношений Гейри с колониальной администрацией и плантаторами и на основе отношения Гейри к средствам производства (в случае с Гренадой главным средством производства выступала земля).

На первом этапе отношения пребывали в стадии конфликта с короткой заморозкой в 1951–1952 гг.: вскоре после своего возвращения Гейри создал свой Профсоюз работников умственного и физического труда (в котором сразу же себя назначил пожизненным президентом и который не был зарегистрирован официально) в 1950–1951 гг. и, воспользовавшись конфликтами между батраками и плантаторами, добился путем организованных забастовок и беспорядков повышения заработных плат и расширения политических прав рабочих, в том числе права создавать легальные профсоюзы и партии. Сумел он добиться этого в результате компромисса с колониальной администрацией и крупнейшими плантаторами: Гейри в ходе беспорядков

¹ Steele A.B. How Grenada Won World War II [Электронный ресурс]. URL: <https://www.open.uwi.edu/sites/default/files/bnccde/grenada/conference/papers/Steele.html> (дата обращения 20.10.2021).

был заключен под стражу² и по соглашению с администрацией должен был призвать сторонников по радио разойтись по домам, а администрация и плантаторы в ответ должны были пойти навстречу его требованиям. Так и произошло 19 марта 1951 г., обе стороны сдержали свое слово [Payne 1984; Ambursley 1985]. В результате Гейри уже к лету того же года создал свою собственную Гренадскую народную партию, вскоре переименованную в Объединенную лейбористскую партию (далее – ОЛП), на основе ранее созданного им профсоюза [Smith 1964, pp. 286–287]. Для себя же он добился места председателя Законодательного собрания.

Исследователи и современники по-разному оценивали компромисс. К.И. Бодху полагал, что колониальные власти, сами того не желая, были вынуждены пойти на переговоры с Гейри [Bodhoo 1984, p. 2], тогда как Дж. Лейн в своих мемуарах был уверен, что колониальные власти увидели в Гейри самого обычного «демагога и эгоиста», которому рабочие и профсоюзы были нужны только для захвата власти, поэтому решили предложить ему компромисс [Laune 2014, p. 136]. Представляется допустимым, что в позиции Дж. Лейна есть доля истины, так как Гейри сразу назначил себя пожизненным президентом в своем профсоюзе, то есть не собирался давать возможность кому-либо лишить его власти даже в профсоюзе, а его желание сконцентрировать власть в своих руках проявится в скором будущем. Стоит отметить и факт легитимации Гейри путем достижения компромисса с колониальными властями [Bodhoo 1984, p. 2] – Гейри смог завоевать у плантаторов и колониальной администрации свое право на политическую деятельность.

Гейри уже с 1952 г. начал нарушать заключенный им же компромисс и продолжил борьбу с администрацией как мирными (например, не давал выписку счетов своего профсоюза правительственному советнику по труду, демонстративно не продлевал водительское удостоверение), в том числе и забастовочными, так и незаконными методами (члены его профсоюза организовали несколько ночных поджогов особняков богачей) [Smith 1965]. Плантаторы проявили дальновидность и самостоятельно повысили зарплаты мужчинам и женщинам до 1,44 и 1,20 долл. США в день соответственно (с 70 и 38 центов США – такого уровня зарплат добился в 1951 г. Гейри); обезоруженный этим действием – повышение заработных плат было основным требованием агитации Гейри – не смог привлечь большое число рабочих на забастовки. В связи с этим начатые забастовки про-

² *Baptise F. Gairy and the General Strike of 1951: as Gleaned from British and US Sources* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.open.uwi.edu/sites/default/files/bnccde/grenada/conference/papers/Baptiste.html> (дата обращения 20.10.2021).

валились, ОЛП потеряла популярность и сокрушительно проиграла в 1957 г. на выборах коалиции Гренадской национальной партии (далее – ГНП), проплантаторски настроенной партии Герберта Блейза, бывшего соратника Э. Гейри [Payne 1984; Ambursley 1985], и Народно-демократического движения (объединение независимых кандидатов), заполучив всего два из восьми мест в Законодательном собрании острова [Bodhoo 1984, p. 2; Sandford 1985, p. 5; Ambursley 1985, p. 14]. В итоге Гейри не смог удержаться на своем месте и оказался в оппозиции до 1961 г.

Возвращению Гейри к власти поспособствовало изменение статуса колонии Лондоном в 1960 г. Теперь исполнительная власть на острове осуществлялась через Исполнительный совет, в который входили пять человек вместе с главным министром (chief minister); Законодательное собрание состояло теперь из трех назначаемых членов и десяти избираемых. Кроме того, финансами колонии теперь управляли местные власти (губернатор был лишен контроля за бюджетом). В руках у Лондона оставалась лишь внешняя политика острова. В 1961 г. выборы проходили по новой системе и ОЛП Гейри снова победила на выборах: она завоевала 53 % голосов и восемь из десяти мест в Законодательном собрании, Гейри занял пост главного министра [Ambursley 1985, pp. 14–17].

Бюджет оказался под контролем Гейри, так как он стал главным министром. Вскоре на Гренаду в 1962 г. прибыл представитель королевы Джеймс М. Ллойд, задачей которого была проверка расходования государственных средств на острове. По итогам проверки вскрылись масштабные махинации и коррупционные схемы в правительстве. Джеймс М. Ллойд опубликовал отчет под названием “Squandermania Report”, по названию которого весь коррупционный скандал стал известен среди населения – Сквандермания [Millette, Cosine 1985, p. 28–31; Layne 2014, p. 141]. Гейри лишился своего места, в тот же год были проведены новые выборы, на которых закономерно победила ГНП.

С одной стороны, благодаря изменению статуса колонии в 1951 г. и прошедшим в результате деятельности Гейри реформам власть плантаторов на острове действительно начала слабеть. В послевоенные годы весь Карибский регион испытывал взрывной рост экономики [Collier 2000, p. 140–141]. Гренада не была исключением: «лихая» первая половина 1950-х гг. на Гренаде, создание профсоюзов, подъем борьбы рабочих за экономические права, благоприятная ситуация на рынке мускатных орехов начали давать свои результаты. В период с 1950 по 1953 г. ежегодно рос ВВП: с 7,88 млн до ~ 9,45 млн долл. США [Smith 1965, p. 265]. Приход к власти Гейри формально ознаменовал собой смену правящего класса, так как он ускорил процесс уже начавшегося упадка плантаторского хозяйства. Многие плантаторы, обеспокоенные забастовками и событиями 1951–1952 гг., когда члены проф-

союза Гейри поджигали поместья, начали спешно продавать имения и уезжать с острова или переводить свои капиталы из сельского хозяйства в развивающиеся коммерческие и производственные секторы экономики, что, в свою очередь, тоже положительно сказывалось на росте ВВП. С другой стороны, отрицательную роль сыграл ураган Жанет [Dunn 1955], прокатившийся по Карибскому морю в 1955 г.: ущерб сельскому хозяйству был велик, и бюджет острова стал отрицательным. Последствия урагана существенно затормозили, но не остановили проходящие на острове изменения, тем не менее Гренада была вынуждена «занимать» субсидии у метрополии. Великобритания в свою очередь могла через субсидии контролировать расходы Гренады, процесс утверждения бюджета зачастую затягивался, так как Управление по делам колоний в Лондоне не могло на таком большом расстоянии оперативно определять степень важности тех или иных расходов, на которые местные власти хотели выделить деньги [Ambursley 1985, p. 18].

Именно поэтому метрополия и смогла пошатнуть положение Э. Гейри путем инициирования проверки расходования государственных средств, в ходе которой были выявлены коррупция невероятного размаха и массовая растрата госсредств: угасающие силы колониальной администрации и плантаторов одержали последнюю победу над Гейри. Как отмечал Ф. Амберсли, коррупция в английской Вест-Индии была обычным делом и далеко не всех политических деятелей из-за нее лишали поста. Некоторые исследователи полагают, что сама система управления колониями (Вестминстерская система) способствовала укреплению исполнительной власти и расхищению госсредств, так как не было каких-либо сдержек, которые могли бы этому помешать [Lijphart 1990]. По данным М. Кольера, на «институциональном» уровне коррупция была на всех островах британской Вест-Индии, кроме Барбадоса, Бермуд и Доминики, где она была ниже, а на Антигуа и Барбуде, наоборот, была на «системном» уровне, т. е. на уровень выше [Collier 2000, p. 137–138, 146–147], и представителей исполнительной власти этих островов не карали внезапными королевскими проверками и лишением должности. Ф. Амберсли же предполагает, что королевская проверка использовалась в целях подрыва популярности Гейри среди населения, так как метрополия и верхние слои острова были настроены против него [Ambursley 1985].

Победившая на выборах 1962 г. ГНП во главе с Г. Блэйзом не смогла найти поддержку среди большинства жителей острова, чем всячески пользовался Гейри. В печати и публичных выступлениях он постоянно обвинял ГНП в ее заговоре со старой английской колониальной аристократией, в ходе которого и был снят со своего поста Гейри. Также Э. Гейри постоянно напоминал своим сторонникам и неопределившимся, что ГНП – это партия «богачей и эксплуататоров», нажи-

вающихся на простом народе, а он, Гейри, за время своего пребывания у власти сделал много хорошего для острова. Эрик Гейри снова попытался опереться на трудящиеся слои населения. Следует отметить, что к следующим выборам 1967 г. большое количество детей сторонников Гейри в событиях 1951 г. преодолели возрастной ценз и теперь могли голосовать, что также помогло Гейри и его партии победить на выборах в 1967 г. [Bodhoo 1984; Millete, Cosine 1985; Ambursley, 1985; Layne 2014, p. 137]. Отныне уже на долгие 12 лет.

Почему же Гейри во главе ОПП смог снова оказаться у власти? Ответ кроется не только в плохой работе администрации Г. Блейза и ГНП, но и в экономическом развитии острова. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. власть плантаторов на острове продолжала слабеть не только из-за изменений статуса колонии в 1951 и 1960 гг., но и из-за изменений в экономике острова. В результате урагана Жанет в 1955 г., как упоминалось выше, был нанесен серьезный ущерб сельскому хозяйству, в том числе основным экспортным культурам (какао и мускатный орех). Стоит учитывать и мировой технический, научный прогресс, который в том числе затронул и Гренаду. Гораздо медленнее, чем в других странах, но улучшались условия жизни, быта (появились больницы, хоть и плохо оборудованные), что привело к снижению смертности: общий уровень смертности в 1977 г. составил 7,3%³, что было ниже среднего уровня смертности в Латинской Америке и Карибских островах (он составлял в 1977 г. 9%⁴). Кроме того, рост заработных плат после 1951 г. дал возможность куда большему числу людей эмигрировать в метрополию – Великобританию. Поток мигрантов был особенно велик в 1960–1961 гг.: Ж. Карью приводит статистику из Департамента труда Гренады, согласно которой только за два указанных года с острова Великобританию эмигрировало 4641 человек. Этот отток населения был довольно ощутимым для маленького острова. В последующие 1962–1969 гг. поток эмигрантов был существенно ниже (около 3000 человек за этот период), так как теперь все уезжающие из стран Содружества в Великобританию трудовые мигранты обязаны были получить трудовую визу [Carew 1985, p. 218]. Бóльшее количество людей могло покинуть остров благодаря увеличившимся зарплатам, повлияло это и на сферу образования, о чем будет написано далее. Все это, вместе с вышеперечисленными ра-

³ Report No. 2434-GRD Current Economic Position and Prospects of Grenada April 19, 1979. Latin America and the Caribbean Regional Office [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/564861468037573650/text/multi0page.txt> (дата обращения 02.12.2022).

⁴ Death rate, crude (per 1,000 people) – Latin America & Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN?locations=ZJ> (дата обращения 02.12.2022).

нее политическими правами, было названо одним из современников не иначе как «революция» (Laune 2014, p. 146–147).

В 1946 г. на 103 крупных имения совокупным размером в 34 703 акра (14 043,8 га) приходилось 45,6% всей земли на острове; на фермерские хозяйства размером до 5 акров (до 2,02 га), которые составляли 88,7% от числа всех хозяйств, приходилось также 45% всей земли. Таким образом, концентрация земли в руках незначительного круга земельных собственников (и соответственно степень экономической поляризации) была колоссальной – в составе 0,5% хозяйств находилась почти половина всех земель, а остальная подавляющая масса земельных участков была $\leq 2,02$ га и зачастую такие хозяйства представляли из себя нарезанные в разных частях прихода (административного округа) участки. Этого количества земли было недостаточно для выживания среднестатистической семьи, поэтому многие крестьяне уходили работать на плантаторов [Watson 1985, p. 5–6]. Орудия труда у фермеров все еще были примитивными. К 1972 г. ситуация с концентрацией земли в руках немногих усугубилась: уже 50% всей наиболее пригодной для сельского хозяйства земли были в руках все тех же 0,5% населения [Raune 1985, p. 6; Watson, 1985, p. 7]. С 1961 по 1975 г. уменьшилось и количество землевладельцев: с 15 319 до 12 565 соответственно, ежегодное сокращение составило 1,4%, что тоже говорит о концентрации земли в руках немногих, обезземеливании и об оттоке в город сельских рабочих. Ситуация ухудшалась из-за практики совместного наследования участка земли, согласно которой все наследники должны были получить равную долю, а также из-за снижения смертности в целом и детской смертности в частности [Ambursley 1985]⁵.

Победив на выборах в 1967 г., Гейри «позабыл» многие свои предвыборные обещания, и начался второй этап в его политической карьере: этап конструирования единоличной власти. Для этого ему требовалось ликвидировать оставшихся плантаторов (собственников основного средства производства в виде земли), могущих составить ему какую-либо оппозицию, и поделить их собственность между собой и своими приближенными – в этом вопросе я солидарен с Дж.Р. Мэндлом [Mandle 1985, p. 12–13]. Перераспределение проходило в рамках аграрной реформы, начатой Эриком Гейри в 1967 г. Реформа проходила под лозунгом «Земля для безземельных» (“Land for the Landless Programme”), и, согласно программе, часть земель крупнейших собственников должна была быть выкуплена государством и перейти сначала в государственную собственность, а затем должна

⁵ Report No. 2434-GRD Current Economic Position...; Birth rate, crude (per 1,000 people) – Latin America & Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?locations=ZJ> (дата обращения 02.12.2022).

была быть распределена между беднейшими фермерами. Гейри этим путем создавал свой, зависящий только от него, класс собственников средств производства. В ходе реформы произошло перераспределение земли, она перешла из рук плантаторов в сферу государства в форме государственных ферм или в руки приближенных к Эрику Гейри лиц: ничтожная часть земель из тех 26 имений, что были национализированы, была передана в собственность фермерам [Bodhoo 1984; Ambursley 1985]. Мало того, небольшая доля проданных фермерам земель была продана маленькими участками без четко определенных границ и прав собственности, что усложняло юридическое оформление и ведение хозяйства и, в том числе, вынуждало нового хозяина продать полученный участок крупному собственнику – во многом именно с реформой была связана вышеупомянутая концентрация земель в руках немногих. Но чаще всего землю получали ближайшие соратники Гейри [Ambursley 1985, p. 28–30]. Это серьезно ослабило еще еще функционировавшие пережитки отношений зависимости, о которых мы упоминали выше. Кроме того, сторонники Гейри, пополняв ряды новой земельной буржуазии, зависящей от правителя острова, получили всяческие налоговые послабления и льготы [Mandle 1985], начали внедрять отличные от прежних способы эксплуатации сельскохозяйственных рабочих: отсутствие оплаты труда, сегрегация рабочих по возрастному признаку⁶.

Также в период с 1967 по 1973 г. Гейри добился контроля со стороны государства над двумя из трех аграрными кооперативами на острове: *The Grenada Cocoa Industry Board* и *The Banana Cooperative Society*. В 1975–1976 гг. после борьбы с крупными фермерами под контроль государства попал и последний из кооперативов, *Grenada Cooperative Nutmeg Association*, специализирующийся на производстве и продаже мускатного ореха с 7000 работниками и самой большой из трех кооперативов выручкой, исчисляемой миллионами восточнокарибских долларов. Автономные и частные до того момента кооперативы стали государственными (де-факто личными предприятиями Э. Гейри), а Гейри взял под свой контроль и крупных плантаторов, и крупных фермеров [Layne 2014].

Не забыл Э. Гейри и о личном обогащении. Нищий на момент выборов 1967 г. (Гейри был фигурантом 17 судебных тяжб, в ходе которых кредиторы пытались взыскать с него долги), он к 1973 г. стал держателем счетов в швейцарских банках, хотя его официальная зарплата составляла всего 5000 восточнокарибских долл. в месяц, а к 1979 г. уже окончательно стал миллионером: владел собственностью стоимостью в 25 млн восточнокарибских долл., что было равно почти годовому

⁶ Bain F. Winning farm workers to the revolution 1982 // Intercontinental Press. Vol. 20. № 8. P. 176–177.

ВВП страны [Тестов 2005, с. 44]. Гейри стал членом Торговой палаты и, таким образом, осуществил одну из своих целей – стал крупным, если не крупнейшим, буржуа на острове [Лауне 2014].

Э. Гейри укреплял свою власть и политическими методами. Уже во время выборов 1967 г. им были сформированы «банды Мангустов» – по сути, его личная гвардия из маргиналов и преступников, которая занималась террором населения и политических противников Гейри [Рауне 1984, р. 15; Тестов 2005, с. 44; Лауне 2014, р. 144]. «Банду» можно причислить к парамилитарным организациям, поскольку она тайно существовала параллельно армии Гренады “Green Beasts” – «Зеленым зверям» [Лауне 2014, р. 45]. «Тайно», так как Гейри отрицал свою причастность к этой организации и «знал о ней лишь понаслышке из газет», якобы появилась она за 10 лет до беспорядков 1973–1974 гг. как группа людей «отлавливающих мангустов», и в целом это были «сотрудники департамента здравоохранения», которые помогали полиции в качестве «помощников» с 1970 г.,⁷ – так отвечал Гейри на вопросы королевской комиссии, которая расследовала причины и ход беспорядков. Неслучайно именно в мае 1970 г. был принят специальный закон о чрезвычайных мерах, который давал главному министру неограниченные полномочия в вопросах подавления каких-либо выступлений. Собственно, «мангусты» и принимали непосредственное участие в подавлении протестов и акций неповиновения в 1973–1974 гг., в ходе которого погибли гражданские, «банда» была главной военной опорой Гейри вплоть до революции 1979 г. [Ambursley 1985, pp. 66–67; Mandle 1985, p. 16].

Следует сконцентрировать внимание на причинах падения режима Э. Гейри: как он, обладая существенной поддержкой среди населения, смог ее растерять и сначала столкнуться с серьезнейшим политическим кризисом 1973–1974 гг., а затем оказаться свергнутым 13 марта 1979 г. Для этого нужно снова обратиться к изменениям в экономике острова.

В середине 1960-х гг., а по статистическим данным, представленным в работе Ф. Амберсли, с 1965 г. в структуре ВВП Гренады начинает отражаться сфера туризма, а именно вклад отелей в ВВП страны (вместе с ресторанами, в чем явный недостаток данной статистики). Следует отметить, что туристическая индустрия на Гренаде была сферой крупной буржуазии, в первую очередь иностранной – на 1976 г. 50 % всех доходов в сфере туризма утекали за границу, так как собственниками самых крупных отелей и гостиниц были иностранные

⁷ Report of the Duffus Commission of inquiry into the breakdown of law and Order and Police Brutality in Grenada [Электронный ресурс]. URL: <https://original-ufdc.uflib.ufl.edu/AA00010419/00001?search=duffus>. P. 34–38, 42–49 (дата обращения 02.10.2022).

предприниматели. Активное строительство гостиниц, отелей, домов отдыха и домов престарелых класса «люкс» привело к росту цен на землю и соответственно к спекуляциям с землей: предприниматели выкупали землю у бедных фермеров для строительства или выкупали и резервировали землю под будущие стройки, таким образом, часть пригодных к сельскому хозяйству земель вышла из употребления, что снова ударило по мелким фермерам и батракам. Появление туризма в доле ВВП страны отражает развитие этой отрасли и увеличение ее рентабельности. Эта отрасль непрерывно росла весь период с 1965 по 1978 г. с 3,4% до 6,8% всего внутреннего валового продукта. Совокупно сфера услуг в свои «золотые годы» (с 1965 по 1973 г.) давала до 14% ВВП страны, что было довольно существенно [Ambursley 1985].

Также увеличивается доля строительной отрасли в период с 1965 по 1970 г.: она выросла с 8,9% до 14,5% соответственно. Рост строительной отрасли связан с вложениями в туризм и строительством отелей, но после 1970 г. эта сфера экономики резко обрушилась до 2,5%, что связано, видимо, с окончанием строительства основных гостиничных комплексов и отелей. Спад в отрасли также связан с коррупцией и неэффективным управлением. Проблемы наиболее явно проявлялись в ужасной инфраструктуре острова, которая не позволяла предложить туристам весь остров для посещения: они в основном посещали столицу и юго-восточное побережье, где были самые красивые пляжи и налаженная инфраструктура⁸. Проблемы в этом секторе связаны были в том числе и с коррупцией [Ambursley 1985].

Развитие строительства и туризма, а также все вышеперечисленное повлияли на отток рабочих из сельского хозяйства в город: количество занятых в аграрном секторе уменьшилось на 30%, а количество городских рабочих увеличилось на 62% [Bodhoo 1984; Ambursley 1985].

Важной составляющей экономики была сфера торговли. Хоть она и упала за период с 1960 по 1978 г. с 27,6 до 13,8% в ВВП страны соответственно, но все равно оставалась значимой, так как буржуазия острова в основном, ввиду отсутствия промышленности и стимулов ее развивать, занималась посреднической торговлей. Эти основные сферы экономики показывают, что развивающийся капитализм на Гренаде отчетливо принимал компрадорский, торговый, оттенок: неразвитая промышленность, упор на определенные сферы аграрного сектора (главные экспортные культуры), сферу услуг (туризм) и посредническую торговлю. Неразвитая промышленность порождала продолжающуюся деградацию сельского хозяйства (так как не развивались орудия труда для этой сферы экономики) и эта же неразвитая промышленность вместе со сферой услуг не могли «впитать» в себя всех уходивших из деревни в город батраков и малоземельных ферме-

⁸ Report No. 2434-GRD Current Economic Position...

ров. Количество же людей на острове как минимум не уменьшалось, хотя и вследствие упомянутой уже миграции стремительно не увеличивалось. В итоге накапливалась резервная армия труда и воспроизводился слой крестьян и работников сферы услуг (большая часть которых была занята в туризме). Безработица уже к 1973 г. составляла около 30%, к 1979 г. она составляла уже 50% от числа работоспособного населения [Watson 1985, pp. 7, 11–13; Layne 2014, p. 142]. Рано или поздно это противоречие – существенная масса безработных в условиях неразвитой промышленности вкупе с концентрацией земли в руках немногих – должно было выйти наружу.

Компрадорский характер капитализма, участие в международном разделении труда, крайне медленное внедрение технологического прогресса, коррупция не могли не привести к проблемам в экономике, что и отразилось в падении реального внутреннего валового продукта Гренады с 60 млн в 1970 до 28 млн восточнокарибских долл. в 1977 г., т. е. чуть более чем в два раза за семь лет [Ambursley 1985, p. 26–28].

Выше был отмечен уровень миграции населения с острова и продолжающееся обезземеливание крестьян, многие из которых ушли на заработки в город или уехали в другие страны. В дальнейшем это стало одним из факторов уменьшения социальной поддержки Гейри, так как он опирался, как было показано выше, в первую очередь на сельскохозяйственных батраков и на низы рабочего класса – накануне революции 1979 г. в Профсоюзе гренадских работников умственного и физического труда, пожизненным президентом которого был Гейри, от первоначальных 10 000 членов осталось лишь около 2000 человек, а в целом на острове занятых в сельском хозяйстве оставалось около 5000 человек [Millete, Cosine 1985]. Профсоюз, в свою очередь, на протяжении всей своей деятельности представлял из себя коллектив идейных сторонников Эрика Гейри, готовых пойти за ним и поддержать его⁹ [Bodhoo 1984, p. 3; Ambursley 1985, p. 16; Layne 2014, pp. 135–136], поэтому уменьшение численности профсоюза сильно ударило по социальной базе Гейри. Такая масштабная миграция была бы невозможна без повышения зарплат разным слоям трудящихся, что было одним из итогов деятельности Э. Гейри. Вторым серьезным фактором по очереди, но не по важности был упомянутый выше скачок экономического развития в конце 1950-х – 1960-х гг.

Однако были и свои немногочисленные, но очень важные положительные изменения помимо тех, что были затронуты выше. Во-первых, несмотря на слабую экономику, коррупцию, капитализм медленно, но верно развивался на острове. Доля сельского хозяйства с каждым годом уменьшалась в структуре ВВП страны, тогда как сфера услуг

⁹ Winning farm workers to the revolution 1982 // Intercontinental Press. Vol. 20. № 8. P. 176–177.

(ввиду ограниченного количества земли и ресурсов развивать промышленное производство, тем более тяжелую промышленность, на острове было практически невозможно), наоборот, росла. Во-вторых, все больше людей, в том числе благодаря борьбе Гейри за повышение зарплат рабочим и батракам в начале его политической активности, могли позволить себе оплачивать среднее школьное образование для своих детей, некоторые даже смогли отправить их в США или Великобританию на обучение. Так, например, вдвое увеличилось количество людей за период с 1960 по 1970 г. с высшим образованием, в пять раз больше людей получили среднее школьное образование за период с 1946 по 1970 г. [Mandle 1985, p. 14]. Хотя стоит отметить, что сфера образования очень быстро деградировала [Morris, Quinn 2007, p. 11]. Техническое состояние школ к концу правления Эрика Гейри было ужасным (на 1979 г. из 22 начальных школ технически пригодными были лишь три), в среднюю школу шли лишь 14% от числа обучающихся, т. е. были установлены достаточные высокие взносы для детей из обычных семей (37 восточнокарибских долл. в триместр). Стипендии для обучения за рубежом в 1978 г. получили лишь три абитуриента, одной из которых была дочь Эрика Гейри¹⁰. Однако, несмотря на это, большинство основных участников революции 1979 г. были как раз из среды получивших образование как в средних школах Гренады, так и в иностранных учебных заведениях среднего и высшего звена [Ambursley 1985, p. 63; Watson 1985, p. 15; Layne 2014, p. 133]¹¹.

Таким образом, мы считаем, что развитие экономики Гренады и последующие экономические и социальные противоречия напрямую повлияли на историю острова, которая с 1950-х гг. оказалась тесно связана с политическим путем Эрика Гейри. Именно благодаря экономическим и социальным проблемам между батраками и плантаторами он смог начать свой политический путь. Первый этап политического пути Гейри характеризуется как всесторонними прогрессивными из-

¹⁰ Bishop M. The Class Struggle in Grenada, the Caribbean, and the USA // Intercontinental Press. Vol. 18. № 30. P. 819–820; Harsch E. Grenada Launches Literally Drive // Intercontinental Press. Vol. 18. № 40. P. 1105.

¹¹ Unison Whiteman. URL: <https://web.archive.org/web/20220211222502/https://www.thegrenadarevolutiononline.com/uni.html> (дата обращения 02.12.2021); Maurice Bishop [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20190523133233/https://www.thegrenadarevolutiononline.com/bishopcopyrighted.html>; Kenrick Radix [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20200811211302/https://www.thegrenadarevolutiononline.com/radix.html> (дата обращения 02.12.2021); Jacqueline Creft [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20200312013630/https://www.thegrenadarevolutiononline.com/creft.html> (дата обращения 02.12.2021); Bernard Coard [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20201129154647/https://www.thegrenadarevolutiononline.com/coardbw.html> (дата обращения 02.12.2021).

менениями на Гренаде, в том числе улучшением жизни населения, так и попытками укрепить полученную им власть незаконными методами. Последнее вызвало закономерное недовольство со стороны крупных плантаторов и колониальной администрации, которые сначала добились поражения Гейри на выборах в 1957 г., а затем снятия с поста главного министра в 1962 г. Однако пришедшая на смену ему ГНП не смогла предложить населению Гренады что-либо стоящее, не смогла завоевать их поддержку, Гейри же, паразитируя на своих прошлых заслугах, смог победить на выборах в 1967 г., после которых сразу начал выстраивать свой единоличный режим путем перераспределения собственности – земли в первую очередь – в свою и своих сторонников пользу, а также, путем создания отрядов «парамилитарес» в виде своей личной «гвардии», Гейри положил начало политике террора по отношению к своим политическим противникам – все это характеризует второй этап политического пути Эрика Гейри. Новоявленный диктатор не собирался решать новые, произраставшие напрямую из прогрессивных изменений первого этапа социально-экономические противоречия в обществе, которые, в свою очередь, повлияли на дальнейшие события 1970-х гг. и во многом привели к революции 1979 г.

Литература

- Тестов 2005 – *Тестов О.Е.* Гренада: революция и контрреволюция (1979–1983 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 175 с.
- Ambursley 1985 – *Ambursley F.* The Grenadian revolution, 1979–1983; the political economy of an attempt at revolutionary transformation in a Caribbean mini-state. Coventry: University of Warwick Library, 1985. 495 p.
- Boodhoo 1984 – *Boodhoo K.I.* Grenada: The Birth and Death of a Revolution. Miami: Latin American and Caribbean Center, 1984. 62 p.
- Carew 1984 – *Carew J.* Grenada. The Hour will Strike Again. Prague: The International Organization of Journalists, 1985. 278 p.
- Collier 2000 – *Collier M. W.* Political corruption in the Caribbean basin: a comparative analysis of Jamaica and Costa Rica // *Electronic Theses and Dissertations*, 2000. 367 p.
- Dunn 1955 – *Dunn G.E.* Hurricanes of 1955 // *Monthly Weather Review*. Miami: Weather Bureau Office, 1955. P. 315–326.
- Layne 2014 – *Layne J.E.* We Move Tonight: The Making of the Grenada Revolution. St. George's: Grenada Revolution Memorial Foundation, 2014. 220 p.
- Lijphart 1990 – *Lijphart A.* Size, Pluralism and the Westminster Model of Democracy: Implications for the Eastern Caribbean // *A Revolution aborted*. University of Pittsburgh Press, 1990. 351 p.
- Mandle 1985 – *Mandle J.R.* Big Revolution Small Country. Lanham: North-South Publishing Company, 1985. 107 p.

- Millette, Cosine 1985 – *Millette R., Gosine M.* The Grenada Revolution: Why it failed. New York: African Research Publications, 1985. 172 p.
- Morris, Quinn 2007 – *Morris E., Quinn K.* The Development of ‘Revolutionary Consciousness’ in Maurice Bishop’s Grenada. London: University of London Press, 2007. 53 p.
- Payne 1984 – *Payne A.* Grenada: revolution and invasion. New York: St. Martin’s Press, 1984. 254 p.
- Sandford 1985 – *Sandford G.* The New Jewel Movement: Grenada’s Revolution, 1979–1983. Washington, D. C.: Center for the Study of Foreign Affairs, Foreign Service Institute, U.S. Department of State, 1985. 215 p.
- Smith 1965 – *Smith M.G.* Structure and Crisis in Grenada 1950–1954 // The Plural Society in the British West Indies. Berkeley: University of California Press, 1965. P. 262–303.
- Watson 1985 – *Watson H.A.* Grenada: Non-capitalist Path and the Derailment of a Populist Revolution. Washington, D. C.: Howard University Press, 1985. 78 p.

Ученые и научные коллективы

УДК 271.2
ББК 86.372

Н.В. Быстрый

Академическая повседневность профессорско-преподавательской корпорации Московской духовной академии в 1898–1905 гг.

Высшая духовная школа на рубеже XIX–XX вв. находилась в непростых отношениях со своим руководством. Курс на искоренение светской профессуры, заложенный обер-прокурором К.П. Победоносцевым, к концу столетия постепенно становился неотъемлемой частью политики Синода по отношению к духовным академиям. На рубеже веков в Московской духовной академии сменилось несколько ректоров, оставивших значительный след в ее истории и повлиявших на жизнь академической профессуры. Рассмотрению перемен в ее повседневности в условиях нового курса Синода посвящена данная статья. Особое внимание уделено различию взглядов на смысл существования духовных академий в академической среде.

Ключевые слова: православие, высшее духовное образование, Московская духовная академия, профессура, студенчество

Тема высшего образования всегда оставалась в центре внимания государственной власти и общественности России. Высшая духовная школа традиционно представляла собой неотъемлемую часть отечественной духовной культуры и науки. Однако даже в кузнице кадров, призванных поддерживать авторитет церкви и власти, в последние годы существования Российской империи не все было спокойно. Во многом противоречия внутри Русской церкви и духовных академий, в частности, были продиктованы именно различными точками зрения на будущее высшего духовного образования.

В данной работе рассматривается профессорско-преподавательская корпорация духовных академий в последнее десятилетие перед Первой русской революцией, то, как профессорско-преподавательская корпорация пыталась приспособиться к новым условиям, про-

диктованным духом времени. Московская духовная академия явилась своего рода зеркалом, отражавшим все сложности этого переходного периода в жизни страны.

Профессорско-преподавательские корпорации духовных академий никогда не отличались многочисленностью. На рубеже XIX–XX вв. их количество во всех четырех академиях не превышало 126 человек [Тарасова 2015, с. 162]. При этом в Московской духовной академии преподавали 28 профессоров, что делало ее академическую корпорацию самой малочисленной из всех¹. Следует отметить, что всего в академии, согласно уставу 1884 г., было 29 мест для штатной профессуры, не считая сверхштатных и временных, так что в Московской духовной академии было относительно малое количество преподавателей.

В Московской духовной академии, как и в других высших духовных школах Российской империи, подавляющее большинство профессорско-преподавательской корпорации составляли светские лица. Представители духовенства среди профессуры, называемые учеными монахами, составляли меньшинство. В период ректорства еп. Арсения (Стадницкого) (1898–1903) монашеский постриг имели лишь 2–3 члена академической корпорации, двумя из которых были ректор и инспектор². При его преемнике еп. Евдокиме (Мещерском) (1903–1906) это число представителей ученого монашества стало расти³.

В конце XIX в. профессорско-преподавательская корпорация Московской духовной академии сохраняла наследие единой крепкой академической семьи. Профессора поддерживали дружественные отношения друг с другом, проводили совместные застолья, собирались друг у друга для бесед и игры в карты⁴. Однако академическое сообщество МДА было довольно замкнутым, что усугублялось удаленностью академии от Москвы, и, таким образом, было оторвано от постоянного общения с другими представителями интеллигенции. Эта закрытость корпорации влекла за собой несколько важных проблем.

Одной из них стала практика nepотизма в академической среде. Поскольку в корпорацию входили в основном лица, связанные с духовной школой, круг научных оппонентов был довольно тесен. В связи с этим академическая корпорация подвергалась критике за практику взаимного рецензирования и вообще поиск оппонента среди друзей⁵.

¹ См.: Отчет о состоянии Московской Духовной Академии в 1899–1900 учебном году // Богословский вестник. 1900. Т. 3. № 11. С. 5.

² См.: Там же; см.: Отчет о состоянии Московской Духовной Академии в 1901–1902 учебном году // Богословский вестник. 1902. Т. 3. № 10. С. 5–6.

³ См.: Отчет о состоянии Московской Духовной Академии в 1904–1905 учебном году // Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 11. С. 9–12.

⁴ См.: Беляев А.Д. Дневники: 1902 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 1. Л. 8; Л. 70 об.

⁵ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 310.

Схожая проблема была и у работы В.А. Соколова, который, по словам митр. Арсения (Стадницкого), сделал все возможное, чтобы иметь своим рецензентом своего друга Н.А. Заозерского, вместо А.Д. Беляева, чья сфера научных интересов совпадала с темой диссертации⁶. Такое явление негативно сказывалось на профессорско-преподавательской корпорации, усиливало вероятность получения научных степеней людьми, чьи научные работы их не заслуживали.

Другим следствием замкнутости академического сообщества стала стагнация богословской науки в России. Затронула она и профессорско-преподавательскую корпорацию Московской духовной академии. В своих работах профессора ссылались в основном на иностранных авторов⁷. Сами исследователи зачастую демонстрировали знание не столько своего предмета, сколько немецких пособий по нему⁸. Богословская мысль, замкнувшись в самой себе и не развиваясь, становилась неинтересна не только широким слоям общества, но и самим членам профессорско-преподавательской корпорации. Замкнутость богословских наук в самих себе, без сношений с «мирской» интеллигенцией и отрешенностью от других наук⁹, таким образом, вредила, прежде всего, самому академическому богословию, делая его достоянием исключительно духовных школ и понижая его значимость и ценность.

Отношения профессуры Московской духовной академии со студенческой корпорацией были довольно теплыми. Члены академической корпорации, как правило, старались «идти навстречу» студентам, по возможности смягчая учебные и дисциплинарные взыскания со стороны администрации академии¹⁰ и закрывая глаза на небольшие нарушения академических правил. Существовала даже традиция своеобразного праздничного «проставления» перед студентами¹¹. Между молодыми профессорами и студентами, по наблюдениям коллег, существовала более тесная связь, нежели приличествует отношениям учитель – ученик. Митр. Арсений (Стадницкий) описывал это как панибратство¹². Такая близость со студентами позволяла отдельным членам корпорации управлять их настроениями, восстанавливая их против других профессоров или администрации¹³, что осуждалось большинством профессоров¹⁴.

⁶ См.: Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 236.

⁸ Там же. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 133.

⁹ Там же. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 241.

¹⁰ См.: Беляев А.Д. Дневники: 1903 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 58 об.

¹¹ См.: Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 71.

¹² Там же. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 345.

¹³ Там же. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 344–345.

¹⁴ Там же. С. 345.

Впрочем, и сама администрация не была свободна от подобных недостатков. Проблема крылась в так называемых антониевцах – наследниках митр. Антония (Храповицкого), известного в годы своего ректорства в Московской и Казанской академиях своими близкими отношениями со студентами [Езова 2005, с. 226] и принципом «все-прощающей любви»¹⁵. В МДА преемником идей митр. Антония стал еп. Евдоким (Мещерский), который еще во время выполнения им обязанностей инспектора пытался сблизиться с некоторыми членами студенческой корпорации, звал их к себе на чаепития, где позволял себе вместе со студентами критиковать некоторых профессоров¹⁶, дарил странные и довольно дорогие подарки¹⁷. Такое отношение со стороны еп. Евдокима подавало дурной пример студенческой корпорации и подрывало дисциплину в академии.

Излишняя любовь членов академической корпорации к студенчеству послужила причиной ухудшения их репутации в глазах Синода. Корни этого крылись в скандале вокруг ревизии Московской духовной академии под руководством П.И. Нечаева, прошедшей в 1895 г.¹⁸ В ответ на замечания ревизора по поводу падения дисциплины и распущенности студентов профессорско-преподавательская корпорация начала защищать их, оправдывая или сглаживая недостатки своих воспитанников. Профессурой был подан официальный протест в Синод¹⁹. Это сильно очернило облик профессуры как покровителей студенческого разгильдяйства. Во время подготовки митр. Арсения (Стадницкого) к занятию им должности инспектора, а затем и ректора Московской духовной академии многие его собеседники (обер-прокурор К.П. Победоносцев, товарищ обер-прокурора В.К. Саблер, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев) и другие) крайне нелестно отзывались о московских профессорах за их протест²⁰. Негативно повлияла эта ситуация и на отношения с человеком, являющимся непосредственным начальником ректора академии – митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским). Митр. Владимир (Богоявленский) проявлял неуважение к членам академической корпорации. В частности, прекратилась традиция приглашения академической корпорации на застолье к правящему архиерею, проводившаяся его предшественником митр. Сергием (Ляпидевским). Профессуре казалось, что в большинстве нарушений дисциплины со стороны студентов

¹⁵ Там же. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 277.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 355.

¹⁸ Там же. С. 280.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 285.

митрополит обвинял именно профессию, не выполняющую свой воспитательский долг²¹.

Отношения с академическим начальством у академической корпорации Московской духовной академии менялись на протяжении конца XIX – начала XX в. В отличие от своего предшественника архим. Лаврентия (Некрасова) (1895–1898), нелюбимого в академии²², еп. Арсений (Стадницкий) установил с большей частью корпорации достаточно теплые, доверительные отношения. Члены академической корпорации помимо встреч с руководством по учебным делам часто приглашали администрацию на застолья, и в ответ были приглашаемы ею²³. Крупнейшие церковные праздники ректор и профессорско-преподавательская корпорация также встречали вместе²⁴. Единственной болезненной темой являлся вопрос цензуры статей, выпускаемых в «Богословском вестнике», которой, согласно своему статусу ректора, занимался еп. Арсений (Стадницкий). За время, которое он возглавлял академию, он был неоднократно обвинен в «цензорском гнете» и через него в упадке журнала. Впрочем, протестовала не вся корпорация, а отдельные ее члены. Недовольство Н.Г. Городенского, обиженного тем, что ректор не пропустил его статью о Толстом, коллеги объясняли молодостью и горячностью профессора. Более масштабным стал конфликт ректора с редактором «Богословского вестника» А.А. Спасским [Голубцов 1999, с. 89]. Профессор Спасский, чью статью с тенденциозной критикой монашества ректор не пропустил, потребовал снятия с ректора цензорских полномочий, в противном случае угрожая закрытием журнала (чего, впрочем, он сделать не мог) и уходом в отставку²⁵. Однако Спасский не был поддержан академической корпорацией²⁶, которая тем не менее, исходя из солидарности с коллегой, всячески пыталась смягчить ситуацию, дабы А.А. Спасский смог избежать печальных последствий своего поведения²⁷. В дальнейшем открылось, что причина столь конфликтного поведения профессора крылась в развившемся у него на фоне алкоголизма «маниакальном психозе, выраженном в мании величия»²⁸.

²¹ См.: *Беляев А.Д.* Дневники: 1902 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 112 об.–113.

²² См.: *Арсений (Стадницкий), митрополит.* Дневник. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 286–287; *Беляев А.Д.* Дневники: 1903 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 132 об.–134.

²³ См.: *Арсений (Стадницкий), митрополит.* Дневник. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 148; см.: *Беляев А.Д.* Дневники: 1899 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Д. 7. Л. 3.

²⁴ См.: *Беляев А.Д.* Дневники: 1903 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 31.

²⁵ См.: Там же. Л. 4 об.–6 об.

²⁶ См.: *Арсений (Стадницкий), митрополит.* Дневник. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 88–89.

²⁷ См.: *Беляев А.Д.* Дневники: 1903 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 6 об.

²⁸ *Арсений (Стадницкий), митрополит.* Дневник. Т. 2: 1902–1903. М., 2011. С. 92; см.: *Беляев А.Д.* Дневники: 1903 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 2. Л. 7 об.

Правовое положение академической корпорации Московской духовной академии в начале XX в. значительно изменилось. Еп. Арсений (Стадницкий) в период своего ректорства с уважением относился к профессуре, прислушивался к мнению Совета и Правления и позволял им управлять академией в рамках, предписанных академическим Уставом. В случае, если большинство профессорско-преподавательской корпорации стояло на другой позиции, нежели ректор, оно, как правило, побеждало²⁹. Профессора, находившиеся с ректором в плохих отношениях, свободно занимались своими преподавательскими и научными делами. Профессор А.Д. Беляев, «не сошедшийся характерами» с еп. Арсением (Стадницким) и откровенно плохо отзывавшийся о нем, свободно получил докторскую степень³⁰ и место ординарного профессора³¹. В случае, когда, по мнению профессуры, ректор заходил дальше своих полномочий, как, например, произошло с единоличной отменой ректором поздравления Юрьевского университета с его столетием³², академическая корпорация решительно возражала против подобного «произвола» и добивалась пересмотра дела. Следует отметить, что происходили по большей части такие случаи от недопонимания между сторонами³³.

Однако уже в 1899 г. в академической среде начали ходить слухи, «будто бы по многим предметам богословским в академиях профессора будут обязательно духовные лица»³⁴. Это возможное нововведение вызывало резко негативную оценку профессорско-преподавательской корпорации МДА, привыкшей к светскому большинству внутри себя³⁵. Тем не менее уже в первые годы правления нового ректора еп. Евдокима (Мещерского), светской профессуре пришлось столкнуться с давлением со стороны ученого монашества. Митрополит Владимир (Богоявленский) через ректора начал проводить свою политику, не слушая мнение академической корпорации и не гнушаясь, в том числе и нарушением академического Устава. Запрещались целые группы предметов исследования, кажущиеся противоречащими интересам церкви³⁶. Ярким примером нарушения Устава стало дело о замещении вакантной после становления еп. Евдокима (Мещерского) ректором кафедры гомилетики и истории проповедничества, когда в обход мне-

²⁹ Беляев А.Д. Дневники: 1902 г. // Там же. Д. 1. Л. 24.

³⁰ Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1899 год. Сергиев Посад, 1900. С. 70.

³¹ Там же. С. 356.

³² Беляев А.Д. Дневники: 1902 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 1. Л. 100.

³³ См.: Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 2: 1902–1903. С. 69.

³⁴ Беляев А.Д. Дневники: 1899 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Д. 7. Л. 4 об.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Тихомиров П.В. О духовных академиях // Духовная школа: Сб. статей. М., 1906. С. 318.

ния профессуры ректор назначил своего ставленника, имеющего монашеский постриг³⁷.

Отношения профессорско-преподавательской корпорации с ректором обострялись с каждым днем. В среде профессуры стало крепнуть мнение, что взгляды на цель самого существования духовных академий у них и церковного начальства коренным образом различаются. Члены профессорско-преподавательской корпорации полагали, что, по мнению Синода, «академия подготавливает как воспитательное заведение, подготавливающее соответствующим образом настроенных служителей церкви», а потому «должна прежде всего служить интересам церкви и ее представителей, а не науки»³⁸. Профессура же полагала МДА прежде всего высшим учебным заведением, «рассадником высшего богословского образования»³⁹. Профессура отстаивала светский характер образования, указывая, что выпускники академий, принимающие духовный сан по окончании обучения, составляют лишь около 5% и «есть дело чистой случайности»⁴⁰.

Назревал разрыв между ученым монашеством, управляющим академией, и светской профессурой, чувствующей угнетение со стороны церковных властей. С такими настроениями академическая корпорация вошла в революционный 1905 г.

Литература

- Голубцов 1999 – Голубцов С.А. Московская духовная академия в начале XX века: Профессура и сотрудники. М.: Мартис, 1999. 124 с.
- Езова 2005 – Езова Л.Д. Московская Духовная Академия в конце XIX – начале XX в. // Россия и современный мир. 2005. № 1. С. 221–237.
- Тарасова 2005 – Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века: история императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф, 2005. 567 с.

³⁷ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 3: 1903–1905. М., 2015. С. 216.

³⁸ Тихомиров П.В. О духовных академиях... С. 319.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 315.

УДК 930.2
ББК 63.212

В.Д. Евплов

К истории археографической деятельности
И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого:
документальный обзор

Данная статья представляет собой обзор документальной коллекции из учебных материалов лаборатории кафедры архивоведения ИАИ РГГУ, связанных с деятельностью И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого. Документы проливают свет на различные аспекты их научной работы – в частности на подготовку публикации эпистолярного наследия И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и связанных с ними лиц. Многие документы представляют собой подлинные автографы ученых.

Ключевые слова: Историко-архивный институт, И.Л. Маяковский, М.С. Вишневский, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, русская литература, ИРЛИ, археография

Среди учебных материалов лаборатории кафедры архивоведения ИАИ РГГУ сохранилась коллекция документов, раскрывающих некоторые аспекты деятельности И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого – преподавателей, чьи имена хорошо известны каждому, кто интересуется прошлым Историко-архивного института. Источники охватывают в общей сложности 5 отдельных групп документов совокупным объемом около 1000 листов. На момент обнаружения документы уже были систематизированы и нами проведена лишь небольшая работа по их упорядочению. В обзоре документы распределены по тематическому принципу.

Часть I

Документы о деятельности И.Л. Маяковского

Илья Лукич Маяковский (1878–1954) – известный историк-архивист, ставший видным ученым еще до революции. В Историко-архивный институт он попал в 1942 г., когда ему было предложено работать здесь после эвакуации в Москву из блокадного Ленинграда. Жизнь и деятельность Ильи Лукича подробно освещена в книге Т.И. Хорхординой «Неизвестный» Маяковский» [Хорхордина 2001], отдельные аспекты освещены в научных статьях Татьяны Иннокентьевны [Хорхордина 1999, 2004, 2020]. М.В. Добренская, используя материалы личного фонда И.Л. Маяковского, показывает значимость личности ученого для отечественной архивной науки [Добренская 2008]. В обзорной статье автора об И.Л. Маяковском приводится краткая биография Ильи Лукича и изложение основных аспектов его теоретических воззрений [Евплов 2022a].

Документы, связанные с деятельностью И.Л. Маяковского, попали в институт, очевидно, в период между 1942 и 1954 г. и (вероятно, позднее, уже после смерти ученого) отложились в лаборатории кафедры архивоведения. Интересно, что сам И.Л. Маяковский многое сделал для нормализации работы лаборатории, в частности настаивал на необходимости наличия в ней необходимого количества документальных материалов, которые хранились бы в подходящих условиях – на втором этаже института [Евплов 2022b, с. 57].

Коллекцию составляют следующие документы.

1. Доклад И.Л. Маяковского

«Происхождение Ислама и сущность учения Корана».

Автограф

Этот весьма объемный (60 стр.) рукописный текст имеет датировку – 1907 год, он был написан во время работы И.Л. Маяковского в Одессе, в 1-й Ришельевской гимназии. Учитывая тот факт, что обнаруженный документ – автограф и подлинник, а среди документов личного фонда Ильи Лукича в ЦГА г. Москвы нет даже копии, речь в данном случае может идти об обнаружении уникальной работы И.Л. Маяковского, до этого неизвестной исследователям.

Содержание доклада полностью соответствует названию: И.Л. Маяковский подробно описывает историю возникновения ислама, объясняет сущность этой религии – касается вопросов молитв, догматов, паломничества и многих других аспектов. Интерес представляет сравнение ислама с христианством.

Впоследствии И.Л. Маяковский обращался к истории ислама: в 1913 г. им была написана статья «Миланский эдикт и торжество христианства (из истории ислама)»¹.

2. Заметки И.Л. Маяковского по архитектуре, живописи,
истории, общим вопросам культуры.
Автограф

Судя по орфографии, среди записок встречаются как дореволюционные, так и созданные уже в период советской власти. Здесь мы находим множество разрозненных сведений о московской архитектуре, в особенности о храмах – в частности Успенском соборе Московского Кремля; об истории изобразительного искусства, о живописи; отдельно отметим упоминание И.Л. Маяковским лекций А.С. Лаппо-Данилевского². Сведения, встречающиеся в заметках, не имеют четкой структуры и не связаны единой темой. Заметки с большой вероятностью могут быть связаны с преподавательской деятельностью. Указанные документы еще раз свидетельствуют о том, каким эрудированным человеком был И.Л. Маяковский.

3. Материалы о работе И.Л. Маяковского
над «Полным собранием писем И.С. Тургенева»

Письма И.С. Тургенева считаются шедевром эпистолярного жанра и всегда привлекали исследователей жизни и творчества писателя. Первая публикация писем под названием «Первое собрание писем И.С. Тургенева 1840–1883 гг.» увидела свет уже в конце октября 1884 г. – когда со времени ухода писателя из жизни прошло чуть более года. Издание было неполным – в него вошел лишь небольшой процент от большой переписки Тургенева [Алексеев 1982, с. 9]. В 1918 г. отмечался юбилей со дня рождения великого писателя, и впервые появилась идея о создании полного собрания писем. Работа «Тургеневского общества», основанного в 1919 г., также в связи с юбилеем, завершена не была. В 1935 г. за публикацию всех писем Тургенева взялось куда более серьезное учреждение – ИРЛИ АН СССР.

Известно, что И.Л. Маяковский в 1930-е гг. занимался подготовкой документов для «Полного собрания писем Тургенева» в составе специально созданной для этого в ИРЛИ Тургеневской группы [Алексеев 1982, с. 113]. Вместе с И.Л. Маяковским работали М.К. Клеман, Ю.Г. Оксман, П.И. Лебедев-Полянский и Б.М. Эйхенбаум. Из обнару-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-110. Оп. 1. Д. 42.

² Речь может идти о «Лекциях по русской истории», однако И.Л. Маяковский не уточняет.

женных нами документов можно сделать вывод о том, что какое-то время эта группа вела активную работу, однако затем деятельность ее по какой-то причине была свернута, и «Полное собрание писем» свет так и не увидело. Добавим также, что в 1936 г. И.Л. Маяковский был неожиданно уволен из ИРЛИ, а Ю.Г. Оксман в том же году был арестован и в 1937 г. приговорен к пяти годам ИТЛ³.

Историография подтверждает существование Тургеневской группы в 1930-е гг., однако ограничивается лишь упоминанием⁴ и никаких подробных сведений по истории работы группы не сообщает; эта заслуживающая внимания проблема требует отдельного исследования. В архивах ИРЛИ хранятся следы большой работы – тексты первого тома «Полного собрания» под редакцией М.К. Клемана.

В личном архивном фонде И.Л. Маяковского в ЦГА г. Москвы сохранилось немало материалов, свидетельствующих о его непосредственном участии в подготовке публикации эпистолярного наследия великого писателя: комментарии к «Полному собранию писем И.С. Тургенева»⁵, инструкция по изданию писем Тургенева⁶, копии писем Тургенева к О.А. Тургеневой и Н.М. Еропкиной⁷ и многое другое. Вот что об этом пишет сам Илья Лукич в одной из своих автобиографий:

В течение 1935 и 1936 гг. мною выполнены следующие научные работы: <...> 9) Второй том «Полного собрания писем И.С. Тургенева». – Тексты писем за 1858–1863 гг., комментарий и предисловие. 46 исп. листов. Все издание уступлено Литиздатом Издательству Академии Наук, куда поступил и приготовленный мною том. 10) Для третьего тома того же «Полного собрания писем И.С. Тургенева» приготовлен текст писем за 1864, 1868 и 1869 г.г. и комментарий к ним. 22 печ. листа. – Сдано в Редакцию «Полного Собрания»⁸.

Среди учебных материалов лаборатории кафедры архивоведения были обнаружены следующие документы, связанные с «Полным собранием».

³ Оксман Юлиан Григорьевич (Гершевич) // Биографика СПбГУ URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2578-oksman-ulian-grigorevic-gersevic.html> (дата обращения 16.02.2023).

⁴ Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 274–275.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. Л-110. Оп. 1. Д. 11–17.

⁶ Там же. Д. 151.

⁷ Там же. Д. 56.

⁸ Там же. Д. 218. Л. 5а.

*а) Архивные копии писем И.С. Тургенева, подготовленные И.Л. Маяковским
Машинопись, рукописные пометы*

Среди машинописных копий есть как распределенные по адресатам, так и лежащие россыпью. Почти все «нераспределенные» письма датируются 1860 и 1861 гг., что позволяет разделить их на две группы по хронологическому признаку. Исходя из хронологии томов, все «нераспределенные» письма должны были быть опубликованы в составе второго тома (письма за 1858–1863 гг.). Среди обнаруженных документов многие письма отсутствуют; исследователя сбивает с толку путаная нумерация: многочисленные зачеркивания номеров, пометы, литерные номера. «Нераспределенные» письма за 1860 г. составляют 246 листов, самый малый номер письма 194, самый большой 361. Письма 1861 г. той же категории занимают 202 листа, при этом самый малый номер 366, самый большой, соответственно, 478.

Среди этих бумаг была найдена также небольшая группа писем Бартеневу, Бертольдву, Ауэрбаху, Шмидту. Все они датированы 1868 г.

Распределенные по адресатам письма находятся в обложках с подписями. Это письма Тургенева Н.В. Ханыкову, Боткину, Боровому, Л. Пичу, П. Тургеневой, Виардо, Сент-Бёву (обложка сделана из газеты «Правда» 1932 г.), Репинскому, Случевскому, Одоевскому, Анненкову, Милютиной, комитету Литературного фонда, Милютину, Вильяму Ральстону, Полонскому, Головкину и «неизвестному».

Исходя из датировки писем, мы можем сделать вывод о том, что обнаруженные машинописные копии предназначались для второго и третьего тома «Полного собрания писем Тургенева». Ни один том, однако, не представлен полностью.

К копиям писем Тургенева имеются два титульных листа с названием публикации – «Полное собрание писем И.С. Тургенева» – один общий, другой – отдельно для второго тома, в который должны были войти письма за 1858–1863 гг. На обоих титульных листах имеется обозначение «Государственное Издательство “Художественная литература”». На наш взгляд, наличие сведений об издательстве свидетельствует о том, что публикация была почти готова, но все сорвалось буквально в самый последний момент. Впрочем, если судить по приведенным выше словам И.Л. Маяковского из автобиографии с упоминанием Издательства Академии наук, выбор издательства не был окончательным решением.

Интересно, что на общем титульном листе вымарано имя одного из тех людей, под редакцией которых должна была осуществиться публикация. Мы встречаем здесь три фамилии – сотрудников ИРЛИ Лебедева-Полянского и Эйхенбаума, замарана была фамилия и подпись Ю.Г. Оксмана, что явно связано с его арестом в 1936 г.

В найденных документах подпись Ю.Г. Оксмана встречается дважды: на указанном листе с пометкой «В набор после утверждения П.И. Лебедевым-Полянским. 3/VI» и на первом листе примечаний И.Л. Маяковского к письмам с пометкой «Редактировал 3/VI».

В процессе изучения копий писем можно заметить пометки И.Л. Маяковского – незначительные, но раскрывающие характер проведенной им работы. К примеру, на письме Милютину помета «Проверить в архиве», она зачеркнута, а снизу подпись – «Проверено!». Еще пример, с письма Полонскому: «Сверены оба экз. в ГПБ (нет только в ГПБ письма от 10/VIII 68)».

б) Примечания к письмам Тургенева, подготовленные И.Л. Маяковским. Машинопись, рукописные пометы

Примечания раскрывают читателю контекст написания Тургеневым того или иного письма. Поясняется смысл фраз, которые могут показаться неуместными или бессмысленными: И.Л. Маяковский показывал, что, к примеру, фраза Тургенева «только что спасшись на берег», употребленная в совершенно «сухопутном» письме – не что иное, как намек на кризис отношений с Полиной Виардо.

Примечания сообщают и о наличии разночтений, существовании текстов отдельных писем в двух редакциях. При этом приводится сопоставление выражений черновой и белой редакции, так что из письма, опубликованного в белой редакции, читатель может без труда составить «черновик».

Примечания изобилуют правками и пометами Ю.Г. Оксмана: «сухо», «плохо», «сократить», «ужать», «комментировать по существу». Встречаются среди них и более интересные. В предложении «...ответом на письмо Полины *по* поводу намерения его, *по* возвращении с лечения... [курсив наш. – В. Е.]» Илья Лукич, очевидно, неосторожно употребил злосчастный предлог, а строгий редактор ответил на полях: «По-по-по-по».

в) Переводы и пояснения иностранных слов и фраз, встречающихся в переписке Тургенева. Машинопись, рукописные пометы

Содержат переводы с латыни, итальянского, французского, немецкого, английского языков. На отдельном листе находится перевод стихотворения Николауса Ленау “Sonnenuntergang...”, посланного Тургеневым Фету. Этот перевод является уникальным, и кардинально отличается как от перевода, выполненного В.Я. Брюсовым⁹, так и от

⁹ Николаус Ленау, пер. Валерий Яковлевич Брюсов. “Sonnenuntergang...” // Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Солнечный_закат_\(Ленау;_Брюсов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Солнечный_закат_(Ленау;_Брюсов)) (дата обращения 16.02.2023).

того, что находится в примечаниях к письму в вышедшем «Полном собрании сочинений и писем» Тургенева¹⁰, поэтому нам кажется необходимым познакомить читателя с ним:

Солнечный закат;
Черные тучи ползут.
О! как душно и боязливо
Бегут ветры.
Через небо неистово
Пронесятся бледные молнии;
Их преходящий образ
Странствует через пруд.
Ясно, как молнии,
Мнится, я тебя вижу –
И твои длинные волосы
Свободно реют посреди бури.

Часть II

Документы о деятельности М.С. Вишневого

Михаил Станиславович Вишневский (1889–1938) – архивист, разработчик нормативно-методических документов в сфере архивного дела, историк. В Историко-архивном институте (Институте архивоведения) преподавал с момента его открытия. Именно М.С. Вишневым вместе с В.В. Максаковым был разработан проект организации института. Детали биографии и деятельность М.С. Вишневого освещены В.В. Крыловым и Т.И. Хорхординой в статье «Михаил Станиславович Вишневский: судьба архивиста» [Крылов, Хорхордина 2002–2003]. Обратимся теперь к материалам М.С. Вишневого, которые позволяют действительно по-новому взглянуть на деятельность ученого.

1. Материалы о работе М.С. Вишневого над публикацией писем Ф.М. Достоевского к А.П. Суловой

С большой долей вероятности мы можем предполагать, что Михаил Станиславович готовил публикацию писем Достоевского к Аполлинии Прокофьевне Суловой – возлюбленной писателя. Попытаемся обосновать для читателя наши выводы.

¹⁰ Письма И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] М.: Наука, 1978–2018. Т. 4: Письма, 1859–1861. С. 564.

*а) Предисловие к публикации, написанное М.С. Вишневым.
Автограф*

Этот документ обращает на себя внимание в первую очередь. Первая строчка «Печатаемые нами три письма Ф.М. Достоевского к А.П. Суловой...» свидетельствует о действительных планах М.С. Вишневого по публикации писем в печатном виде. Есть указание на архив, в котором хранятся документы – архив 3 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, «входящий в состав Ленинградского отделения Политической секции Е.Г.А.Ф.». Мы неслучайно привели здесь цитату: дело в том, что благодаря этой строчке становится возможным приблизительно датировать труд М.С. Вишневого. Секционное деление ЕГАФ было окончательно ликвидировано в 1929 г. [Хорхордина 2022] – следовательно, предисловие написано не позднее 1929 г. В определении примерной нижней границы датировки нам поможет следующий документ – записка Н.Ф. Бельчикова.

б) Записка Н.Ф. Бельчикова. Автограф

Н.Ф. Бельчиков, известный литературовед (публиковавший материалы и о Достоевском), в 1923 г. направил М.С. Вишневному записку со справочными сведениями об А.П. Суловой. 1923 год, таким образом, и будет условной нижней границей. Нам представляется возможным воспроизвести здесь полностью текст этого небольшого документа:

Полина Сулова смотрите о ней Мих. Степ.
стр. 28, 41, 48, 85, 86, 111, 117, 119, 153, 267, 371, 373, 375, 378

15/IX 1923

Н. Бельчиков

Москва

P.S. Очень обяжете, если, получив настоящий экземпляр, вернете эти корректурные листы

Н.Б.

Н.Ф. Бельчиков, очевидно, написал записку на листе, который до этого посылали ему тоже в качестве записки, текст на обороте представляет собой адрес:

Николаю Федоровичу Бельчикову
Научно-статистический отдел
Центрархива Р.С.Ф.С.Р.
Ваганьковский пер. 8
Москва

Конечно, текст записки требует пояснений: кто такой «Мих. Степ.» и что за экземпляр с корректурными листами прислал Н.Ф. Бельчиков? На данном этапе эти вопросы остаются без ответа.

*в) Архивные копии писем Достоевского, Евгении Тур, Огаревой,
Надежды Сусловой к Аполлинарии Сусловой.
Машинопись*

Все эти письма объединяет не только адресат – А.П. Сулова, но и общая судьба документов. Именно на эти письма обратил внимание чиновник следственной комиссии во время проведения обыска у Суловых. Авторы писем резко критиковали Российское государство, в письмах встречались слова «Герцен» и «Колокол» – неудивительно, что полиция обратила внимание именно на эту часть, по выражению следственного чиновника, «громадной переписки Сусловой». Исключение составляли письма Достоевского, в которых он касается своего материального положения, но отнюдь не политики; полиция заинтересовалась ими, так как их автором был уже очень известный к тому времени литератор.

Все указанные письма были изъяты полицией и хранились в архиве 3 отделения. Впервые были опубликованы исследователем жизни и творчества Ф.М. Достоевского А.С. Долининым в 1924 г. [Долинин 1924, с. 261–283].

*г) Копии архивных дел – производства следственной комиссии
по Суловым и Ножину. Машинопись*

Благодаря своей деятельности А.П. Сулова не раз попадала в поле зрения полиции. Это касалось и ее семьи – в частности брата. Н.Д. Ножин стал одним из тех людей, из-за которых 3 отделение впервые заинтересовалось Суловым.

Дело в том, что коллежский секретарь Н.Д. Ножин тайком от родителей увез свою сестру в столицу, готовил ее нелегальный выезд за границу. Параллельно с этим Ножин подозревался в распространении «нелепого учения» нигилизма, насильной вербовке сторонников. Оказалось, что в столице орудует целая группировка нигилистов, большая часть которой собирается вокруг А.П. Суловой. Полицейские, как ни старались, не смогли найти ни доказательств насильственной вербовки сторонников нигилистами, ни доводов в пользу общественной опасности «учения нигилизма», однако за потенциально опасной молодежью (всего 72 «опасных нигилиста»), в том числе за А.П. Суловой и ее братом Василием, был установлен тщательный надзор. Так Аполлинария Прокофьевна впервые попала в поле зрения 3 отделения.

Далее в материалах 3 отделения имя А.П. Суловой упоминается в связи с обществом взаимопомощи «Русская артель», доносами знакомых о хранении политических прокламаций и журнала «Свобода». Информация о наличии у Суловой запрещенных печатных материалов стала поводом для проведения обыска. Полиция застала Сулову

на квартире брата Василия в Лебедяни, и после обыска в руки следователей попали те письма, о которых мы сообщали выше.

Используя материалы следственной комиссии из архива 3 отделения, М.С. Вишнеvский показывает тот путь, который прошла эта небольшая часть ее корреспонденции перед тем, как осесть в архиве, а также раскрывает детали биографии А.П. Суловой.

*д) Заметки М.С. Вишнеvского, черновые варианты предисловий.
Автограф*

В процессе работы М.С. Вишнеvского отложилось много черновиков и предисловий. При знакомстве с ними можно проследить за работой ученого, который очень серьезно подошел к проработке текста для предисловия. Обращает на себя внимание лист с литературой к письмам Достоевского и записи М.С. Вишнеvского о заметке в газете «Голос» от 21 декабря 1868 г. В этой заметке говорилось об открытии Аполлинарией Суловой школы в селе Шанове и о возникших в связи с этим разбирательствах различных чиновников.

2. Заявление М.С. Вишнеvского
в Президиум Совета 211-й трудовой школы. Автограф

В процессе изучения черновых вариантов предисловий нами было обнаружено заявление М.С. Вишнеvского в Президиум Совета 211-й трудовой школы по жилищным вопросам. Оно написано на обратных сторонах листов одного из черногого предисловия. Этот документ предоставляет возможность познакомиться с бытом М.С. Вишнеvского, заглянуть на мгновение к ученому домой, чтобы понять, в каких условиях он жил и работал. Нам думается, что читателю будет интересно ознакомиться с этим источником в сокращении:

В Президиум Совета 211 советской трудовой школы

С 21 апреля за выездом гр. Тяпкина освободилась часть квартиры № 13.

<...>

Квартира состоит всего из 3-х смежных комнат и одной проходной.

<...>

Сырую, неотапливаемую в течение 4 лет, крайне загрязненную и частично разрушенную квартиру пришлось отремонтировать, причем я отремонтировал две комнаты, гр. Тяпкин комнату и ванную, остальную часть квартиры: проходную комнату с установкой печи, коридор и кухню мы отремонтировали с гр. Тяпкиным совместно, неся расходы поровну и, наконец, за выездом гр. Тяпкина мною вновь восстановлено электрическое освещение.

Занимаемое мною помещение для моей семьи совершенно недостаточно.

Из-за тесноты я не мог поставить в своей комнате кровати, не мог поставить кровать и для моей семилетней дочери. Книги, журналы и необходимые мне для моих научных занятий материалы приходилось держать под столом, на полу, на стульях и т. п.

<...>

Только полная невозможность по материальным причинам переменить квартиру заставляла терпеть тесноту помещения и все неудобства сожительства 2 семей из 6 лиц в 3-х комнатах и одной проходной в течение 1½ лет.

С выездом гр. Тяпкина мне представляется возможность занять всю квартиру и этим создать более нормальные условия жизни для моей семьи.

На квартиру № 13-я имею все права: во-первых, значительная часть ремонта квартиры произведена за мой счет; во-вторых, я состою преподавателем университета и, следовательно, числюсь в ведении Губоно¹¹, в ведении которого находятся кв. № 13, как и вся эксплуатируемая часть дома № 6 по V лин[ии] В[асильевского] О[строва] и в-третьих, по установленной норме, я и моя семья имеем право на 4 изолированных комнаты, то есть на помещения даже больше, чем кв. № 13.

<...>

Для удовлетворения же жилищной нужды 2-х преподавателей школы, администрация последней могла бы вполне использовать имеющиеся в прочих квартирах д. № 6 свободные помещения и без уплотнения моей квартиры едва достаточной для моей семьи. А посему полагаю возможным просить Президиум школы удовлетворить мне ходатайство и предоставить в мое распоряжение всю кв. № 13.

М.В.

Такова краткая характеристика рассмотренной коллекции документов, содержащих немало новых сведений о деятельности И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого до периода их работы в Историко-архивном институте. Многочисленные оставшиеся неразрешенными вопросы свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований сохранившихся документов в связи с историей отечественной археографии.

Литература

Алексеев 1982 – *Алексеев М.П.* Письма И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1978–2018. Т. 1. Письма, 1831–1849.

¹¹ Губернский отдел народного образования.

- Добренькая 2008 – *Добренькая М.В.* Становление советского архивного дела сквозь призму документов историка-архивиста И.Л. Маяковского (по материалам личного фонда в Центральном московском архиве-музее личных собраний) // Вестник архивиста. 2008. № 3 (103). С. 229–237. URL: <https://www.mos.ru/mosarchiv/documents/trudy-i-publikacii/view/39630220/> (дата обращения?).
- Долинин 1924 – *Долинин А.С.* Достоевский и Сулова // Ф.М. Достоевский: статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. М.; Л.: Мысль, 1924. С. 153–283.
- Евплов 2022 – *Евплов В.Д.* Илья Лукич Маяковский и Новая архивная политика // Смысл истории. 2022. № 4. С. 149–170.
- Евплов 2022а – *Евплов В.Д.* Документы личного фонда И.Л. Маяковского как источник по истории ИАИ // Источниковедение и культура: человек и окружающая среда: Сборник статей по материалам студенческих научных конференций 2021–2022 гг. / Отв. ред. Н.Е. Соничева. М.: РГГУ, 2022. С. 55–61.
- Крылов, Хорхордина 2002–2003 – *Крылов В.В., Хорхордина Т.И.* Михаил Станиславович Вишневыский: судьба архивиста // Вестник архивиста. 2002–2003. № 4–5 (70–71), 6 (72), 1 (73). С. 306–315, 332–350, 406–418.
- Хорхордина 1999 – *Хорхордина Т.И.* И.Л. Маяковский: утраченные иллюзии // Вестник архивиста. 1999. № 1 (49). С. 130–142.
- Хорхордина 2001 – *Хорхордина Т.И.* «Неизвестный» Маяковский. М.: РГГУ, 2001. 96 с.
- Хорхордина 2004 – Новые материалы к научной биографии И.Л. Маяковского (К 125-летию со дня рождения) / Публ. док. и предисл. М.Д. Эльзона и Т.И. Хорхординой // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 364–383.
- Хорхордина 2020 – Заявления и письма И.Л. Маяковского с ходатайством о пересмотре его увольнения из Архива ИРЛИ (1936–1937 гг.) / Вступ. статья, публ. и комм. В.Г. Бухерта и Т.И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 116–126.
- Хорхордина 2022 – *Хорхордина Т.И.* История архивов и архивного дела в России / Хорхордина Т.И. [Электронный ресурс] // Studme.org [сайт]. URL: https://studme.org/423332/istoriya/polozhenie_organizatsii_egaf_rsfsr_1925_nachalo_likvidatsii_sektsionnoy_sistemy (дата обращения 15.12.2022).

А.А. Киричек

Наука о политике и для политики: профессионализация американской политической науки в начале XX в.

На основе посланий Президентов Американской ассоциации политической науки и на программных материалах из *American Political Science Review* и *Proceeding of the American Political Science Association* в статье характеризуются период профессионализации политической науки. Создание Ассоциации в 1903 г. ознаменовало отход от старых представлений о политической науке. Первое поколение, понимающее политическую науку как республиканский проект просвещения граждан, сменяется вторым поколением, которое стремилось профессионализировать дисциплину и поставить ее на службу политическому управлению. Кроме того, изменяется модель научного исследования. Исторический реализм приходит на смену тевтонизму, который был присущ первому поколению, что способствует росту авторитета «факта» и «беспристрастного суждения» среди политических ученых. Основное внимание в исследовании уделяется процессу изменения дисциплинарных границ и построения дисциплинарной идентичности. Автор делает акцент на взаимоотношения политической науки и политики. Хронологические рамки исследования ограничены первым десятилетием существования Ассоциации – с 1903 по 1913 г. Это было время постановки наиболее общих вопросов перед политической наукой. После 1913 г. способы размышления о политике и науке изменяются, а взгляд на науку и устройство знания смещается в сторону строгого сциентизма.

Ключевые слова: Американская ассоциация политической науки, дисциплинарная история, история политической науки, интеллектуальная история

Начало XX века – это момент профессионализации политической науки. В 1903 г. появилась первая ассоциация (American Political Science Association, далее – APSA), а в 1906 – основной дисциплинарный журнал (American Political Science Review, далее – APSR). Рождение APSA представляет изменения взгляда на взаимоотношения меж-

ду наукой и политикой и на то, чем должна быть политическая наука. В историографии этот период маркируют как время «смены поколений» политических ученых [Ricci 1993, p. 165]. Каждое из этих поколений имело разные представления о назначении политической науки.

Основное внимание в исследовании уделяется процессу изменения дисциплинарных границ, построения дисциплинарной идентичности и трансформации отношений между политикой и политической наукой. Анализ будет сосредоточен преимущественно на посланиях Президентов Американской ассоциации политической науки, а также на программных материалах из APSR и *Proceedings of the American Political Science Association*. Американская ассоциация политической науки – один из важнейших институтов политической науки. Ассоциация конституирует дисциплину. Послания Президента Ассоциации – это одна из основных форм дисциплинарной коммуникации. Они отражают основные напряжения и изменения в позиционировании дисциплины. Послания являются ежегодными и содержат в себе ряд вопросов, которые ставит перед дисциплиной Президент. Хронологические рамки исследования ограничены первым десятилетием существования Ассоциации, то есть с 1903 по 1913 г. Это было время постановки наиболее общих вопросов перед политической наукой. После 1913 г. способы размышления о политике и науке изменятся, а взгляд на науку и устройство знания смещается в сторону строгого сциентизма [Ross 1993, p. 83].

Можно говорить о двух поколениях, которые столкнулись на дисциплинарной арене: отцы-основатели политической науки и ученики 1-го поколения [Ricci 1993, p. 165]. Под политическими учеными «первого поколения» понимается группа ученых, активная деятельность которых пришлась на вторую половину XIX века. Фрэнсис Либер, Джон Берджесс и Герберт Бакстер Адамс – это те, кто первым начал себя именовать профессором «политической науки». Первое поколение пыталось создать «политическую науку с нуля». Они занимались ею до момента полной институционализации в 1903 г. Их проект радикально отличался от того, что мы сейчас понимаем под политической наукой. Именно в противовес этому проекту второе поколение пыталось построить новую, более привычную для нас, политическую науку [Ricci 1993, p. 165].

Второе поколение – это группа ученых, деятельность которых пришлась на конец 1890-х и начало XX в. Многие из них были учениками первого поколения: Вудро Вильсон был учеником Герберта Адамса, а Уильям Арчибальд Даннинг и Фрэнк Гуднау – Джона Берджесса. Второе поколение пыталось профессионализировать политическую науку путем создания ассоциации, дисциплинарного журнала и т. д.

Мы не можем говорить о политической науке середины XIX в. как о единой научной дисциплине. Скорее это был политический проект,

объединенный одним историческим методом. Так, Дороти Росс называет политическую науку этого времени исторической политической наукой или историко-политикой (*historico-politics*). Вопрос метода стоял особняком и имел более важное значение, нежели предмет исследования. Фрэнсис Либер работал над созданием определенного исторического метода, который включал бы в себя историю как аналитический инструмент. Правильным методом он называл

...социальный анализ... отделение постоянного и существенного от случайного и поверхностного, так что это становится одним из ключей, с помощью которого мы учимся лучше понимать настоящее [Ross 1991, p. 64].

Первое поколение политических ученых придерживались гегельянского понимания исторического процесса. Они считали англиканские принципы свободы и тевтонское наследие важнейшим элементом развития государств. Тевтонизм, или теория тевтонского гена, заключался в том, что англосаксы были носителями «тевтонского гена свободы», что позволяло им создавать демократические институты и пользоваться ими, в то время как неносители преимущественно были обречены жить в авторитарных государствах [Blatt 2018, p. 5]. Джон Берджесс полагал, что американская демократия – это пример наивысшего развития государства, которое должна развивать и защищать политическая наука [Blatt 2018, p. 41]. Тем не менее нужно понимать, что тевтонизм – это не столько «местная разновидность developmentalного историзма и плохо скрываемый расизм», сколько средство для сохранения единства истории и политики [Zemliakova 2022, p. 298].

До 1903 г. политическая наука не имела собственной ассоциации. Политические ученые были членами и Американской Исторической Ассоциации, и Американской Экономической Ассоциации. Есть разные интерпретации того, почему политические ученые решили создать собственную ассоциацию. Роберт Адкок полагает, что консенсус относительно общепринятых «верований» в историко-политике начал исчезать. Это нарушило единство поля и предопределило линию, по которой происходил разлом [Adcock 2014, p. 269–275]. Дороти Росс пишет, что движение за дисциплинарный разрыв с историками было вызвано растущей профессиональной раздробленностью в историко-политике. Эта раздробленность породила несколько интеллектуальных направлений внутри политической науки, каждое из которых становилось все дальше от исторической дисциплины [Ross 1991, p. 70–76]. Татьяна Землякова подытоживает обе интерпретации и говорит, что «на рубеже веков одна группа ученых открыла для себя американскую историю, а другая группа – американскую политику» [Zemliakova 2022, p. 300].

Изначально политическая наука задумывалась не столько как средство научного изучения политики, сколько как республиканский проект просвещения граждан, который не позволит новой американской демократии скатиться в пучины диктатуры [Farr 2003]. Для первого поколения связь науки с политикой была определена: наука была политической по своей сути. Она должна была вмешиваться в политический процесс, заниматься гражданским просвещением и менять политику. Тесная связь американской политической науки с моральной философией была как никогда очевидна в то время. Джеймс Фарр говорит о том, что

...политическая наука была внутренне наукой политического долга, политического долга моральной философии, в виде обучения новой науке новых граждан [Farr 2003].

Они верили в идею профессионального правительства. Это было частью более общей кампании по обучению обширного класса политических лидеров. Для политических ученых первого поколения возвращение политических лидеров и гражданских служащих было частью их академической профессии [Ross 1991, p. 70]. Герберт Бакстер Адамс, как и Джон Берджесс полагали, что в этом состоит главная задача университетского обучения граждан политической науке (в данном случае Колумбийский университет и университет Джона Хопкинса) [Ross 1991, p. 70].

Однако в реальности все больше выпускников Джона Хопкинса и Колумбийского университета возвращались обратно на академическую стезю, а не шли в политику и в государственное управление. Второе поколение заменяет «джентристскую программу» воспитания лидерского класса «научным», «беспристрастным» изучением администрации и выработкой «научных» советов правительству [Ross 1991, p. 288–295].

Политические ученые второго поколения стремились институционально разграничить сферы «науки» и «политики». Это соответствовало как их конъюнктурным задачам, так и американскому академическому мейнстриму [Gunnell 2006]. Создание Ассоциации давало им институциональную площадку для артикуляции новой дисциплинарной идентичности. Здесь стало возможно провести границу с историко-политикой и «пересобрать» политическую науку.

Новая идентичность основывалась на «научной объективности» и дисциплинарно-интеллектуальной уникальности политической науки. Принцип «беспристрастности» и «научности» появляется в самом начале конституции APSA. Вторая статья провозглашает, что Ассоциация способствует «научному изучению политики, публичного права, администрации и дипломатии» и «не будет занимать пристрастную

позицию по какому-либо вопросу практической политики»¹. Ассоциация – это площадка, в рамках которой можно «научно» обсуждать политику. Она не является «группой реформаторов, не имеет никакого отношения к пропаганде и предоставляет возможность изучать политику с абсолютным спокойствием и беспристрастностью» [Shaw 1907] в отличие от других ассоциаций, которые, по мнению Гуднау, «ставили в свой центр политику и просто занимались агитацией за какую-то определенную реформу» [Goodnow 1904].

Акцент на уникальность Ассоциации дает им возможность получить автономность дисциплинарную и интеллектуальную. Тесная связь первого поколения с историками и экономистами породила дисциплинарно-интеллектуальную зависимость. Если политические ученые хотели выжить как интеллектуальный проект и как академическая дисциплина, то они должны были провести определенные границы.

Первым шагом к интеллектуальной автономности дисциплины стало определение предмета, который «не был систематически изучаем другими дисциплинами» [Goodnow 1904]. Таким предметом для второго поколения стало Государство (The State) [Goodnow 1904]. Они критиковали «старые» подходы к «государству» за их ограниченность, потому что те «основаны на расовом опыте одной группы народов, культура которых покоится на греко-римских основах» [Ford 1905]. Политическая наука должна «взять за свой предмет природу государственной власти, какие бы формы она ни принимала, выясняя их генетический порядок и формулируя законы их роста и развития» [Ford 1905]. Наиболее важным для политической науки становится государство в действии (state in action): изучение операций реализации государственной воли конкретными политическими организациями и институтами как правовыми, так и неправовыми. В первом же обращении Фрэнк Гуднау обращает внимание, что «до образования Американской ассоциации политической науки в этой стране не было ни одной ассоциации, которая пыталась бы собрать на общей почве тех людей, чьи основные интересы были связаны с научным изучением организации и функций государства» [Goodnow 1904].

Собственный предмет дал политическим ученым возможность четко артикулировать отличие от Американской Исторической Ассоциации и Американской Экономической Ассоциации. Историю и экономику они считали недостаточными для «научного» изучения политики: историки изучали преимущественно «государства прошлого», а экономисты в свою очередь были «ограничены рассмотре-

¹ Constitution of the American Political Science Association // Proceedings of the American Political Science Association. 1904. Vol. 1. P. 16–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/3038313> (дата обращения 25.02.2023).

нием экономической целесообразности определенных видов налогов и методов, которые были приняты для обеспечения их сбора и выплаты» [Goodnow 1904]. Как заявлял Вудро Вильсон: «Я боюсь, что экономисты не смогут нам помочь» [Wilson 1911].

Тем не менее историю полностью не отвергли. Джеймс Брайс, четвертый президент APSA, полагал, что политическая наука должна учитывать все, что только возможно. Брайс, отвечая на вопрос «должны ли мы изучать все в свете всего остального? и если так, то какие границы должны быть установлены для исследования?», отмечал, что для политической науки никаких границ не существует [Bryce 1909]. Так, для настоящего научного изучения политики необходим союз истории и политической науки, в котором история дает исторические факты, на основе которых можно делать научные суждения. А политическая наука их берет и

... расставляет по соответствующим рубрикам, описывая институты и излагая те привычки людей и тенденции человеческой природы, которые соответствуют... естественным законам [Bryce 1909].

Таким же образом политическая наука поступает с фактами из права и экономики. Альберт Шоу и Фрэнк Гуднау последовательно доказывали, почему *факты* из права, истории и экономики являются частью политической науки [Goodnow 1904; Shaw 1907]. Как утверждал Альберт Шоу,

...наши коллеги из Исторической Ассоциации и наши собратья из Экономической и Социологической групп тоже являются политическими учеными в самой своей природе [Shaw 1907].

Предпочтение историко-реалистичной программы Ранке тевтонскому методу способствовало росту значения «фактов», а не «спекулятивных абстракций». Одним из главных атрибутов научности для них являлось суждение, выведенное из *фактов*. Такое суждение отражает реальность в отличие от «спекулятивных» размышлений философов. Брайс сетовал:

...как затуманены и облачны размышления Немецких мыслителей о государстве последние 60 лет. Они используют собственные концепции реальности вместо того, чтобы исходить из фактов и таким образом строить концепции, которые отражают реальность [Bryce 1909].

Факты были важны. Это подтверждается обращением к ним с высших институциональных позиций. Практически в каждом президентском обращении Вудро Вильсон, и Фрэнк Гуднау, и Альберт Шоу

отмечали их первостепенную значимость для политической науки как основы «беспристрастного» изучения политики.

Тем не менее нельзя интерпретировать это как движение к сциентизму. Политическая наука того времени не была сциентичной. Когда второе поколение призывает обращаться к «фактам», это говорит лишь о пересмотре акцентов историко-политики, но не о принятии модели естественных или точных наук. В своей президентской речи Брайс спрашивает, «что это за вид науки?», и сразу уточняет, что не считает политическую науку точной наукой [Bruce 1909]. Он полагает, что

...человеческие феномены могут быть описаны, но не могут быть подсчитаны или взвешены... эмоции, мнения и другие факторы не поддаются подсчетам [Bruce 1909].

Вудро Вильсон прямо говорит о том, что ему не нравится термин «политическая наука» (political science), так как «человеческие отношения в семье ли или в государстве не могут являться предметом науки (science)» [Wilson 1911]. Они мыслили в русле не сциентизма, но строгого эмпиризма, исторического реализма и социального эволюционизма, которые пришли в политическую науку через Ранке и Дарвина [Ross 1991, p. 266–282].

Ярче всего социальный эволюционизм проявился у Лоуренса Лоуэлла. В своей президентской речи «Физиология политики» он проводит параллели между социальными науками и разделами биологии. Политическая наука соответствует морфологии (историческое изучение органов власти, государств и институтов) и физиологии (изучение того, как политика работает в действительности). Он призывает к «физиологии политики», т. е. к изучению правительства в настоящем. Лоуэлл отмечает невозможность эксперимента в политической науке. Ключевым способом поиска и сбора фактов для него становится наблюдение [Lowell 1910].

Опыт наблюдения (курсив мой. – А. К.) может быть приобретен не только в государственных органах. Многое можно узнать из непредвзятого наблюдения за клубами, ассоциациями, организациями и институтами любого вида, их способы работы и силы, которые их контролируют [Lowell 1910].

Лоуэлл предлагает проект индуктивной политической науки, сопровождаемую методиками наблюдения за реальной политической жизнью. Тем не менее он не порывает с господствующим среди политических ученых несциентским взглядом на науку. Лоуэлл не отказывается от того, что «конечной целью политической науки является

мораль, которая заключается в улучшении управления среди людей» [Lowell 1910].

В вопросе морального долга политической науки второе поколение наследует своим учителям. Вудро Вильсон, Альберт Шоу, Фрэнк Гуднау говорят о том, что необходимо встать на помощь политике. Политическая наука должна быть ответственна за «преобладание научного духа среди граждан», так как это должно являться «первостепенной заботой демократического государства» [Shaw 1907].

Политические ученые считали, что они обязаны участвовать в политическом процессе и помогать политикам в качестве экспертов. Вудро Вильсон намечает соотношение политического ученого и политика:

Существует искусство управления государством с помощью мысли и существует искусство управления с помощью действия. Тот, кто изучает политическую науку, должен обеспечивать первое искусство, благодаря своему хранилищу истин, обнаруженного путем терпеливого исследования, беспристрастного изложения, смелого анализа и честного заключения. Он должен связать в сеть все свои факты и должен взглянуть на них по отдельности, и должен взглянуть на них целиком. И только таким образом он сможет обогатить мышление и прояснить взор государственного мужа действия, у которого нет времени на терпеливое исследование, который должен обрести факты до того момента, как примет их в законе и политике [Wilson 1911].

Политические ученые действительно стремились к преобразованию управления. Однако их притязание на экспертизу не всегда находило поддержку в реальности. Сфера социального реформирования принадлежала социологам, сфера экономического – экономистам, политическим ученым же оставалась сфера административного реформирования, однако к ним не прислушивались, не видя в них авторитета [Ross 1991, p. 282–288]. Лоуэлл в своем обращении призывает к обретению атрибутов научности, так как «политические ученые не являются лидерами общественного мнения, коими они должны быть; в том числе из-за того, что они имеют репутацию теоретиков» [Lowell 1910].

Политические ученые второго поколения стремились поставить дисциплину на «объективные основы» и получить дисциплинарно-интеллектуальную автономию. Определение предмета дисциплины – Государства – позволяет прочертить линии между историей, экономикой, правом и политической наукой. Теперь эти дисциплины дают политической науке факты о государстве и обо всем том, что находится в ведении государства. Однако сам исторический метод не ставился под вопрос, для второго поколения был более важен пред-

мет исследования. Смена акцентов с тевтонизма на исторический реализм способствовала росту авторитета «факта» и «беспристрастного суждения» среди политических ученых. Тем не менее политическая наука оставалась наукой морального долга, цель которой – забота о сохранении демократии. Повышение авторитета политической науки в глазах политиков и общества было одной из основных интенций для внедрения новых стандартов «научности». Идеал второго поколения предполагал, что политическая наука должна служить на благо демократического государства, заниматься воспитанием научного духа среди граждан. Однако для того, чтобы это осуществить, политическим ученым было необходимо разойтись с политикой и открыть «возможность беспристрастной аналитики».

Литература

- Adcock 2014 – *Adcock R.* Liberalism and the Emergence of American Political Science: A Transatlantic Tale. Oxford and New York: Oxford University Press, 2014.
- Blatt 2018 – *Blatt J.* Race and the Making of American Political Science. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018.
- Bryce 1909 – *Bryce J.* The Relations of Political Science to History and to Practice: Presidential Address, Fifth Annual Meeting of the American Political Science Association // *The American Political Science Review.* 1909. Vol. 3. № 1. P. 1–19.
- Farr 2003 – *Farr J.* Political Science // *The Cambridge History of Science* / Ed. by T. Porter and D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 306–328.
- Ford 1905 – *Ford H.* The Scope of Political Science // *Proceedings of the American Political Science Association.* 1905. Vol. 2. P. 198–206.
- Goodnow 1904 – *Goodnow F.* The Work of The American Political Science Association // *Proceedings of the American Political Science Association.* 1904. Vol. 1. P. 35–46.
- Gunnell 2006 – *Gunnell J.* The Founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory, and Politics // *The American Political Science Review.* 2006. Vol. 100. № 4. P. 479–486.
- Lowell 1910 – *Lowell L.* The Physiology of Politics: Presidential Address, Sixth Annual Meeting of the American Political Science Association // *The American Political Science Review.* 1910. Vol. 4. № 1. P. 1–15.
- Ricci 1993 – *Ricci D.* Contradictions of a Political Discipline // *Discipline and History: Political Science in the United States* / Ed. by J. Farr and R. Seidelmann. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. P. 165–178.
- Ross 1991 – *Ross D.* The Origins of American Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Ross 1993 – *Ross D.* The Development of the Social Sciences // *Discipline and History: Political Science in the United States* / Ed. by J. Farr and R. Seidelmann. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. P. 81–106.

- Shaw 1907 – *Shaw A.* Presidential Address: Third Annual Meeting of the American Political Science Association // *The American Political Science Review*. 1907. Vol. 1. № 2. P. 177–86.
- Wilson 1911 – *Wilson W.* The Law and the Facts: Presidential Address, Seventh Annual Meeting of the American Political Science Association // *The American Political Science Review*. 1911. Vol. 5. № 1. P. 1–11.
- Zemliakova 2022 – *Zemliakova T.* The birth of a discipline from the spirit of reform: political science as instituted in the american research university (1858–1903): PhD theses. Department of History and Civilization. Florence: European University Institute, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://hdl.handle.net/1814/74529> (дата обращения 14.09.2022).

Политическое в культуре

УДК 747.012

ББК 85.127

С.В. Буслаева

Проблема «искусства в производстве» в интеллектуальном творчестве Б.И. Арватова

В первой половине 1920-х гг. в агитационно-массовом искусстве Советского Союза сформировалась идеология, направленная на воспитание нового социалистического человека, призванного служить механизации и индустриализации. Идеологом и теоретиком производственного искусства в 1920-е гг. выступил советский искусствовед и литературный критик Б.И. Арватов. Новое направление в культуре и воспитании художника-инженера ставило вопросы, посвященные широкому кругу проблем: взаимодополнения производства и искусства, внедрения искусства в производство, технической революции, образования художников-производственников, проблема прочности теории «производственничества» и т. д. Теоретики производственного искусства стремились охарактеризовать как особенности нового художественного направления и главные задачи, так и необходимые этапы его развития. Автор приходит к выводу, что, несмотря на многофакторность теории «производственничества», оно сформировалось как отдельное направление в советской культуре, декларирующее свои принципы, не зависящие от попыток внедрения в ее внутренний мир теоретических концепций.

Ключевые слова: производственное искусство, «производственничество», Б.И. Арватов, советская культура, агитационно-массовое искусство

Концепция производственного искусства зародилась в первой половине 1920-х гг., когда идея «о производстве вещей» воспринималась творческой интеллигенцией как одно из направлений наиболее совершенного преобразования средств «жизнестроения» в элемент будущей повседневности. Советские искусствоведы и теоретики производственного искусства видели истинное предназначение искусства в стремлении к объединению искусств с бытовой жизнью путем вве-

© Буслаева С.В., 2023

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная биография в исследованиях молодых историков» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

дения в нее утилитарных вещей повседневности. Для решения поставленной задачи представители творческой среды нашли наиболее действенный способ – воспитать художников-инженеров и соединить искусство с промышленностью.

В начале 1920-х гг. в среде творческой интеллигенции закрепились идея о том, что в художественной культуре понятие «труд» должно вытеснить понятие «красота» [Мазаев 1975, с. 206]. Произведения искусства, в первую очередь станковой живописи, оказались абсолютно непригодными и несовместимыми с культурной политикой советского государства. Любое изделие, относящееся к изобразительному искусству, должно было соответствовать новым канонам: быть утилитарным, социально полезным и пригодным для быта. Это означало, что искусство должно быть равным не ремеслу, а новому типу массового производства, где художники осваивали не только мастерство кистей, красок и бумаги, но инженерные и промышленные знания.

Многие идеологи производственного искусства тем не менее видели проблему в сокращении дистанции между искусством и промышленностью, в том числе и в социальном аспекте. Перед теоретиками «производственничества» так или иначе возникал вопрос о том, как наиболее быстро и действенно сформировать у пролетариата новый взгляд на современную культурную политику, какой образ революционного класса в условиях строящегося социализма необходим и какую культуру он сможет произвести в будущем [Новоженова 2014, с. 126].

У истоков теоретического осмысления «производственничества» стоял Борис Игнатьевич Арватов (1896–1940) – советский искусствовед и литературовед, член Пролеткульта, а также один из основателей художественной организации «Левый фронт искусств» (ЛЕФ). Из-под пера Арватова вышло немало специальных работ, посвященных проблемам современной литературы, театра и кино, а также изобразительного искусства. На протяжении второго десятилетия XX в. было опубликовано несколько его основополагающих трудов, среди которых особое место для развития идеи «производственничества» занимают «Искусство и классы» 1923 г., «Искусство и производство» 1926 г., «Об агит и прозискусстве» 1930 г.

Арватову удалось разработать свой уникальный подход к осмыслению и преодолению разрыва между искусством и промышленным производством. Он писал: «Основная задача пролетариата как класса коллективистического, заключается в том, чтобы искусство стало творчеством вне жизни существующих форм (станковая живопись, камерная музыка), а форм самой жизни»¹.

¹ Арватов Б.И. Искусство и классы. М.; Пг., 1923. С. 44.

Попытка осмысления возникновения производственного искусства и его связь с ремесленным делом была предпринята Арватовым в 1923 г. в работе «Искусство и классы». Проникновение промышленной отрасли в искусство произошло еще в эпоху позднего Средневековья. По мнению Арватова, именно в тот период деятельность художника была сопоставима с трудами ученых, либо производителями материальных благ, что объяснялось индивидуальным характером труда. Особенно важным элементом такой системы является то, что художники могли проникнуть в сферу абсолютно чуждой им специальности или производства. Если в цеховой организации ремесла художники были частью коллективного труда, то с развитием капиталистических отношений деятели искусства были обречены на индивидуализм и замкнутость, обрамление себя и своего творчества «в рамки», неясного и непригодного для общественных нужд мастерства². Характеризуя положение ремесленников, Арватов отмечал:

Положение существенно изменилось с ходом экономического развития. Я уже говорил раньше, что под влиянием торгового капитала и его эксплуатирующих тенденций по отношению к цехам, художники должны были перейти к выделке предметов роскоши³.

Исходя из идеологии «производственничества» Арватова, проблема нового направления в художественном ремесле заключалась в отсутствии ясно обозначенного ориентира. Несмотря на то что Арватов полагался на цеховую модель организации ремесла, он считал, что объединение художников по такому пути уже устаревший подход, не соответствующий новой индустриально-промышленной жизни. Модель ремесленной организации, кроме того, противоречила концепции «художник-инженер», которую предлагал Арватов. Он видел будущее художников в промышленном производстве – их задачей должны были стать не только освоение технических специальностей, но и труд на промышленных предприятиях.

Желание художников изобретать не соответствующие потребностям общества вещи встречало критику, характерную не только для Б.И. Арватова. Например, его современник – Н.М. Тарабукин, историк и теоретик искусства, в своем очерке «От мольберта к машине» 1923 г. полагал, что производственное искусство «...способно преобразить быт, ибо оно преобразует труд, эту основу жизни, делая его искусным, творческим, радостным. Искусство будущего – не гурманство, а сам преобразенный труд»⁴.

² Там же. С. 4–5.

³ Там же. С. 9.

⁴ *Тарабукин Н.* От мольберта к машине. М., 1923. С. 23.

Пролетарское искусство стремилось отказаться от дореволюционных канонов, ориентируясь на цеховую структуру ремесла. Социалистическая реальность диктовала художнику новые условия адаптации искусства. Массовое производство создало разрыв между художником и ремеслом. Чтобы его преодолеть, представителям искусства было необходимо не противопоставлять себя машинной технике. Если в эпоху мануфактурного производства ремесленный труд апеллировал к художественному производству, то в социалистическом строе искусство должно быть основано на инженерии и применении машин.

В 1926 г. в свет вышла работа «Искусство и производство», в которой Б.И. Арватов снова предпринял попытку разрешить проблему места изобразительного искусства в социалистическом мире. Основным отличием нового пролетарского искусства от устаревшего буржуазного являлось то, что последнее было основано на индивидуализме и «предназначалось для созерцания»⁵.

Радикальные взгляды Арватова, уходящие корнями в марксистскую теорию, отражены в его концепции: искусство и производство не могут сосуществовать ни как два полярных направления, ни как взаимодополняющие друг друга. Новая социально-культурная политика направлена на проникновение искусства напрямую в производство. Буржуазное искусство носило бессознательный характер, в отличие от пролетарского. Целью последнего было как отображать или восполнять социальную среду, так и представлять перед массовым зрителем «как агитационное, пропагандистское искусство»⁶. В этой связи интересна характеристика художников-пропагандистов, которую предложил автор теории.

Арватов нарисовал образ художника-производственника как инженера-конструктора:

...в этом единственном случае искусство следует рука об руку с техникой и наукой, выступив в качестве равноправного, организаторски могучего и прогрессивного строителя общества...⁷

Он полагал, что именно фигура художника-конструктора должна стать ведущей в объединении искусства и культуры пролетариата.

Развитие производственного искусства, по мнению Арватова, содержало в себе идею о том, что само движение «производственничество» неразрывно связано с тремя результатами революционных процессов⁸. Во-первых, это техническая революция, которая создала

⁵ Арватов Б.И. Искусство и производство. М., 1926. С. 127.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же. С. 87.

основу для расхождения форм материального быта. Во-вторых, художественная революция, способствовавшая зарождению конструктивизма и отхода от классического изображения. В-третьих, заключительный революционный этап связан с социальной средой. Социальная революция поставила новые проблемы перед обществом, заключающиеся в коллективно-трудовой деятельности, в дальнейшем преобразованной в индустриальную практику⁹.

В «Искусстве и производстве», в отличие от его предшествующей книги, он обнаружил важную тенденцию движения «производственничества» совместно с революционными процессами, описание которых способствует историческому соединению искусства и производства. В ходе теоретического «соединения» двух составляющих Арватов выделил четыре проблемных блока, которые являются основой пролетарской художественной культуры¹⁰.

Во-первых – *художественная техника* (курсив мой. – С. Б.), в связи с которой он предложил новому пролетарскому искусству отказать от «трех фетишизмов»: уничтожение эстетических приемов, эстетических материалов и эстетических орудий¹¹. Исследователь полагал, что своего рода отречение от элементов предшествующего буржуазного искусства поможет художникам овладеть новыми инженерно-техническими навыками для будущей пролетарской культуры.

Во-вторых – *сотрудничество в искусстве* (курсив мой. – С. Б.), объясняя которое Арватов начинал с критики марксистской идеологии. Для Арватова, как это было описано ранее, важнейшей задачей является теоретическое преодоление разрыва между творчеством и производственной деятельностью. Обращаясь к марксизму, мыслитель утверждал, что в идеологии присутствует и продолжает главенствовать «принципиальное разграничение “труда” и “творчества”»¹². В противовес марксистской концепции Арватов предложил сформировать такую структуру организации художественного труда, в которой искусство будет выступать главным элементом «жизнестроения». Задача художников в такой конструкции заключалась в том, чтобы стать универсальным работником, сотрудничая с инженерами, конструкторами, учеными, отвечая потребностям общества¹³. Несмотря на прочность теоретической модели Арватова, в реализации она оказалась утопична.

В-третьих – *идеология художников* (курсив мой. – С. Б.). Капиталистическое общество словно диктовало художнику быть замкнутым

⁹ См.: Арватов Б.И. Искусство и производство. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Там же. С. 98–99.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 104.

творцом, создавая эстетические, но несовместимые с социально-технологическими законами ремесла вещи, которые являлись для Арватова главенствующим аспектом. Так, например, он критиковал методику изучения различных направлений классического искусства. Он утверждал, что художественные учебные заведения ошибочно готовят будущих специалистов.

Рассматривая направления подготовки в классическом искусстве, Арватов определил, что будущие специалисты

...перспективу рассматривают не с точки зрения аналитической и начертательной геометрии, т. е. элементарно-научно, а с точки зрения зрительного восприятия...¹⁴

Это лишь один из немногих примеров методики преподавания, подвергшийся критике. Далее, как писал Арватов, школы живописи должны были прибегнуть к учебникам по физике, а не эстетике; в музыкальных воспитательных учреждениях обучающимся необходимо изучать не только то, как играть на инструментах, но и как их изобретать. Для реализации воспитания такого специалиста необходимо

...превратить эти учебные заведения в художественные политехникумы, которых искусство изучалось бы научными методами, лаборатории которых были бы построены на основе общей технологии материалов, а методы работы подчинены были бы технологическим требованиям современности¹⁵.

Заключительный проблемный блок посвящен проблеме *искусства и быта* (курсив мой. – С. Б.). Арватов подошел традиционно к освещению данной проблемы, сравнивая быт в буржуазном и социалистическом обществе. Описывая буржуазный быт, он наделил его бессознательными, хаотичными и стихийными свойствами, обозначив технический прогресс – как основной двигатель¹⁶. Невзирая на признание Арватовым существования прогресса в буржуазном обществе, он критиковал быт, который обладал индивидуализированной и шаблонной формой, в отличие от быта рабочего класса. Определяя место последнего, теоретик писал:

Пролетарский быт, тесно связанный с эволюцией производства, по своим тенденциям текуч; его установка не на традицию, а на максимальную приспособленность... Строить быт – это значит равноправно участвовать в общественном производстве...¹⁷.

¹⁴ См.: Арватов Б.И. Искусство и производство... С. 107.

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 114.

¹⁷ Там же.

Таким образом, Арватов указал на основные проблемные блоки и задачи будущих художников-инженеров, художников-строителей новой пролетарской культуры и общества. Он указывал, что деятелям пролетарской культуры необходимо преодолеть не только наследие буржуазного, классического искусства, не отвечающего утилитарным целям, но и решить главную проблему социалистического производства – стереть дистанцию между производством и художественным ремеслом.

Новое искусство в производстве требовало грамотной подготовки кадров и соответствующих учебных заведений. К концу 1920-х гг. в Советском Союзе было создано немало высших учебных заведений, творческих организаций и кружков, популярность и востребованность которых возрастала. В среде художественных объединений стояла задача превратить объекты искусства в продукты с «политической заостренностью». В эти годы особенно заметно влияние государства на культуру и в идеологическом, и в материальном ключе: например, Наркомпрос и промышленники все активнее стремились укрепить бытовое искусство в качестве главенствующего [Манин 2008, с. 271].

Когда в свет вышла первая масштабная теоретическая работа Арватова, темпы экономического развития разительно отличались от 1930-х гг. Индустриализация не обошла стороной и художников производственного искусства. Так, известный советский художественный критик Я.А. Тугендхольд писал, что в 1922 г. на рабочий факультет искусств ВХУТЕМАСа было принято 350 учащихся, в 1927–1928 гг. их количество увеличилось до 610 человек, из которых 53% – рабочие, 39% – крестьянство, 7,1% – прочие¹⁸. Однако интенсивная подготовка художников – строителей нового времени, а также новая методика преподавания соответствующих дисциплин не нашли положительного отзыва Арватова.

В 1930 г. была опубликована одна из самых поздних работ Б.И. Арватова – сборник статей «Об агит и прозискусстве». В сборник вошли труды, написанные им в 1921–1927 гг., в которых Арватов продолжил размышления об искусстве в промышленности и его задачах в современности.

Посетив одну из фабрик, Арватов в споре с инженерно-административным коллективом указывал, что необходимо провести реконструкцию внутри ведущих производственных факультетов¹⁹. Он критиковал разделение между художественными и производственными направлениями, с надеждой писал, что идея производственного искусства реализуется в случае, когда она

¹⁸ Там же. С. 116–117.

¹⁹ Тугендхольд Я.А. Искусство октябрьской эпохи. Л., 1930. С. 144.

...вытеснит прикладнические и декоративно-стилизаторские представления... надо техницизировать эстетику, показать, каких равноправных инженеров могут выпускать художественные вузы...²⁰

Утопические идеи теоретиков «производственничества» не могли быть реализованы в силу нехватки как подготовленных специалистов, которые могли бы выступить в роли преподавателей и агитаторов, так и ясно разработанной методической программы внутри учебных заведений. Немаловажным стал фактор расхождения курса партии и идей теоретиков «производственничества» [Мазаев 1975, с. 202–203]. Последние выдвигали свои требования к искусству, строящиеся на культуре машин и техники. Они полагали, что в сфере быта не может быть ни искусства, ни культуры, ни эстетики, лишь путем практической работы человек способен создать новую реальность.

В трудах Б.И. Арватова, посвященных проблемам производственного искусства, исторический контекст играет важную роль. Арватов неизменно начинает рассуждения с освещения проблем производственного искусства в истории. Благодаря тому, что положению искусства в общественной жизни отводится отдельное внимание, он доказывал, что художественные практики не всегда существовали вне производства. Несмотря на то что концепция Арватова оказалась неприменимой и нереализованной, ему удалось довольно точно сформулировать ее основные задачи и положения в период кризиса становления нового социально-утилитарного искусства.

Проблема реализации идей производственного искусства, по мнению современников, заключалась в том, что многие из них не имели никакого специального художественного образования, но, несмотря на это, стремились превратить в жизнь идею о том, что художник должен быть и инженером, и конструктором в одно время. Это одна из весомых причин неуспеха воплощения в жизнь теоретических идей производственного искусства.

Б.И. Арватов был одним из первых, кто предложил комплексный теоретический план перевоспитания деятелей культуры и их сотрудничества с производством. Концепция Арватова не была реализована в соответствии с его теорией и выдвинутыми им постулатами. Между производственным искусством и технической средой не был преодолен разрыв, о котором на протяжении нескольких десятилетий писал Арватов. «Производственничество» сформировалось как отдельное направление в советской культуре, декларирующее свои принципы, не зависящие от попыток внедрения в ее внутренний мир концепций ведущих теоретиков.

²⁰ Арватов Б.И. Об агит и прозискусстве. М., 1930. С. 95–96.

Литература

- Мазаев 1975 – *Мазаев А.И.* Концепция «производственного искусства» 20-х годов: Ист.-критич. очерк. М.: Наука, 1975. 270 с.
- Манин 2008 – *Манин В.С.* Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов. СПб.: Аврора, 2008. 384 с.
- Новоженова 2014 – *Новоженова А.Л.* От социологического детерминизма к классовому идеалу. Советская социология искусства 1920-х годов // Социология власти. 2014. № 4. С. 117–136.

А.В. Волкова

Архитектура и власть: трансформация жилищной политики 1920–1930-х гг.

В рамках статьи рассматривается трансформация жилищной политики в контексте взаимодействий властного аппарата с архитектурным сообществом. Средством транслирования целей и задач гражданского строительства выступало жилищное законодательство. Также анализируется развитие форм советского жилья в 1920–1930-е гг. Биографический подход позволяет отследить восприятие и интерпретацию правительственных постановлений в творческой деятельности градостроителей.

Ключевые слова: архитектура XX в., жилищная политика, советское жилье, градостроительство, советская жилая архитектура

Революционные события 1917 г. повлекли за собой политические, социальные и культурные изменения в России, в том числе – в решении остро стоявшего перед городским населением жилищного вопроса.

В историографическом пространстве жилищная политика в период 1920–1930х гг. рассматривается как социокультурный, идеологический и экономический феномен, трансформация которого определялась сложившимися жизненными реалиями, идеологическими установками и влиянием архитектурных тенденций. Влияние политических решений на процесс развития советской архитектуры и решение жилищного вопроса исследовалось в работах В. Паперного [Паперный 1996], Х. Боденшатца и К. Поста [Боденшатц, Пост 2015], А.Н. Селивановой [Селиванова 2019]. В работах отдельных исследователей применялся социокультурный подход [Хазанова 1980; Васькин 2009; Хамитова 2013; Барышева 2015]: авторы обращались к изучению детских, городских и личных пространств жизнедеятельности «советского человека» в контексте социального конструирования. Исследование роли жилищной политики в процессах регулирования миграцион-

ных потоков характеризовалось в научных трудах С. Коткина [Коткин 2001], М.Г. Мееровича [Меерович 2014; Меерович 2004]. Также существуют узкоспециализированные исследования по гражданскому строительству исследуемого периода [Эдельман 2001; Близнакова 2001; Меерович 2017]. В целом жилищная политика 1920–1930-х гг. чаще всего освещается в историко-архитектурном ракурсе. Методы, меры и цели реализации в обеспечении населения жилым фондом рассматриваются как с социокультурных, так и с политико-идеологических позиций. Однако исследования не охватывают комплексного изучения влияния советских зодчих в проектировании гражданского градостроительства в контексте коммуникации с государственным аппаратом.

Темпы развития социальной политики в период 1920–1930-х гг., в частности вопрос жилищного строительства, определялись следующими задачами: 1) преодоление жилищного кризиса; 2) укоренение новых форм социально-общественных отношений. В зависимости от достигнутых результатов корректировалась тактика реализаций поставленных указаний в развитии жилищного строительства.

Наиболее закоренелой проблемой являлся низкий качественный и количественный уровень жилого фонда. В период 1920–1930-х гг. на властном уровне риторика цели устранения жилищного дефицита коннотационно менялась. Отсталость технико-строительной базы и большое наличие старого жилфонда становились причинами в проведении реформ жилищной политики. Было юридически зафиксировано требование о предоставлении минимальной жилой площади. Согласно резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «по жилищному строительству» повестка разрешения проблем жилищного строительства рассматривалась как совокупность мер по технизации градостроительства, урегулированию снабжения строительных материалов¹. В резолюции XV конференции ВКП(б) «О хозяйственном положении страны и задачи партии» преодоление жилищного кризиса связывалось с дальнейшим развитием промышленности². Так как задача повышения производительности промышленных предприятий отождествлялась с улучшением качества жизни населения, то обеспечение мест работы и жилья представлялось гарантом благополучной реализации социальной политики СССР.

Задача роста «жилищного капитала» также приравнивалась к увеличению обобществленных мест (школ, клубов, фабрик-кухонь,

¹ По жилищному строительству: Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 55.

² О хозяйственном положении страны и задачи партии: Резолюция XV конференции ВКП(б) 26 окт. – 3 нояб. 1926 г. // Там же. С. 70–88.

столовых). Взаимодополняемость общественных и жилых зданий, согласно правительственной установке, заключалась в повышении уровня жизни населения. Не исключалась возможность массового продвижения новой формы социально-общественных отношений³. К концу 1920-х г. меры урегулирования проблем, связанных с жилищным строительством, встраивались в общий государственный курс⁴.

Стоит отметить, что в 1920–1930-е гг. жилищный кризис интерпретировался как парадоксальное явление с сопутствующими разрушительными атрибутами. Общее планирование жилищной политики заключалось в следующем тезисе: высокий коэффициент продуктивной работы промышленных зданий способствовал улучшению качеств жилых домов, что, в свою очередь, должно было позитивно отражаться на условиях жизни советских граждан. Развитие культурно-просветительных и общественных центров также входило в общие задачи развития жилищного строительства. Однако частое упоминание формулировки «улучшения быта» не было обосновано теоретически, не имело четкого ответа на вопрос – как и каким способом должна быть реализована трансформация социально-общественных отношений.

На законодательном уровне строгой регламентации форм и методов построения советского быта не существовало. Тем не менее роль женщин и детей была определена в планах конструирования «нового человека». В Постановлении XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства»⁵ указывалась потребность в раскрепощении женщин от бытовых обязанностей. В связи с этим возрастала нуждаемость в строительстве коммунальных и детских учреждений. Таким образом, советское руководство, подчеркивая бытовую значимость общественных мест, пыталось устранить «квартирную замкнутость» людей.

Однако результаты социального проектирования не имели «материального оплота» в типовом жилищном строительстве. Согласно программе рабочего жилищного строительства на 1925 год⁶, «ввиду краткости периода и сравнительно небольшого опыта, практики, еще не установилось твердо рекомендуемых типов рабочих жилищ». Кроме того, в стенограмме заседания Политбюро в выступлениях М.И. Калинина,

³ О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства: Постановление XV съезда ВКП(б) 2–19 дек. 1927 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 274–293.

⁴ О жилищной политике: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 4 янв. 1928 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 1992–2021. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.11.2022).

⁵ О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства: Постановление XV съезда ВКП(б) 2–19 дек. 1927 г.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Ед. хр. 11. Л. 46.

М.П. Томского отмечались вариативные предложения о типах домов. М.П. Томский предлагал внедрить в городах дешевые казармы с самостоятельными небольшими комнатами⁷. В то время как М.И. Калинин выдвигал альтернативный вариант с массивными домами, где должны были проектироваться маленькие квартиры⁸. Отсутствие четких представлений о практическом воплощении новых форм быта побудило власть обратиться к специалистам-архитекторам. Методологическое обоснование и практическая реализация советских догм становились главными предметами творческих изысканий градостроителей.

В публичном пространстве проблема жилищного кризиса оживленно обсуждалась советскими зодчими. На страницах специализированных журналов публиковались статьи, в которых освещались подходы к преодолению дефицита жилищного фонда. Подчеркивалось, что даже минимальная жилищная норма в 8 кв. м оставалась недостижимой мечтой для большей части советского населения⁹. Кроме архитектурно-строительных задач, проекты освещали и вопросы теоретизации системы социально-общественных отношений. Теоретическим базисом конструирования нового жилищного «организма» в проектировании стала деконструкция семьи, имплицитно освобождала женщин от тягот домашних обязанностей¹⁰, задачи развития трудовых и коллективных качеств у детей¹¹, а также приоритет общественного пространства перед личным¹².

В первой половине 1930-х гг. вопрос жилищного кризиса и строительства ставился в другом ракурсе. Если в предшествующий период (1920–1930-е гг.) проблема колоссальной нехватки жилищного фонда, отсутствие утвержденных типов жилых ячеек являлись доминирующими в плане развития социальной политики, то в первой половине 1930-х гг. ставилась цель отбора и утверждения предложений о новых формах быта. Термин «жилищный кризис» реже использовался в описании жилищного строительства. В то же время и не констатировалась окончательная ликвидация «квартирной нужды». Согласно резолюции Пленума «О московском городском хозяйстве и о развитии город-

⁷ Стенограмма заседания Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «Итоги и план рабочего и жилищного строительства». 31 мая 1926 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. 2011–2023. URL: <https://istmat.org/node/60026?usclid=1ffdcaabdp17068152> (дата обращения 30.12.2022).

⁸ Там же.

⁹ Вегман Г. Рабочее жилище для малосемейных // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 132; Жилищное строительство и СА // Там же. 1926. № 5–6. С. 111.

¹⁰ Кузьмин В. О рабочем жилищном строительстве // Там же. 1928. № 3. С. 83.

¹¹ Барц М. Зеленый город // Там же. 1930. № 1–2. С. 34.

¹² Сабсович Л. О проектировании жилых комбинатов // Там же. № 3. С. 12.

ского хозяйства СССР», первая пятилетка, обозначавшаяся периодом восстановительным, заканчивалась. Начинаясь реконструктивный период, в котором основные темпы развития городских условий, в частности жилищных, встраивались в общую тенденцию индустриализации¹³. Нарастание темпов жилищного строительства связывалось с растущей потребностью социально-культурного обслуживания и увеличением численности населения, а не с «жилищным дефицитом»¹⁴. В резолюции XVII съезда ВКП(б) «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937) предписывалось принять меры по улучшению благоустройства городов с целью конструировать дома с соответствующими удобствами»¹⁵. Доклады о ситуации отступившего кризиса в гражданском строительстве подкреплялись требованием строгого соблюдения типов и стандартов, которые увязывались с утверждением приемлемой формы быта.

Экспериментальный период обобществления жилищных условий, заключающийся в конструировании и идеализации типов «домов-коммун», принудительно завершался. В Постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»¹⁶ указывалось, что необходимо помочь тем, кто направляют все свои силы на перестройку быта, но одновременно с этим отмечалось, что полуфантастические, утопические идеи, присущие некоторым архитекторам, необходимо пресекать, как финансово неосуществимые. Также отказ от утопических идеалов был озвучен в решении Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР»¹⁷. Реакция архитектурного сообщества, последовавшая после выхода постановлений, нашла отражение в периодической печати.

Стоит отметить, что популярность идеи обобществленных домов не была массовой. «Дома переходного типа», предложенные такими советскими зодчими, как В. Жейц¹⁸, И.Н. Соболев¹⁹, М.Я. Гинзбург и

¹³ О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция пленума ЦК ВКП(б) 11–15 июня 1931 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 314.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Ед. хр. 13. Л. 90.

¹⁵ О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937): Резолюция XVII съезда ВКП(б) 26 янв. – 10 фев. 1934 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1984. С. 118.

¹⁶ О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП(б). 16 мая 1930 г. // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 3.

¹⁷ О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция пленума ЦК ВКП(б) 11–15 июня 1931 г. С. 326.

¹⁸ Жейц В. Жилищное строительство Моссовета в 1927 году // Строительство Москвы. 1927. № 3. С. 3.

¹⁹ Соболев И.Н. Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 142–143.

И. Милинис²⁰, конкурировали с «домами-коммунами». Разоблачающие постановления о нерентабельности домов-коммун способствовали продвижению строительства «домов переходного типа». Теперь необходимость искоренения традиционной семьи сменилась отрицанием тотального уничтожения семьи как института²¹.

Опыт прошедшего десятилетия в жилищном строительстве кристаллизовался в постановлении Президиума московского городского исполнительного комитета и московского совета Р.К. и К.Д. «О типе жилого дома». Впервые появляются строгие требования количественных показателей (метраж квартир) и планировки жилого дома²². Последующие директивы от СНК Союза ССР «Об улучшении жилищного строительства»²³, от СНК СССР, ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы»²⁴ определили нормы и типы жилых ячеек. Дома проектировались с учетом сложившихся реалий городского хозяйства.

В то же время создание директивных документов (докладная записка «О плане основных мероприятий по стандартному жилищному строительству союзной промышленности на 1932 г.»²⁵; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по осуществлению стандартного жилищного строительства союзной промышленности ВСНХ в 1932 г.»²⁶) свидетельствовали о стимуляции внедрения стандартизации в гражданском градостроительстве со стороны советской власти. Основным лейтмотив проблемы стандарта и типа заключался в переходе на ускоренные темпы строительства.

Принятие Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы» открывало новый этап развития жилищного строительства. «Эфемерные» идеи коммунального быта сменились обобщенным лозунгом «заботы о человеке». Благополучие социально-бытовых и культурных условий населения становилось главной

²⁰ Гинзбург М.Я. Дом сотрудников Наркомфина в Москве // Там же. 1929. № 5. С. 158–164.

²¹ Милютин Н. Жилищно-бытовое строительство СССР // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 2; Мостаков А. Московское жилищное строительство // Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 26.

²² О типе жилого дома: Постановление президиума московского городского исполнительного комитета и московского совета Р.К. и К.Д. 14 июля 1932 г. // Там же. 1932. № 8–9.

²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Ед. хр. 13. Л. 173.

²⁴ О генеральном плане реконструкции города Москвы: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. М., 2011–2023. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4052.htm?ysclid=lf147zhod338266248 (дата обращения 09.03.2023).

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Ед. хр. 26. Л. 59.

²⁶ Там же. Л. 67.

целью в гражданском строительстве. Декларативная приверженность данной установке была выражена в письме от группы архитекторов: «для нас, советских архитекторов, эта речь звучит как призыв к тому, чтобы всю архитектуру пропитать заботой о человеке, о радости, удобстве и красоте в повседневном быту... именно к этому должны быть направлены усилия»²⁷. Одновременно с переосмыслением прежних принципов, курс на стандартное и нормированное жилище пролонгировался в новой тенденции – «скоростное строительство».

Обращение к методам «скоростного строительства» рассматривалось в контексте государственной неудовлетворенности выполнения пятилетних планов жилищного строительства. Тем не менее, советское правительство, определив форму и норму жилья, ставило следующую задачу – применить теоретические и практические знания для реализации темпового хода градостроительства. В свою очередь, данная установка соответствовала общей тенденции «перевыполнения плановых показателей».

В стенограмме по вопросам строительства на 1935 г. определялась «формула» предстоящего развития: «лучше, быстрее и качественнее»²⁸. В данную комбинацию закладывался базисный фундамент «стахановского движения». Участник совещания Е.А. Левинсон отмечал, что: «вопрос о возглавлении стахановского движения есть основной для решения тех задач, которые перед нами стоят... мы видели у себя на совещании строителей-стахановцев, то, что я услышал от стахановцев на совещании в ЦК, это такое, что никому не снилось по источникам экономии, культурного, сознательного отношения к работе»²⁹. Предложенный рычаг производительной силы законодательно закреплялся в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства». Отмечалась важность привлечения стахановцев-строителей как основа удешевления и минимизации времени на строительных площадках³⁰. Кроме того, в декрете СНК Союзе ССР «о типовых проектах жилищного строительства»³¹ фиксировалась необходимость применения типовых секций в жилых домах.

²⁷ Товарищу Сталину // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 1.

²⁸ Доклад и выступления о мерах по выполнению правительственного постановления в отношении удешевления строительства на 1936 г. 14 дек. 1935 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. М., 2011–2023. URL: <https://istmat.org/node/33269?ysclid=ldu1rkajhx453430521> (дата обращения 30.12.2022).

²⁹ Там же.

³⁰ Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 11 фев. 1936 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1984. С. 330.

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Ед. хр. 14. Л. 162.

Термин «скоростное или же массовое строительство», появившийся неоднократно в период 1935–1940-х гг., включал в себя следующую дефиницию: совокупность механизированных, строительных материалов с использованием нормированных стандартов³². Приоритетность использования методов скоростного строительства прослеживалась в периодической печати («Строительство Москвы», «Архитектура СССР»). Публиковались показательные статьи об успешной реализации скоростного метода на строительных площадках. Также обсуждение «скоростного метода» строительства входило в рамки научно-практических дискуссий. В ходе заседания VI Пленума правления Союза Советских Архитекторов (ССА) СССР А.Г. Мордвинов отмечал, что «в своей практической работе, проводя в жизнь скоростной метод, покажут, что советский архитектор является не только проектировщиком, но и зодчим, хорошо знающим производство на стройке»³³. Таким образом, советские зодчие, определив задачи проектирования, фокусировались на воплощении государственных установок, с помощью которых реализовывались творческие идеи. Квинтэссенция науки и искусства стала являться идейным источником жилищного проектирования.

Таким образом, в период 1920–1930-х гг. трансформация приоритетов в жилищной политике детерминировалась наличием полученных результатов в теоретико-практическом базисе. Новые градостроительные задачи продуцировались от полученного градостроительного опыта. Период с 1925 по 1930 г. являлся теоретическим, где формулировались основные положения нового быта. С 1930 по 1935 г. рассматривается как период «закостенелости». Законодательное клише определяло оптимальное архитектурное решение в жилищном проектировании, отвечающее требованиям заказчика и удовлетворяющее запросы населения. Однако 1935 г. не завершает процесс творческих дискуссий, а открывает новый виток в развитии архитектурной жизни. Формулирование типов и стандартов в «скоростном строительстве» в жилищном проектировании становилось проблемой, требующей лабораторного изучения и практической реализации.

³² Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942): Резолюция XVIII съезда ВКП(б) 11 фев. 1938 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1984. С. 75.

³³ Мордвинов А.Г. Опыт скоростного строительства // Скоростное строительство. М., 1940. С. 14.

Литература

- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Личное пространство в повседневной жизни СССР: 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 200–211.
- Близнакова 2001 – *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 гг. // Жилище в России: Век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 53–84.
- Боденшатц, Пост 2015 – *Боденшатц Х., Пост К.* Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР. СПб.: SCIO Media, 2015. 416 с.
- Васькин 2009 – *Васькин А.А.* Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. М.: Спутник+, 2009. 229 с.
- Коткин 2001 – *Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: Век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 103–114.
- Меерович 2017 – *Меерович М.Г.* Градостроительная политика СССР: 1917–1929: От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.
- Меерович 2017 – *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 227 с.
- Меерович 2004 – *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: Жилищная политика в СССР: 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. 272 с.
- Паперный 1996 – *Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 320 с.
- Селиванова 2019 – *Селиванова А.Н.* Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМАрт, 2019. 320 с.
- Хазанова 1980 – *Хазанова В.* Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 351 с.
- Хамитова 2013 – *Хамитова Ж.А.* Советская журнальная периодика 1930-х гг. как источник по истории формирования детского пространства социалистического города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.
- Эдельман 2001 – *Эдельман Р.* Каждый имеет право на жилище: Организация жилого пространства в русском крестьянском доме: 1880–1930 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 7–15.

К.С. Шевякова

Культурные аспекты советской дипломатии в Венесуэле (на материалах миссии Ф.А. Требина, 1946–1952 гг.)

Статья посвящена культурным аспектам советско-венесуэльской дипломатии на рубеже 1940–1950-х гг. На основе широкого комплекса делопроизводственных документов, деловой и частной переписки, материалов периодики, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации, в статье раскрываются подробности деятельности советской дипломатической миссии во главе с Фомой Андреевичем Требиным (1946–1952 гг.). Важной частью работы дипломатического корпуса являлась популяризация советской идеологии, культуры и научных достижений, в частности курирование деятельности Венесуэло-Советского института культурных отношений и его филиалов. Также дипломатам необходимо было взаимодействовать с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) и Советским информационным бюро (СИБ). Несмотря на значительные успехи, дипломатический корпус испытывал трудности в ходе своей деятельности и впоследствии был вынужден полностью завершить работу. Советско-венесуэльские отношения были прерваны в 1952 г. и возобновились вновь только в 1970 г.

Ключевые слова: советско-венесуэльские отношения, Венесуэло-Советский институт культурных отношений, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Советское информационное бюро, Требин

В период Второй мировой войны и сразу по ее завершении СССР установил (или возобновил) дипломатические отношения с тринадцатью латиноамериканскими странами, среди которых была и Венесуэла. 13 марта 1945 г. правительство Венесуэлы опубликовало коммюнике, в котором говорилось о том, что страны достигли соглашения об установлении дипломатических и консульских отношений¹. Именно к началу 1945 г. сложилась необходимая для этого обстановка, в частности возросла роль СССР и влияние коммунистической идеологии на

международной арене, что привело к легализации прокоммунистического движения в стране. Важными были и ожидания экономического характера со стороны обеих стран.

Установление дипломатических и консульских отношений поставило на повестку дня вопрос о взаимобмене посольствами. На должность Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Венесуэле назначили инженера-нефтяника Фому Андреевича Требина (1904–1971). С венесуэльской стороны послом был выбран Хосе Рафаэль Покатерра (1889–1955), писатель, журналист и политический деятель. Венесуэльского посла сопровождали советник Хосе Антонио Мартурет и секретарь Роберто Габальдон (с 1946 г. – Рафаэль Эрнест Лопес, с 1949 г. – Алехандро Гарсия Мальдонадо)². До приезда Ф.А. Требина в Каракас туда направились первые секретари Геннадий Фомин и Леонид Дятко, второй секретарь Евгений Федин, атташе Лев Крылов и Борис Макашев [Никадров 2005, с. 32–53]. Также известно об еще одном члене дипломатического корпуса – Михаиле Алябьеве, который по документам 1952 г. числился как атташе Посольства³.

В 1946 г. дипломатическая миссия во главе с Фомой Андреевичем Требиным приступила к выполнению поставленных задач, в их числе была популяризация советской идеологии, культуры и научных достижений. Если следовать классификации Джозефа Ная, который впервые ввел в научный дискурс понятие «мягкой силы», то можно предположить, что советское правительство в отношении Венесуэлы использовало стратегию третьего типа силы – силу культурного влияния [Най 2014]. Однако, наряду с языком и культурными традициями, в качестве одного из проявлений культуры как феномена социально-экономического развития общества и государства инструментом «мягкой силой» выступала советская идеология. Уже в ноябре 1946 г. в советском посольстве прошел торжественный прием в честь 29-й годовщины Октябрьской революции, на котором присутствовал полный состав венесуэльского правительства во главе с президентом Ромуло Бетанкурром, а в сентябре 1947 г. официальное венесуэльское представительство было приглашено на празднование 800-летия основания Москвы в посольстве СССР [Cardozo Uzcátegui 2014, с. 35].

Ведущую роль в установлении и налаживании культурных связей с Венесуэлой играли Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (далее ВОКС) и Советское информационное бюро (далее СИБ). Большое значение в эти годы имела деятельность учрежденного Венесуэло-Советского института культурных отношений и трех его

² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 4024. Л. 16.

³ Венесуэла, 1856–1996: Документы и материалы / М-во иностр. дел Рос. Федерации, М-во иностр. дел Респ. Венесуэла. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 50.

филиалов. Институт имел и собственный журнал, где публиковались присланные СИБ материалы. На короткий период институт стал центром притяжения венесуэльской интеллектуальной элиты [Демушкина 1969, с. 63]. Усилиями Института был организован курс лекций «Русская и советская литература», проведены фотовыставки «Ленин», «Советская женщина» и др. Значимым событием стал показ фильма «Ленин в октябре» Михаила Ромма. Интересно, что мероприятия могли посещать только члены Института культуры и те, кто мог предъять оплаченный на месяц абонемент.

В Институте организовывались разнообразные мероприятия – порой они содержательно не совпадали с советской тематикой, но всегда были близки идеологически. Например, под эгидой Венесуэло-Советского института культурных отношений присуждалась премия Кристобала Рохаса (ежегодный салон пластических искусств). С августа по сентябрь 1948 г. состоялся цикл дебатов под названием «Реализм в искусстве». В нем приняли участие такие деятели культуры, как Мигель Арройо, Мигель Отеро Силва, Матео Манауре, Педро Леон Кастро, Луис Гевара Морено, Паскуаль Наварро Валаскес и Сезар Ренгифо⁴. Последний был известным венесуэльским художником и драматургом, представителем реалистических тенденций в венесуэльской живописи, а также одним из самых убежденных защитников постулатов марксистского политико-идеологического реализма. В ходе интенсивных дебатов он утверждал, что абстракционизм являлся декадентским течением. По случаю возникшей полемики Ренгифо опубликовал в прессе несколько статей в защиту соцреализма⁵. Интересно, что в 1949 г. в Институте была организована персональная выставка работ художника. Выставлялись и другие художники, например, Хосе Антонио Давила, дальнейшая карьера которого началась с первой индивидуальной выставки в Институте в 1951 г.

Для проведения подобных мероприятий, обеспечения бесперебойной работы дипломатической миссии и Института культуры, а также знакомства жителей СССР с далекой Венесуэлой происходил обмен материалами. В целях популяризации советской культуры из Москвы в Каракас отправлялись книги, гранки статей, катушки с кинолентами, фотоматериалы и т. д. Так, в декабре 1947 г. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей выслало на адрес Института культуры статью Дунаевой «Тридцать лет национальной политики СССР»⁶,

⁴ Venezuela en Retrospectiva. Nace César Rengifo 1915 // URL: <https://venezuelaenretrospectiva.wordpress.com/2016/05/14/nace-cesar-rengifo-1915/> (дата обращения 19.01.2023).

⁵ Ibid.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 14. Д. 507. Л. 14. Инициалы автора установить не удалось. – К. III.

литературу о Московском художественном театре и фотоподборку о новых постановках. Для филиалов института были отправлены два экземпляра фотоподборки «Государственная библиотека имени Ленина»⁷.

В свою очередь дипломатическая миссия и Венесуэло-Советский институт культурных отношений также отправляли в СССР любопытные локальные материалы. Так, в марте 1948 г. в Советский Союз были направлены два пакета отборных семян красного дерева «Каоба», которые, как писал уполномоченный ВОКС Лев Крылов, могут культивироваться в южных районах СССР⁸. Семена были переданы от имени доктора Эстебана Дальгадо, сотрудника Министерства сельского хозяйства Венесуэлы. К письму прилагалась инструкция по их культивации⁹. В этот же период «для передачи соответствующим организациям»¹⁰ были направлены 4 книги-каталога по венесуэльской флоре.

Важным вектором была издательская деятельность. На июнь 1950 г. в печати Венесуэлы было опубликовано 236 советских материалов, из которых 154 и 314 фото – в информационном бюллетене, издающемся советским посольством два раза в месяц (1 и 15 числа) тиражом 3000 экз., в коммунистической газете “*Tribuna Popular*” до ее закрытия – 36 материалов, в газете “*El Nacional*” – 22 статьи, в журнале “*Vida y cultura*” [предположительно – Шевякова К.С.; в отчете зав. отдела стран Латинской Америки С.Н. Воробьева от 31.01.1951 г. – «Жизнь и культура»] (орган Венесуэло-советского института культурной связи) – 26 статей¹¹. Советская тематика популяризировалась и в местной прессе. Так, промарксистская венесуэльская газета “*Tribuna Popular*” на основе материалов отдела составляла статьи обзорного характера о советской избирательной системе, о движении (снижении) цен в СССР, о советских литературных новинках, о «проникновении американского империализма в страны Европы и Азии, о борьбе Северо-Американских монополий за нефть, о движении сторонников мира и т. д.»¹². Переведенные на испанский язык официальные советские документы также печатались в Венесуэле, например, тексты предложений советской делегации на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, итоги выполнения государственного плана СССР и др.¹³

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 24.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 309. Л. 14.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 21а.

Однако, несмотря на все усилия со стороны Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, Советского информационного бюро и дипломатического корпуса, в конце 1940-х гг. культурная работа имела ряд недостатков.

Во-первых, нарекания вызывало качество присылаемых агитматериалов. В отчете дипломатической миссии за 1950–1951 гг. отмечалось, что многие из них были «низкокачественными»¹⁴, в силу чего просто не могли быть использованы. В отчете посольства СССР в Венесуэле за 1950 г. об использовании материалов СИБ также подчеркивалось:

...низкого качества являются фотографии, рассылаемые Совинформбюро. Они часто носят следы небрежности и поспешности. Напр[имер], на переднем плане фотографии № 33590, изображающей столовую в новом здании, бросается в глаза неаккуратно развернутый ковер, портящий весь вид и без того некачественной фотографии¹⁵.

Во-вторых, материалы к знаменательным датам присылались поздно, вследствие чего информация переставала быть актуальной для большинства читателей¹⁶. Это было связано с тем, что работа ведомства проходила в весьма сложных условиях: представителей СИБ в регионе не было, передача материалов по телеграфу была почти исключена (одна из причин – высокая стоимость такого вида связи¹⁷). Обмен почтой осуществлялся посредством воздушных и морских судов. Последнее обстоятельство влияло и на регулярность дипломатической почты: миссия присылала ежемесячные отчеты с перерывами, отправка латиноамериканской прессы также происходила с большим опозданием. В-третьих, работа миссии осложнялась финансовыми проблемами, влиявшими на возможности организации культурных мероприятий.

С 1948 г. работа миссии осложнилась в условиях изменения внешнеполитического курса Венесуэлы. СССР начал постепенно терять свое влияние в данном регионе. Причины этому обнаруживаются как в особенностях организации работы миссии, так и в изменении внешне- и внутривосточной обстановки в Венесуэле в исследуемый период. В переписке того периода Ф.А. Требин сообщал о сокращении в 1948–1949 гг. числа членов Венесуэло-Советского института культурных отношений. Венесуэльские газеты стали постепенно отказываться от публикации материалов Совинформбюро. Не получилось наладить и взаимный обмен, который был запланирован до начала работы

¹⁴ Там же. Д. 287. Л. 36.

¹⁵ Там же. Д. 309. Л. 57.

¹⁶ Там же. Д. 287. Л. 36.

¹⁷ Там же. Д. 309. Л. 10.

миссии, на переговорах А.А. Громыко и Диохенеса Эскаланте. В 1951 г. прекратил свою работу и Венесуэло-Советский институт культурных отношений.

Печальными страницами в советско-венесуэльских отношениях тех лет стали провокация – нападение на консульство (пострадал второй секретарь Л.В. Крылов) и арест с последующей высылкой из страны сотрудника советского посольства Н.П. Якушева и его жены, который произошел, несмотря на наличие у них въездных виз, выданных венесуэльским посольством в Мексике¹⁸. 13 июня 1952 г. правительством СССР была выпущена нота:

Советское Правительство отзывает Временного Поверенного в делах СССР и состав Советского Посольства в Венесуэле и прекращает отношения с Правительством Венесуэлы... заявляет о невозможности дальнейшего пребывания в Москве Посольства Венесуэлы...¹⁹

Впрочем, посол Ф.А. Требин был отозван из страны в Советский Союз еще ранее: с 1949 г. его обязанности исполнял Временный Поверенный в делах СССР Г. Хомицкий²⁰.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в короткий период своего функционирования дипломатической миссией во главе с Ф.А. Требиным была проделана значительная работа, в содержательном наполнении которой культурный вектор (просветительский и идеологический) оказался одним из самых важных. Шаткость и неустойчивость миссии в регионе диктовали особые тактики ее работы: основной акцент делался на «мягкой силе». Советские дипломаты действовали в основном через культуру и пропаганду. В числе векторов работы были организация культурно-просветительских мероприятий, обмен материалами с ВОКС и Совфинормбюро, популяризация советской идеологии, культуры и научных достижений в местных периодических изданиях. Но несмотря на значительный объем проделанной работы, тактика не оправдала ожиданий. Деятельности дипломатического корпуса в Венесуэле препятствовали многочисленные недочеты и проблемы, оказавшие необратимое влияние на результаты работы миссии. В их числе субъективные факторы – качество направленных материалов, их несвоевременная отправка и неустойчивая обратная связь, бюрократическая волокита и отсутствие представителей Совинформбюро в Латиноамериканском регионе, недостаток финансирования миссии. С другой стороны, завершение работы миссии про-

¹⁸ Венесуэла, 1856–1996... С. 50.

¹⁹ Там же. С. 51.

²⁰ Полные инициалы Временно поверенного в делах СССР установить не удалось. – К. Ш.

изошло в результате осложнения внутривластной обстановки в Венесуэле: политические перевороты, правительственная чехарда сопровождалась усилением влияния США и активной антисоветской пропагандой, проводившейся на фоне начинавшейся холодной войны. Комплекс вышеперечисленных обстоятельств привел к завершению работы миссии и приостановке в 1952 г. советско-венесуэльских отношений.

Литература

- Демушкина 1969 – Демушкина Е.В. Венесуэла после Второй мировой войны: 1945–1958. М.: Наука, 1969. 238 с.
- Никадров 2005 – Никадров Нил. Дипломаты Сталина в Каракасе // Латинская Америка. 2005. № 3. С. 32–53.
- Най 2014 – Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век: Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 444 с.
- Cardozo Uzcátegui 2014 – Cardozo Uzcátegui A. Venezuela y la Guerra Fría. Caracas: Nuevos Aires, 2014. 293 p.

Издательский портфель

УДК 81'42
ББК 81.055

Н.В. Годова

Дискурсивное слово «ну»

В статье представлена краткая теоретическая характеристика дискурсивных слов как класса единиц, являющихся частью устного дискурса. Основное внимание в работе сосредоточено на изучении языковых особенностей дискурсивного слова «ну» на уровне фонетики, семантики, синтаксиса, прагматики. В статье применена методика сбора текстовых данных, необходимых для анализа и составления целостного языкового описания исследуемого дискурсивного слова. Настоящая статья включает в себя общие сведения о типах информации, использованной при составлении лексикографических описаний, а также примеры сделанных на ее основании описаний. В результате полученных теоретико-практических данных сделаны выводы об особенностях функционирования дискурсивного слова «ну» в системе русского языка.

Ключевые слова: дискурсивное слово, коммуникация, устный дискурс, лексикографическое описание, прагматика

Вторая половина XX в. в лингвистике ознаменовалась сменой исследовательской парадигмы: произошел «коммуникативно-прагматический поворот», который сместил внимание лингвистов с анализа внутренних закономерностей развития языка на рассмотрение функционирования языка в пространстве коммуникации. В процессе изучения устного дискурса интерес исследователей вызвал многочисленный класс языковых единиц, получивших название дискурсивных слов.

В отечественной русистике сущность понятия «дискурсивное слово» сформулировали А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина в работе «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка»:

Дискурсивные слова – единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он их оценивает с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п. [Баранов 1993, с. 7].

Толкование, представленное выше, отражает сложную языковую природу рассматриваемого класса единиц. Дискурсивные слова (далее – ДС) совмещают в себе структурно-синтаксические и прагматические аспекты. Так, ДС могут выполнять синтаксическую функцию внутри предложения, выступать в виде связующих звеньев между несколькими предложениями, при этом способны выражать и интенции участников коммуникативного акта.

Объектом рассмотрения данной статьи является один из элементов этого класса – дискурсивное слово «ну». Цель работы заключается в описании просодических, семантических, синтаксических и прагматических особенностей дискурсивного слова «ну», которые помогут определить функции рассматриваемой единицы в системе современного русского языка, а также послужат материалом для составления лексикографического описания «ну».

Для того чтобы составить целостное описание «ну», необходимо учитывать вышеназванные языковые особенности дискурсивных слов. Также необходимо обратить внимание на поведение дискурсивных слов на уровне семантики. Важно отметить, что ДС не имеют денотативного значения. Это обуславливает невозможность их толкования в отрыве от контекста. Словарное описание предполагает и учет морфологических признаков, присущих ДС и описанных И.М. Кобозевой в статье «Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка» [Кобозева 2004]. Помимо названных факторов, следует показать, как ДС воздействует на коммуникативную структуру высказывания. Возможно указание паралингвистических параметров в тех случаях, когда они привносят добавочную семантику. Ко всему перечисленному следует добавить просодическую информацию о ДС, которая играет важную роль в формировании лексико-семантических вариантов ДС.

Языковой потенциал дискурсивного слова раскрывается только при условии его включения в то или иное высказывание. Коммуникативных ситуаций, в которых может использоваться дискурсивное слово «ну», большое количество. Множественность потенциальных контекстов употребления порождает вариативность смысловых оттенков ДС. По этой причине в качестве подготовительного этапа к описанию дискурсивного слова «ну» была произведена сплошная ручная выборка контекстов, в которых «ну» имеет различные значе-

ния. Основным источником текстового материала послужил НКРЯ. Также некоторые примеры были взяты из корпусов звучащей речи «Рассказы о сновидениях», «Веселые истории из жизни». Для получения просодической информации о дискурсивном слове в разных типах значений отобранные текстовые иллюстрации записывались на диктофон, затем выгружались в программу акустического анализа речи «Praat», которая протраивала интонограммы, отражавшие движение частоты основного тона дискурсивной единицы в зависимости от ее окружения.

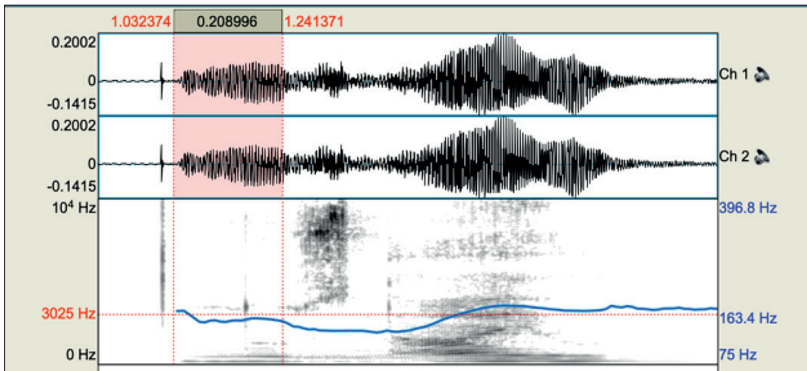
В результате анализа контекстов на материале корпусных данных было выделено 23 лексемы дискурсивного слово «ну», употребляющегося в виде самостоятельного языкового элемента, не формирующего микросинтаксических комплексов с другими незначительными словами. Каждая из 23 лексем представлена в виде словарной статьи с включением просодической, семантической, синтаксической информации, сведений о коммуникативной функции, о прагматических свойствах, о стилистике и в ряде случаев о паралингвистических аспектах. Ниже приведены некоторые примеры словарных статей.

Ну 1

Фонетическая зона

Транскрипция [ну]

Просодическая информация:

1. Тип интонационной конструкции: ИК-1.
2. Не имеет фразового акцента.

Семантическая зона

Употребляется говорящим в утвердительном высказывании в ответ на вопрос или реплику собеседника. Может вносить оттенок недовольства и <или> скрытого несогласия.

Зона иллюстраций

1. Вы знаете артиста Игоря Кио? – Ну знаю.
2. Ваш любимый цвет? – Ну синий и зеленый.
3. Хорошо бы быстрее постареть. <...> Чтобы уже больше ничего не хотелось.
– Ну согласна, – невесело усмехнулась Леля.
4. Скажешь, я твоя родственница, двоюродная сестра, ты меня нечаянно встретил.
– Ну-у, коли так, оно конечно.

Синтаксическая зона

- Занимает позицию в начале предложения.
- Не имеет синтаксической функции в предложении.
- Невозможна перестановка ДС внутри предложения.
- Может обособливаться, становясь таким образом внеструктурным компонентом, или не обособливаться.
- ДС может быть выведено из синтаксической структуры предложения. При этом предложение останется грамматичным.

Коммуникативная зона

Выступает в качестве конституирующего компонента – ремы.

Прагматическая зона

- Употребляется в контексте речевого акта сообщения.
- Употребляется в форме ответного высказывания на вопрос или реплику собеседника.
- Возможность обособления является фактором, сказывающимся на интерпретации высказывания с ДС: графическое выделение ДС привнесит в семантический пласт содержания высказывания информацию о том, что говорящий испытывает чувство недовольства, несогласия в отношении содержания высказывания собеседника.
- При выведении ДС из состава предложения сохраняется утвердительность, но утрачивается смысловой оттенок недовольства, несогласия.

Стилистическая зона

Маркирует разговорный речевой регистр.

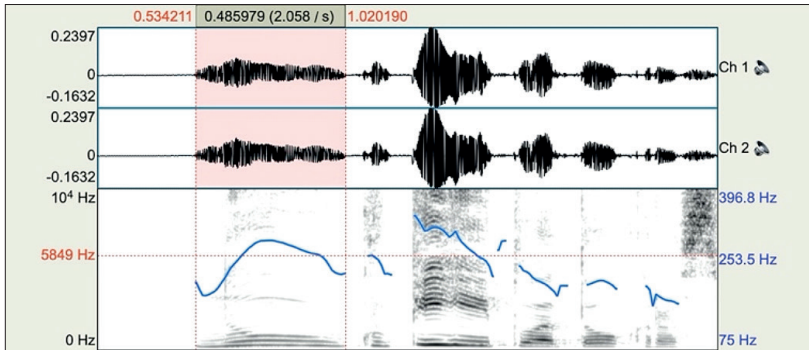
Паралингвистическая зона

- Сопроводительная мимика: поднять брови, отводить взгляд в сторону.
- Сопроводительные жесты: наклонить голову в сторону, пожимать плечами.

Ну 6**Фонетическая зона**

Транскрипция [ну]

Просодическая информация:

1. Тип интонационной конструкции: ИК-2.
2. Фразовый акцент падает <не падает> на ДС.

Семантическая зона

Употребляется в составе высказывания, в котором говорящий дает совет слушающему выполнить некоторое физическое действие.

Зона иллюстраций

1. Ну, купи ей платок, раз такое дело.
2. Ну позвони ей, если это так важно.

Синтаксическая зона

- Занимает позицию в начале предложения, перед глаголом.
- ДС может быть выведено из синтаксической структуры предложения. При этом предложение останется грамматичным.
- Невозможна перестановка внутри предложения.
- Не имеет синтаксической функции.
- Может обособливаться или не обособливаться. (Фактор обособления зависит от наличия/отсутствия фразового акцента на ДС.)

Сочетаемость

Сочетается с глаголами физического действия в форме 2 лица, ед. ч./мн. ч. императива.

Коммуникативная зона

Выступает в качестве конституирующего компонента-реммы.

Прагматическая зона

- Употребляется в контексте речевого акта совета.
- Если говорящий испытывает эмпатию по отношению к слушающему, то дает совет совершать действие, при этом прикладывая минимальные усилия. ДС усиливает позицию говорящего.
- Если говорящий не испытывает эмпатии к собеседнику, то происходит изменение иллокутивной силы высказывания: говорящий недоволен тем, что его вовлекают в речевую ситуацию, и адресует свое высказывание собеседнику, желая прекратить коммуникацию. ДС подчеркивает недовольство говорящего.
- ДС обособливается, когда говорящий не испытывает эмпатии к слушающему. В таком случае обособление служит дополнительным маркером эмоционального состояния говорящего – недовольства.
- Отсутствие обособления снижает степень неудовлетворенности, которую испытывает говорящий, вовлеченный в коммуникативную ситуацию.
- При выведении ДС из состава высказывания утрачивается добавочный смысл, работающий на интенсификацию эмоционального состояния говорящего.

Стилистическая зона

Маркирует разговорный речевой регистр.

Паралингвистическая зона

- Сопроводительная мимика: поднимать брови, отводить взгляд в сторону.
- Сопроводительные жесты: пожимать плечами, двигать рукой в сторону.

Составленные описания показывают, что исследуемое дискурсивное слово может входить как в стимулирующую реплику в диалоге, так и в ответную.

Примеры:

«Ну, что дальше было?»;

«Ну, рассказывай!» (стимулы);

«Вы знаете артиста Игоря Кио? – Ну знаю»;

«Хорошо бы быстрее постареть. <...> Чтобы уже больше ничего не хотелось. – Ну согласна, – невесело усмехнулась Леля» (ответные).

«Ну» в составе стимулирующей реплики может встречаться в речевых актах (далее – РА) вопроса, императива, восклицания, просьбы, сообщения, предположения. Ответные реплики с «ну», в свою оче-

редь, могут реализовываться в следующих типах РА: сообщение, совет, восклицание, предположение, упрек. Среди всех вышеназванных типов речевых актов дискурсивное слово «ну» чаще употребляется в составе РА сообщения и восклицания (на основе анализа 23 лексем).

Также был сделан ряд обобщений относительно языковых свойств рассматриваемого ДС.

1. Для «ну» наиболее характерной является позиция в абсолютном начале предложения. Также ДС может занимать положение в серединной части синтаксической конструкции.
2. Одна из специфических черт «ну» заключается в невозможности его перестановки внутри предложения. Перемещение ДС внутри синтаксической структуры приведет к нарушению ее семантической и синтаксической цельности.
3. В высказываниях с «ну» допускается выведение ДС из синтаксической структуры, которая при этом не лишается грамматичности. Отсюда следует, что ДС является внеструктурным компонентом.
4. В некоторых из описанных значений ДС может употребляться в синтаксической позиции, свойственной для союзов, частиц, вводных слов.
5. ДС «ну» может вступать в отношения синонимии с союзами («Ну поел, ну назвал местные оборонные заводы гордостью России»), частицами («Ну, сходи, козлуша. В последний раз. Как тут не пойти»), вводными словами («Таких, как он, на нашей планете один есть ум, ну, два»).
6. ДС «ну» может сочетаться с именной и глагольной группами («Ну Иван, ну молодец!», «Ну ответь мне, если ты здесь»).
7. ДС «ну», являясь единицей диалогической речи, маркирует разговорный регистр.
8. ДС «ну» является конституирующим компонентом (ремой), так как привносит дополнительные смысловые оттенки в высказывание.
9. ДС придает большую степень эмоциональности высказыванию, в составе которого употребляется.
10. Большинство высказываний с «ну» имеет жестово-мимическое сопровождение, которое работает на усиление языковой экспрессии говорящего.

Анализ словарных описаний позволил установить соотношение между типом интонационной конструкции и типом речевого акта, в рамках которого употребляется ДС «ну». Так, «ну», употребляясь в контекстах, в которых не имеет яркого смыслового выделения, требует меньших затрат на произнесение и соотносится с репрезентативными речевыми актами. (Пример: «Ваш любимый цвет? – Ну синий и зеленый».) Типы значений «ну», которые произносятся с усилением

голосового тона, напротив, являются частью директивных и экспрессивных высказываний. (Пример: «Ну, взяли! Вскатим – бочка вина на всех!»)

Также был сделан вывод о факторе обособления рассматриваемой единицы внутри синтаксической конструкции. На основании анализа текстовых иллюстраций с «ну» получилось выявить, что для дискурсивных слов не позиция в предложении играет знаменательную роль в решении вопроса о графическом выделении, а фразовый акцент. Именно наличие/отсутствие фразового ударения, соотносящегося с прагматическими намерениями говорящего, определяет постановку знака препинания.

Выводы, полученные в результате анализа языковых данных, позволяют утверждать, что рассматриваемое дискурсивное слово имеет формальную выраженность и позиционную закрепленность в составе синтаксической конструкции, при этом часто являясь внеструктурным компонентом; воздействует на коммуникативную структуру высказывания; обладает неоднородностью просодических показателей, способностью употребляться в составе различных типов речевых актов, при этом всякий раз модифицируя контексты с точки зрения семантики и прагматики. Такие наблюдения относительно свойств дискурсивного слова «ну» отражают его мультифункциональную природу и дают возможность предположить, что класс дискурсивных слов в целом имеет большой потенциал для исследования.

Литература

- Баранов 1993 – Баранов А.Н, Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Кобозева 2004 – Кобозева И.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2004. С. 292–297.

Кафедра

УДК 94(8)
ББК 63.3(70)

И.Н. Косиченко

Методические рекомендации к построению дисциплины «История Латинской Америки в колониальную эпоху»

В данной публикации предлагаются методические рекомендации к построению курса лекционных и семинарских занятий по дисциплине «История Латинской Америки в колониальную эпоху» (бакалавриат). В основе курса – системный подход к изучению исторической эпохи, базирующийся на ряде ключевых для региона проблем социально-экономической и политической истории. Данные проблемы рассматриваются в своем развитии на протяжении периода господства иберийских королевств в Америке с хронологической и географической точек зрения, что позволяет создать у студента целостное представление о динамике исторических процессов в регионе в рамках предусмотренного учебным планом объема лекционных и семинарских занятий. Курс разделен на три основных хронологических блока: 1) эпоха открытия и завоевания Америки, 2) эпоха зрелости Испанской Америки, 3) эпоха реформ. Акцент в данном курсе сделан на социально-экономических процессах, таких как демография различных этносоциальных групп, представленность их в органах власти и экономической элите, взаимоотношения Испании и Португалии с их заморскими владениями, различиях в динамике развития между очагами испанского присутствия в регионе и периферийными областями. Успешное освоение курса предполагает формирование у студента знаний об основных событиях колониальной эпохи в Латинской Америке, но, что наиболее важно, знание факторов, влиявших на их развитие и динамику изменения этих факторов. Для освоения дисциплины необходимы знания и умения, сформированные в ходе изучения следующих дисциплин: Испанский язык, Испанский язык: латиноамериканский вариант, История доколумбовых цивилизаций Америки.

Ключевые слова: история, Латинская Америка, колониализм, Испанская Америка, Бразилия, межэтнические отношения, история коренных народов, экономическая история, социальная история

Курс «История Латинской Америки в колониальную эпоху» относится к части, формируемой участниками образовательных отношений блока дисциплин учебного плана по направлению подготовки 46.03.01 История («История и культура Латинской Америки»). Целью дисциплины является формирование у студентов систематических знаний по истории Латинской Америки колониального периода (XVI–XIX вв.). Освоение дисциплины способствует формированию целостной картины исторических судеб цивилизаций Америки в эпоху Великих географических открытий и европейского завоевания, формированию знаний о становлении и функционировании системы колониального господства на континенте, формированию знаний о становлении обществ в различных регионах Латинской Америки в культурном, политическом и этническом аспектах, формированию целостной картины экономической истории Испанской и Португальской Америк и их места в мировой экономике XVI–XIX вв., формирование знаний о становлении региональных элит и формирования у них региональной идентичности.

Концепция курса заключается в параллельном рассмотрении ряда обобщающих характеристик того или иного аспекта истории региона на лекции и изучения отдельного кейса в рамках этого аспекта на соответствующем семинаре. Для лучшего усвоения и закрепления студентами материала рекомендуется чередовать лекционные и семинарские занятия. В рамках курса рассматриваются следующие фундаментальные аспекты социально-экономической и политической истории региона: традиции государственного управления и функционирования социальных структур на Иберийском полуострове и в цивилизациях доиспанской Америки, их взаимное влияние и адаптация; формирование этнической картины региона: демографическая динамика индейского, африканского, европейского и смешанного населения, его социально-экономические функции и их историческое развитие; органы государственного управления: трансплантация испанских институтов светской и духовной власти, их адаптация к американским условиям, динамика роли коренного индейского и испанского (креолов) в этих институтах, их отношений с уроженцами Испании; развитие различных уровней экономической деятельности в регионе и их взаимосвязь между собой.

Курс построен по хронологическому принципу, в рамках которого делается акцент на том или ином аспекте исторического развития региона. Хронологически выделяются три макропериода: Конкиста (конец XV–XVI в.), Эпоха зрелости (конец XVI в. – середина XVIII в.), Реформы и Война за независимость (середина XVIII в. – 1825 г.). Для успешного освоения курса от студента требуется высокий уровень владения испанским и английским языками (уровень B2), наличие навыков работы с историческими источниками различных видов,

умение работать с историографией. Для освоения дисциплины необходимы компетенции, сформированные в ходе изучения следующих дисциплин: «История доколумбовых цивилизаций Америки». Курс находится в междисциплинарной связи с читаемым параллельно курсом «История Нового времени. Европа».

Общая трудоемкость дисциплины составляет 8 з. е., 288 ч, в том числе контактная работа обучающихся с преподавателем 84 ч, промежуточная аттестация 36 ч, самостоятельная работа обучающихся 168 ч, в т. ч. курсовая работа 72 ч. На лекционные занятия отводится 40 ч, на семинарские – 44 ч. Тематически курс строится следующим образом.

План лекционных занятий

Блок «Эпоха Конкисты» (10 ч)

Лекция 1. Основные характеристики общества и государства на Иберийском полуострове и в Америке накануне Конкисты

Фундаментальные характеристики основных функциональных единиц иберийского общества: город, социальные группы, принципы взаимодействия социальных групп, практики межэтнического взаимодействия, структура и функции государственного управления, церковь, торговля, практики колонизации в Испании и Португалии. Фундаментальные характеристики американского общества: типология (кочевые, полукочевые, оседлые), структура власти, экономика и трибутарные системы.

Лекция 2. Антильский этап Конкисты

Открытие и завоевания Антильских островов. Трансплантация испанского города и социальных структур на Антильские острова. Практики межэтнического взаимодействия: энкомьенда, набориас, рабство индейцев. Добыча драгоценных металлов и формирование системы внешней торговли. Экспансия и закрепление практик в последующих завоеваниях на континенте.

Лекция 3. Экономика Конкисты

Формирования городского общества и институтов, и социально-экономической и административной системы «рудник – город – порт». Развитие энкомьенды в Мезоамерике и Андском регионе, формирование системы снабжения городов. Развитие внутренней и внешней торговли и ремесел. Горное дело.

Лекция 4. Власть и вера в эпоху Конкисты

Формирование имперской административной системы и практик институциональной мобильности. Региональные органы власти. Формирование институтов черного и белого духовенства.

Лекция 5. Коренное население Америки в эпоху Конкисты

Демографическая катастрофа коренного населения. Модификация территориального деления. Новые и старые социально-экономические практики. Формирование органов самоуправления индейских общин. Интеграция индейского населения в имперское социально-экономическое пространство.

Блок «Эпоха зрелости» (12 ч)

Лекция 6. «Эпоха зрелости Испанских Индий»

Определение и периодизация понятия. Город, власть и общество. «Коренизация» элит. Законодательство Испанской Америки. Этно-социальные иерархии.

Лекция 7. Внутренние экономические процессы

Отмирание энкомьенды и распространение асьенд. Взаимоотношения частных хозяйств с индейскими общинами. Особенности рынка труда в сельском хозяйстве. Текстильная промышленность и ремесленные организации.

Лекция 8. Испанские Индии в мировой экономике

Добыча серебра: технические, экономические и социальные особенности. Международная торговля. Место купечества в социальной иерархии испано-американского мира.

Лекция 9. Церковь и культура

Черное и белое духовенство. Иезуиты. Инквизиция. Появление святых. Интеллектуальная жизнь Испанской Америки.

*Лекция 10. Индейское население
Испанской Америки в XVII в.*

Индейская община и испанизация индейского населения. Индейские языки в государственном делопроизводстве. Миграции индейского населения. Структура органов местного самоуправления и испанской администрации. Интеллектуальное творчество представителей коренного населения.

Лекция 11. Бразилия XVI–XVII вв.

Этапы колонизации: фактории, донатарии, формирование системы колониального управления. Индейский вопрос в Бразилии. Развитие сахарной промышленности. Социальная иерархия. Торговля и города.

*Лекция 12. Периферийные регионы
Испанской Америки в XVII в.*

Рио-де-ла-Плата. Ареал Тупи-Гуарани. Буэнос-Айрес. Испанская и португальская Амазония. Венесуэла. Территории пограничья: Араукания и Северная Мексика.

Блок «Реформы и Война за независимость» (16 ч)

*Лекция 13. Испано-американское общество
в начале XVIII в.*

Демографическая и социальная динамика этнически-смешанного населения. Трения между американскими испанцами (креолами) и метрополией в административном аппарате. Изменения в экономике и на рынке труда.

Лекция 14. Предпосылки Бурбоновских реформ

Развитие Атлантического побережья: Буэнос-Айрес, Венесуэла, Куба. Просвещение в Индиях. Общие принципы и основные идеи Бурбоновских реформ. Влияние Франции эпохи Людовика XIV на развитие испанского государства.

*Лекция 15. Бурбоновские реформы:
государство и общество*

Административные реформы: создание новых вице-королевств, создание системы интендантств. Военная реформа: создание гражданского ополчения. Отчуждение американских испанцев от органов власти.

*Лекция 16. Бурбоновские реформы:
торговля и экономика*

Создание монопольных компаний. Меры по стимулированию горного дела. Создание государственных монополий. Налоговые преобразования. Декрет о свободной торговле и его влияние на развитие американской экономики.

Лекция 17. Бразилия в XVIII в.

Развитие горно-промышленного комплекса в Минас-Жерайсе. Влияние горного дела на экономику Португальской империи. Идеи и реформы маркиза де Помбала. Бразильское общество в XVIII в.

Лекция 18. Развитие креольского национализма

Факторы, способствовавшие формированию региональной идентичности в Испанской Америке. Пресса, литература и искусство. Диспут о Новом Свете. Развитие институционализированной и любительской науки. Влияние Просвещения.

Лекция 19. Культура Бразилии

Литература. Образовательные учреждения и интеллектуальная жизнь. Развитие архитектуры и искусства.

*Лекция 20. Война за независимость
в Латинской Америке*

Акции неповиновения до 1808 г. Влияние французской оккупации на начало процесса отделения Америки. Кадисская конституция. Переезд португальского престола в Бразилию. Ключевые события и динамика Войны за независимость в Испанской Америке.

Литература

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / Отв. ред. Н.М. Лавров. М.: Наука, 1991. 520 с.

Lockhart J., Schwartz S.B. Early Latin America. A History of Colonial Spanish America and Brazil. N.Y.: Cambridge University Press, 1999. 500 p.

The Cambridge History of Latin America / Ed. by L. Bethell. Vol. 1. Colonial Latin America. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 644 p.

The Cambridge History of Latin America / Ed. by L. Bethell. Vol. 2. Colonial Latin America. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 914 p.

Планы семинарских занятий

Семинар 1. Модель европейской экспансии П. Шоню (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Концепция «Иберийской привилегии».
2. Основные предпосылки атлантической экспансии.
3. Условия открытия Америки.
4. Особенности завоевания и политические последствия завоевания Антильских островов.

Литература

Chauni P. La expansión europea (siglos XIII al XV). Barcelona: Editorial Labor S.A. P. 50–62, 105–146.

Семинар 2. Бургосские законы (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Исторический контекст принятия Бургосских законов.
2. Юридический контекст создания Бургосских законов.
3. Основные положения.
4. Результаты применения законов.

Источник

Ordenanzas reales para el buen regimiento y tratamiento de los indios. URL: <https://www.uv.es/correa/troncal/resources/leyesburgos1512.pdf>

Литература

- Sánchez Domingo R.* Las Leyes de Burgos de 1512 y la doctrina jurídica de la conquista // Revista jurídica de Castilla y León. 2012. No. 28. URL: https://www.jcyl.es/web/jcyl/AdministracionPublica/es/Plantilla100Detalle/1215245063566/_/1284233976966/Redaccion
- Pizarro Zelaya A.* Leyes de Burgos: 500 años // Diálogos: Revista de Historia. 2013. No. 1. P. 31–78.

*Семинар 3. Завоевание Центральной Мексики
глазами очевидца (2 ч)*

Вопросы для обсуждения

1. Характеристика источника.
2. Социальный портрет экспедиции Э. Кортеса.
3. Основные события завоевания.
4. Стратегии взаимодействия конкистадоров и индейцев.
5. Первые институты Новой Испании.

Источник

*Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании, URL:
<https://www.indiansworld.org/pravdivaya-istoriya-zavoevaniya-novoy-ispanii.html#.YVFsc7zaM9>*

Литература

Serés G. Sobre la disputada autoría de la Historia verdadera de la conquista de la Nueva España // Boletín de la Biblioteca de Menéndez Pelayo. 2013. Vol. LXXXIX. P. 15–61.

Семинар 4. Восстание энкомендеро 1544–1548 гг. в Перу (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Политическая ситуация в Перу в начале 1540-х гг.
2. Причины восстания.
3. Легитимация вооруженного восстания в испанской правовой традиции.
4. Проекты основания независимого королевства в Перу.

Литература

Drigo A.L. Tentativas jurídicas de legitimación del proyecto pizarrista en Perú (1544–1548) // Fronteras de la Historia. 2006. No. 11. P. 331–353.

Hemming J. The Conquest of the Incas. N.Y.: Harcourt Brace & Co., 1970. P. 235–249.

*Семинар 5. Эволюция правового статуса индейцев
в Новой Испании XVI в. (2 ч)*

Вопросы для обсуждения

1. Характеристика источника.
2. Общий правовой статус коренного населения.
3. Статус индейских населенных пунктов.
4. Налоговое законодательство.
5. Этнические и социальные привилегии.
6. Энкомьенда и трудовые повинности.
7. Правовая защита индейцев.

Источник

Recopilacion de leyes de los reynos de las Indias. Tomo Segvndo / Ed. por F. Fernández de Madrigal. Madrid: Ivlian de Paredes, 1681. F. 180–275.

Литература

Petzold-Pernía H. Norma y realidad en las “Leyes de Indias” // Revista de la Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas. 1993. No. 88. P. 120–132.

Семинар 6. Новая Испания XVII в. глазами иностранца (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Характеристика источника.
2. Власть, церковь и общество в Новой Испании.
3. Образ жизни городского населения.
4. Городская и сельская экономика и торговля.

Источник

Gage T. The The English-American, His Travail by Sea and Land. L: R. Cotes, 1648. Chpt. VIII–XIX.

Литература

Thompson J.E. Editor’s Introduction // Travels on the New World. Norman: University of Oklahoma Press. P. XV–LI.

*Семинар 7. Королевство Кито в XVII в. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Характеристика источника.
2. Светская и церковная администрация.
3. Сельское хозяйство региона.
4. Ремесло, добыча природных ресурсов и торговля.

Источник

Compendio y descripción de las Indias occidentales por fray Antonio Vázquez de Espinosa carmelita descalzo. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/cronistas-coloniales-segunda-parte--0/html/00011b3c-82b2-11df-acc7-002185ce6064_11.html#I_151_

Литература

Roberto Páez J. Biografía de fray Antonio Vázquez de Espinosa, carmelita descalzo. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/cronistas-coloniales-segunda-parte--0/html/00011b3c-82b2-11df-acc7-002185ce6064_11.html#I_150_

*Семинар 8. Манильский галеон в конце XVII в. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Характеристика источника.
2. Тихоокеанская навигация в XVII в.
3. Социальный портрет экипажа и пассажиров.
4. Морские традиции и суеверия XVII в.
5. Жизнь на борту.

Источник

Gemelli Careri J.F. A Voyage Round the World / A Collection of Voyages and Travels, Some now first Printed from Original Manuscripts. L.: Black Swan, 1704. Vol. IV. P. 478–500.

Литература

Loureiro R.M. The Chinese Adventures of an Italian Globe-Trotter: Gemelli Careri and his “Giro del Mondo (1699–1700)” // History of Mathematical Sciences: Portugal and East Asia. 2018. Vol. V. P. 3–11.

Семинар 9. Образовательные учреждения
в Индиях XVI–XVII вв. (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Испанизация индейцев и изучение индейских языков.
2. Школа и начальное образование.
3. Правовое положение *colegios* и *seminarios*.
4. Университеты Испанской Америки.
5. Правовое положение университетов.
6. Цензура и книгопечатание.

Источник

Recopilacion de leyes de los reynos de las Indias. Tomo Primero / Ed. por F. Fernández de Madrigal. Madrid: Ivlian de Paredes, 1681. F. 110–125.

Литература

- Martínez Ferrer L.* (2016), *Las primeras Universidades de América (Siglo XVI) // L'insegnamento superiore nella storia della Chiesa: scuole, maestri e metodi / Ed. por J. Leal, M. Mira. Roma: Edizioni Santa Croce, 2016. P. 267–300.*
- Martínez Sagredo P.* *Sobre la castellanización y educación de los indígenas en los Andes coloniales: materiales, escuelas y maestros // Diálogo Andino. 2020. No. 61. P. 41–54.*

Семинар 10. Иезуитские редукции в Парагвае (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. География исторического Парагвая и иезуитских поселений.
2. Предпосылки учреждения редукций.
3. Колонизация и урбанизация региона.
4. Общество и экономика редукций.

Литература

Viñuales G.M. *Misiones jesuíticas de guaraníes (Argentina, Paraguay, Brasil) // Apuntes. 2007. Vol. 20. No. 1. P. 108–125.*

*Семинар 11. Инквизиция в Новой Испании XVI–XVII вв. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Административная структура инквизиции в Новой Испании.
2. Правовые основы работы инквизиции в Америке.
3. Выдающиеся инквизиционные процессы XVI в.
4. Инквизиция и индейское население.

Источник

Recopilacion de leyes de los reynos de las Indias. Tomo Primero / Ed. por F. Fernández de Madrigal. Madrid: Ivlian de Paredes, 1681. F. 91–103.

Литература

Miranda Ojeda P. Las comisarias del Santo Oficio de la Nueva España, siglos XVI–XVII // *Contribuciones desde Coatepec*. 2010. No. 18. P. 37–68.
Soberanes Fernández J.L. La Inquisición en México durante el siglo XVI // *Revista de la Inquisición*. 1998. No. 7. P. 283–295.

*Семинар 12. Бразильская экономика первой половины XVII в. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Характеристика источника.
2. Бразилия в имперской экономике Португалии.
3. Особенности сахарного производства.
4. Виды и особенности торговли.
5. Прочие доходные виды деятельности.

Источник

Opportunity for Success: Ambrósio Fernandes Brandão, Great Things of Brazil // *Early Brazil: A Documentary Collection to 1700* / Ed. by S.B. Schwartz. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 204–224.

*Семинар 13. Здравоохранение и соцобеспечение в Испанской Америке (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Законодательное регулирование учреждений здравоохранения.
2. Типовые санитарные меры в XVI–XVII вв.
3. Социальные практики индивидуальной благотворительности.
4. Организации социальной взаимопомощи.

Источники

Recopilacion de leyes de los reynos de las Indias. Tomo Primero / Ed. por F. Fernández de Madrigal. Madrid: Ivlian de Paredes, 1681. F. 15–19.

Recopilacion de leyes de los reynos de las Indias. Tomo Segvndo / Ed. por F. Fernández de Madrigal. Madrid: Ivlian de Paredes, 1681. F. 159.

Литература

Charney P. A Sense of Belonging: Colonial Indian Cofradías and Ethnicity in the Valley of Lima, Peru // *The Americas*. 1998. Vol. 54. No. 3. P. 379–407.

Lacoste P., Cruz E., Polanco C. Pobres y pobreza en los testamentos (Reino de Chile, 1585–1641) // *Varia Historia*. 2014. No. 30 (54). P. 753–776.

Rivasplata P. Salud publica impulsada por el Cabildo de Lima durante la Colonia // *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*. 2014. No. 41. P. 239–273.

*Семинар 14. Метисы и американское общество XVIII в. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Демография этнически смешанного населения.
2. Правовой статус метисов.
3. Социально-экономическое положение метисов.
4. Эволюция восприятия и положения метисов в американском обществе.

Литература

Rodríguez Jiménez P. Sangre y mestizaje en la América Hispánica // *Anuario colombiano de historia social y de la cultura*. 2008. No. 35. P. 279–310.

San Miguel G. Ser mestizo en la Nueva España a fines del siglo XVIII. Acatzingo, 1792 // *Cuadernos de la Facultad de Humanidades y Ciencias Sociales*. 2000. No. 13. P. 325–342.

*Семинар 15. Просвещенное чиновничество и административные реформы в Индиях (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Об авторе.
2. Церковный вопрос.
3. Основные задачи генеральных инспекций.
4. Преимущества и недостатки Испанской империи в контексте европейского опыта.
5. Задачи учреждения интендантств.
6. Индейский вопрос.

Источник

Campillo y Cossío J. (1789) Nuevo sistema de gobierno económico para la América. Madrid: Imprenta de Benito Cano, 1789. P. 36–111.

Литература

Mateos Dorado D. José Campillo y Cossío // Biografías, Real Academia de Historia. Madrid, 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/10184/jose-campillo-y-cossio>

Семинар 16. Контрабанда и экономика Америки
XVII–XVIII вв. (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Социально-экономические причины возникновения контрабанды.
2. Ключевые регионы контрабандной торговли.
3. Практики осуществления нелегальной торговли.
4. Борьба с контрабандой.

Литература

Ojeda J.V. Corrupción y contrabando en la Península de Yucatán de la Colonia a la Independencia. Mérida: SEDECULTA, 2015. P. 95–152.

Possamai P.C. El contrabando en la colonia del Sacramento en la primera mitad del siglo XVIII. URL: <https://www.audhe.org.uy/images/stories/upload/pdf/possamai.pdf>

Camacho C. La actividad contrabandista y el distanciamiento Estado-ciudadano durante la colonia en Venezuela // Procesos Históricos. Revista de Historia y Ciencias Sociales. 2002. No. 2. P. 74–105.

Семинар 17. Идеи и практики реформ династии Бурбонов (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Реформы в Испанской Америке в мировом контексте.
2. Философия и конкретика реформ.
3. Идея и практика реформ в работе высшего чиновничества.

Источник

Carta nº 19, sin índice, del virrey O’Higgins, marqués de Osorno, Barón de Balenary, a Eugenio Llaguno, secretario de Estado de Gracia y Justicia, Archivo General de Indias, LIMA.714. N. 57.

Литература

- Morelli F.* La redefinición de las relaciones imperiales: en torno a la relación reformas dieciochescas / independencia en América // Nuevo Mundo Mundos Nuevos. 2017. URL: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/32942>
- Farías E.* Ideas económicas en Nueva España en el siglo XVIII // El Trimestre Económico. 1947. Vol. 14. No. 53 (1). P. 68–82.

*Семинар 18. Торговые объединения Америки и реформы (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Структура внутренней торговли накануне реформ.
2. Влияние реформ на торговые объединения Америки.
3. Практики сопротивления и адаптации торговых объединений.

Литература

- Laserna Gaitán A.I.* La crisis de la élite mercantil limeña y la prohibición de comercio a los productos británicos en 1780 // Chronica Nova. 1995. No. 22. P. 165–184.
- Ibarra A.* El Consulado de Comercio de Guadalajara, 1795–1821. Cambio institucional, gestión corporativa y costos de transacción en la economía novohispana // Dinero y negocios. Contribuciones a la historia de América Latina en homenaje a Reinhard Liehr. Frankfurt am Main: Vervuet Iberoamericana, 1989. P. 231–263.

*Семинар 19. Inconfidência mineira 1789 г. (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Причины возникновения заговора и его участники.
2. Структура региональной элиты провинции Минас-Жерайс.
3. Идеи и планы заговорщиков.
4. Раскрытие и следствие: особенности взаимодействия органов власти.
5. *Инконфиденсия* в контексте имперской политики Португалии.

Литература

- Maxwell K.* Conflicts and Conspiracies: Brazil and Portugal, 1750–1808. L.: Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 123–197.

*Семинар 20. Элита Мехико против кадровых реформ
Карлоса III (2 ч)*

Вопросы для обсуждения

1. Обоснование необходимости брать на госслужбу только американцев.
2. Последствия предпочтения европейцев на службе в Америке.
3. Вопрос чистоты крови и службы.

Источник

Representación que hizo la Ciudad de México al rey don Carlos III en 1771 sobre que los criollos deben ser preferidos a los europeos en la distribución de empleos y beneficios de estos reinos. URL: <https://www.memoriapoliticademexico.org/Textos/1Independencia/1771RCM.html>

*Семинар 21. Конституционные проекты
Франциско де Миранды (2 ч)*

Вопросы для обсуждения

1. Франциско де Миранда: основные этапы биографии, связи с зарубежными правительствами, обстоятельства написания конституционных проектов.
2. Характеристика проекта Конституции 1798 г.
3. Характеристика проекта Конституции 1801 г.
4. Характеристика проекта Конституции 1808 г.

Источники

Конституционные проекты Ф. Миранды (перевод Алексеевой Т.А.) // Сравнительно-правовой подход при анализе источников права. СПб., 2010. С. 49–74.

Литература

Iserov A. Francisco de Miranda // Oxford Research Encyclopedia of Latin American History, 2019.

Алексеева Т.А. Римское публичное право как источник конституционных проектов Франциско де Миранды // Сравнительно-правовой подход при анализе источников права. СПб., 2010. С. 29–48.

История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. М.: Наука, 2010. С. 99–108.

*Семинар 22. Американцы и испанский либерализм (2 ч)**Вопросы для обсуждения*

1. Предпосылки возникновения испанского либерального конституционализма.
2. Представительство Америки в Учредительном собрании.
3. Америка в Конституции 1812 г.
4. Влияние Конституции 1812 г. на историю Латинской Америки.

Источник

Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. URL: https://www.congreso.es/constitucion/ficheros/historicas/cons_1812.pdf

Литература

- Galeana P.* El impacto de la constitución de Cádiz en México // Memoria del seminario internacional: conmemoración del Bicentenario de la Constitución de Cádiz. Las ideas constitucionales de América Latina. México: UNAM, 2013. P. 243–251.
- Pabón Serrano O.M.* Las Cortes de Cádiz y los españoles de ambos hemisferios: el debate sobre la igualdad de representación entre americanos y peninsulares // Revista Temas. 2012. No. 6. P. 99–127.
- Samper Pizano E.* La Constitución de Cádiz de 1812 y la independencia iberoamericana // Poliantea, 2012. No. 8 (14). P. 245–258.

Abstracts

Anastasiya V. Emtsova

The regional identity of the elites of 17th century New Spain
in the work of Carlos de Sigüenza y Góngora

This article examines the key points of regional identity highlighted in the writings of the New Spanish writer Carlos de Sigüenza y Góngora. The study draws on published fiction and historical narrative sources, which include poems, chronicles and treatises. The corpus of works in which the idea of a New Spanish regional identity is expressed includes such works of Góngora as the poem Primavera Indiana, the chronicles Glorias de Querétaro and Parayso Occidental, and the treatise Teatro de las virtudes políticas que constituyen a un príncipe. The study identified the author's territorial, religious and political affiliations as key points of New Spanish regional identity, each embodied in national symbols. On the basis of these key points, we can speak of the articulation of a Creole regional identity, which represented the desire for self-identification that emerged among American-born Spaniards, an awareness of themselves as a distinct community with their own culture, territory, past, and a desire to uphold the interests of this community. Through the justification of the indigenous peoples' belonging to Christian history through the genealogy of Neptune, the illustration of the virtues of Aztec rulers and pre-Hispanic priestesses, and the appearance of the Virgin Mary of Guadalupe, Sigüenza y Góngora laid the foundation for the formation and development of what he considered to be his own historical legacy.

Keywords: creoles, identity, New Spain, nationalism, Mexico, patriotism, Jesuits, Sigüenza y Gongora

Nikolai S. Klimov

Features of monetary policy and circulation
in the non-Spanish Antilles in the XVII–XIX centuries

The article is dedicated to the study of the economic policy of major European empires in the context of the regulation of monetary relations and coin circulation in the Antilles. The question is raised about the importance of the Spanish currency in the money supply of colonies that did not belong to Spain, but used the peso as a means of payment. It is this criterion that is the key in this study, which does not cover the entire

region as a whole, but is limited only to non-spanish islands. The study of the mechanisms of monetary regulation in such important possessions of Spain as Cuba, Hispaniola and Puerto Rico, as well as the influence of the British and French currencies on their monetary circulation, is perhaps a topic for a separate study. This study examines, among other things, the relationship of the local colonial administration with the central authority of the metropolises, as well as economic practices and tricks resorted to by the governors of the colonies in order to increase the inflow of currency to the territories under their control. Numismatic material allows us to evaluate the real implementation of the monetary policy of empires, local legislative initiatives and to detect local monetary productions that did not have a legal status, but caused by an acute need for a small coin. The study traces the trends in the development of commodity-money relations and the close interaction of the island colonies of various European states with each other. The manifestations of foreign economic and political factors that inevitably influenced the monetary circulation and economic well-being of the Antilles do not remain aside. Examples of specific economic measures and long-term monetary policy are used to trace various models of colony development.

Keywords: West-Indies, Caribbean, monetary policy, coin circulation, coin history

Veniamin Yu. Lyapin

Oswaldianism in the work of the tropicalista musicians during the military dictatorship period (1967–1968)

In the late 1960-s, under the influence of the idea of so-called “cultural cannibalism” and as a reaction on the political situation in Brazil, the Tropicália movement occurs under the leadership of some musicians from Bahia. They were influenced by various English and American artists, but most importantly, by the works of Brazilian writer Oswald de Andrade and his concept of cultural cannibalism from his “Manifesto Antropófago” (1928). The analysis of the practical usage of this concept leads to better examination of the ways of formation of Brazilian national identity in XX century. This article’s objective is to analyse the application of the concept of “cultural cannibalism” of O. de Andrade and to reveal the role of this very concept in the development of Brazilian culture through the compositions of tropicalists musicians. The sources for the article are: the works of O. de Andrade, including his “Manifesto Antropófago”, the lyrics of the compositions of various popular authors, interviews with the musicians and their memoirs.

Keywords: tropicalism, cultural cannibalism, pop music, nationalism, primitive mentality

Mikhail A. Kopeikin

The emergence of Eric Gairy's regime on Grenada

The establishment and formation of dictatorial regimes in Latin America in the 20th century was a distinctive feature of this region. This feature was not spared by the Lesser Antilles, where the dictatorial regime of E. Gairy was established on the island of Grenada. The purpose of this work is to identify the reasons for the coming to power of E. Gairy, the influence of Gairy's activities on the development of the island, the nature of his relationship with the planters and the colonial administration, to characterize the economy of Grenada in the 1950s and 1970s. and also to identify some of the reasons that influenced the fate of the regime.

Keywords: Gairy, gairyism, the Grenada Revolution, Caribbean Basin

Nikolai V. Bystryj

Academical everyday life of the professorial corporation
of the Moscow theological academy in 1898–1905

Higher theological school at the turn of the XIX–XX centuries had a difficult relationship with its administration. The course towards the eradication of secular professors, laid down by Chief Procurator K.P. Pobedonostsev by the end of the century gradually became an integral part of the Holy Synod's policy towards theological academies. At the turn of the century, several rectors changed at the Moscow Theological Academy, leaving a significant mark on its history and influencing the life of academic professors. This article is devoted to the consideration of changes in her everyday life in the conditions of the new course of the Synod. Special attention is paid to the difference in views on the meaning of the existence of theological academies in the academic environment.

Keywords: orthodoxy, higher theological education, Moscow Theological Academy, professorate, students

Vyacheslav D. Evplov

On the history of archaeographic activity of I.L. Mayakovsky
and M.S. Vishnevsky: a documentary review

This article is a review of the documentary collection, consisting of educational materials of the laboratory of the Department of Archives of the Institute for History and Archives, related to the activities of I.L. Mayakovsky and M.S. Vishnevsky. The materials shed light on various aspects of their scientific work – in particular, on the preparation of the publication of the

epistolary heritage of I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky and related persons. Many documents represent authentic autographs of scientists.

Keywords: Institute for History and Archives, I.L. Mayakovsky, M.S. Vishnevsky, I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, Russian literature, IRLI, archaeography

Anastasiya A. Kirichek

Science of and for politics: the professionalization
of American political science in the early XX century

Based on the addresses of the Presidents of the American Political Science Association and on the program materials from the American Political Science Review and the Proceeding of the American Political Science Association, the article characterizes the period of the professionalization of American political science. The founding of the Association in 1903 showed an ideological break with the former ideas about political science. The first generation, that understood political science as a republican project of civic minded pedagogy, was replaced by the second generation sought to professionalize the discipline and to put it in the service of the administrative state. In addition, the model of scientific research had changed. Historical realism replaced Teutonism, which was inherent in the first generation. It contributes to the growth of the authority of “fact” and “impartial judgment” among political scientists. This research focuses on the process of changing disciplinary boundaries and building a disciplinary identity. The author also focuses on the relationship between political science and politics. The chronological framework is limited to the first decade of the Association’s existence – from 1903 to 1913. It was a time when the most general questions were posed to political science. After 1913 the ways of thinking about politics and science had changed, and the view of science and the structure of knowledge shifted towards a rigorous scientism.

Keywords: American Political Science Association, disciplinary history, history of political science, intellectual history.

Sofiya V. Buslaeva

The problem of “art in production”
in the intellectual activities of B.I. Arvatov

In the first half of the 1920s, an ideology was formed in the propaganda and mass art of the Soviet Union aimed at educating a new socialist man, conscripted to serve mechanization and industrialization. In the 1920s B.I. Arvatov – soviet art critic and literary critic acted as an ideologist and

theorist of industrial art in the 1920s. The new direction in the culture and education of the artist-engineer posed questions devoted to a wide range of problems: the complementarity of production and art, the integration of art into production, the technical revolution, the education of artist-engineers, the problem of the solidity of the theory of “art as production”, etc. The theorists of industrial art have made an attempt to characterize both the features of the new artistic direction and the main issues and the necessary stages of its development. The author concludes that new socialistic art was formed as a separate trend in Soviet culture, declaring its principles regardless of attempts to introduce theoretical concepts into its inner world, despite the multifactorial nature of the theory of “art as production”.

Keywords: industrial art, “art as production”, Arvatov, Soviet culture, propaganda and mass art

Anastasiya V. Volkova

Architecture and power: the transformation
of housing policy in the 1920s and 1930s

This study examines the transformation of housing construction through the prism of state declarations and creative discussions. Extrapolation of the goals and objectives of housing construction at the level of government structures in the public space reflects the vector of development of the main urban development trends aimed at the transformation of “Soviet housing”. In addition, focusing on the creative environment represented by architects allows you to track the perception and interpretation of the main state lines “on the fronts of housing construction”.

Keywords: architecture of the XX century, housing policy, Soviet housing, urban planning, Soviet residential architecture

Kseniya S. Shevyakova

Cultural aspects of Soviet diplomacy in Venezuela
(on the materials of Foma A. Trebin’s mission, 1946–1952)

The article is devoted to the cultural aspect of the history of the Soviet diplomatic mission in Venezuela. Based on a wide range of office documents, business and private correspondence, periodicals found in the funds of the State Archives of the Russian Federation, the article reveals the details of the activities of the Soviet diplomatic mission headed by Foma Andreyevich Trebin in Venezuela in 1946–1952. An important part of the work of the diplomatic corps was the popularization of Soviet ideology, culture and scientific achievements, in particular, supervising the activities of the Venezuelan-Soviet Institute of Cultural Relations and its branches.

Also, diplomats needed to interact with the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) and the Soviet Information Bureau (SIB). Despite significant successes, the diplomatic corps experienced difficulties in the course of its activities, and was subsequently forced to complete its work. Soviet-Venezuelan relations were interrupted in 1952 and resumed again only in 1970.

Keywords: Soviet-Venezuelan relations, Venezuelan-Soviet Institute of Cultural Relations, VOKS, the Soviet Information Bureau, Trebin

Nataliya V. Godova

The discourse marker “nu”

This article deals with brief theoretical information about Russian discourse words as a part of spoken discourse. The main object of the research is the discourse word “nu” and the key purpose of the article is to learn about the linguistic peculiarities of “nu” at different levels of the language such as phonetics, semantics, syntax, pragmatics. In order to make a holistic analysis of the mentioned discourse word, the author of this article represents a method for collecting text data. The article includes the types of linguistic information which was used to make lexicographical descriptions of “nu” and examples of these very descriptions. As a result, it is possible to make conclusions about the various ways of how discourse word “nu” functions in the system of the Russian language.

Keywords: discourse word, communication, spoken discourse, lexicographical descriptions, pragmatics

Ivan N. Kosichenko

The history of colonial Latin America:
classroom discussion plans
and methodological guidelines

This article deals with methodological recommendations and guidelines for composition of lectures and classroom discussions on the course “The History of Colonial Latin America” (bachelor’s degree). The course is based on systematic approach for study of a historical epoch following the key socioeconomic and political problems of the region. These are analyzed in the course of development through entire period of Iberian domination in America from chronological and geographical points of view. This allows to the student to form a complete picture of historical dynamics in the region in accordance with scheduled hours of lectures and discussion classes. The course is divided in three main chronological units: 1) The Epoch of Con-

quest, 2) The Epoch of Maturity and 3) The Epoch of Reform. The course is focused on such socioeconomic dynamics as demography of different ethno-social groups, their representation in the administration and economic elite, relation of Spain and Portugal with their overseas possessions, differences in development dynamics between core regions of Spanish presence and peripheries. Successful completion of the course means that a student has gained the knowledge of main events of colonial history of Latin America, however more important is his knowledge of key factors which influenced on their development and dynamics of change. In order to complete the course are required knowledges and skills previously obtained by completion of following courses: Spanish language, Spanish language for Latin America, History of American pre-Columbian Civilizations.

Keywords: history, Latin America, colonialism, Spanish America, Brazil, interethnic relations, history of indigenous peoples, economic history, social history

Сведения об авторах

Буслаева Софья Владимировна, студентка, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; buslaeva.sonya@icloud.com

Быстрый Николай Владимирович, студент магистратуры, исторический факультет, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; nickolay.bystryj@yandex.ru

Волкова Анастасия Валерьевна, студентка магистратуры, исторический факультет Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ananas199@lenta.ru

Годова Наталья Владимировна, студентка, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет; 89250841165@mail.ru

Евлов Вячеслав Дмитриевич, студент, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; poligrafkazachenko@mail.ru

Емцова Анастасия Владимировна, студентка, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; emtsova_2002@mail.ru

Киричек Анастасия Антоновна – студентка, факультет международных отношений и политологии, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ankir071201@gmail.com

Климов Николай Станиславович, студент, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; klimov.nickolay02@mail.ru

Копейкин Михаил Андреевич, студент магистратуры, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; kmzae@mail.ru

Косиченко Иван Никитович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ivan.kosichenko@gmail.com

Ляпин Вениамин Юрьевич, студент, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; vyulyarin@gmail.com

Шевякова Ксения Сергеевна, студентка магистратуры, исторический факультет, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ksenia.sheviakova99@gmail.com

Data about authors

Bystryi Nikolai V., student of the master program “Historical expertise: Modern Approaches and Methods”, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, nickolay.bystryj@yandex.ru

Buslaeva Sofiya V., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; buslaeva.sonya@icloud.com

Godova Nataliya V., student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; 89250841165@mail.ru

Emtsova Anastasiya V., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; emtsova_2002@mail.ru

Eplov Vyacheslav D., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; poligrafkazachenko@mail.ru

Kirichek Anastasiya A., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ankir071201@gmail.com

Klimov Nikolai S., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; klimov.nickolay02@mail.ru

Kopeikin Mikhail A., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; kmazae@mail.ru

Kosichenko Ivan N., Cand. of Sci. (History), senior lecturer, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ivan.kosichenko@gmail.com

Lyapin Veniamin Yu., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; vyulyapin@gmail.com

Shevyakova Kseniya S., student of the master program “Historical expertise: Modern Approaches and Methods”, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, ksenia.sheviakova99@gmail.com

Volkova Anastasiya V., student of the Historical Faculty, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ananas199@lenta.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 9,0.
Заказ № 1738

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru